

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Тамбовский
АЛЬМАНАХ

№ 30

ТАМБОВ • 2026

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ № 30

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России
Издаётся с 2005 года

Главный редактор

Мещеряков Ю.А. (Тамбов), *секретарь Союза писателей России,
председатель правления Тамбовского регионального отделения.*

Редакционная коллегия

- Аршанский В.С. (Мичуринск), *член Союза писателей России, заслуженный
работник культуры РФ, Почётный гражданин Тамбовской области.*
- Бережной С.А. (Белгород), *секретарь Союза писателей России,
главный редактор альманаха «Пересвет».*
- Беридзе Ю.В. (Москва), *член Союза писателей России,
главный редактор газеты «Российская кооперация».*
- Дорожкина В.Т. (Тамбов), *член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры РФ, почётный профессор ТГУ
имени Г.Р. Державина, Почётный гражданин города Тамбова.*
- Желтова Н.Ю. (Тамбов), *литературовед, доктор филологических наук,
Профессор.*
- Знобищева М.И. (Тамбов), *член Союза писателей России, литературовед,
кандидат филологических наук.*
- Иванов Г.В. (Москва), *первый секретарь правления Союза писателей России,
председатель исполкома Международной литературной премии
имени Сергея Есенина.*
- Кочуков С.К. (Тамбов), *член Союза писателей России,
Почётный гражданин Тамбовского района.*
- Курбатова Т.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России,
руководитель литературного объединения «Радуга».*
- Луканкина Е.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России.*
- Лютый В.Д. (Воронеж), *член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Подъём».*
- Николаева А.Н. (Тамбов), *член Союза писателей России,
кандидат исторических наук.*
- Пешкова С.Н. (Липецк), *член Союза писателей России, руководитель
Липецкого регионального отделения СМЛ.*
- Пронина Л.А. (Тамбов), *доктор философских наук, профессор, директор
Тамбовской областной универсальной научной библиотеки
имени А.С. Пушкина.*
- Черняк С.В. (Тамбов), *член Союза писателей России.*

ISBN 978-5-6055457-8-1

ISBN 978-5-6055457-8-1

9 785605 545781 >

© СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тамбовское отделение

* * *

Подсолнух цветёт. Значит, с маслицем будем.
И свёкла растёт – будет нам сахарок.
А что ещё нужно в провинции людям,
Которые знают и время, и срок?

Сажать в печку хлеб или в грядку картофель,
А в ночь сэкономить – и выключить свет?
И Фауст не брат им, и чужд Мефистофель,
Которых придумал немецкий поэт.

Об этом я думал, когда направлялся
В столицу земли чернозёмной – Тамбов.
Прообраз земли за окном проявлялся,
Приковывал блеском святых куполов.

Автобус качал и вытряхивал душу,
Гремел, потому что был старенький он.
Я очень был занят: внимательно слушал
Идущий из сердца таинственный звон.

Александр МАКАРОВ,
член Союза писателей России

Михаил ГРИШИН

Призрачное кладбище

Послевоенный детектив. Фрагмент романа.

Глава 1

Это было древнее городское кладбище с кривыми старыми вётлами. В их кронах, в густом переплетении толстых ветвей, зловещими наростами топорщились чёрные гнёзда. Там жили многочисленные стаи грачей, беспрестанно загаживая серым помётом могилы, кресты, надгробья, склепы. Вечно галдящие, каркающие, они как будто наклевали беду. Зрелище представлялось жутким даже в солнечный день, свет которого сюда не проникал.

Вокруг кладбища некогда был выкопан глубокий ров; со временем он осыпался, зарос бурьяном и глухой крапивой в человеческий рост. Проезжая дорога, с цветущими по обочине и посередине пышником и пастушьей сумкой, проходила так близко, что свисавшие через ров сучья касались голов и плеч прохожих. В сумерках привычные предметы имеют свойства менять свои очертания и становиться зловещими. Было похоже на то, как если бы кто-то невидимый пытается схватить одинокого путника и утянуть вглубь, где в сырых кущах пребывают лишь тленный дух и безмолвные могилы.

Мимо этого жуткого кладбища и пришлось сейчас идти старшему лейтенанту уголовного розыска Илье Журавлёву. В район старого кладбища его отправил Клим Орлов – его непосредственный начальник. Обойти же кладбище не представлялось возможным: справа сразу начинался глубокий овраг, в кустах которого цвела застоявшаяся вода, росли осока и камыши. Уже на подходе к страшному месту в воздухе ощущалось что-то нехорошее и ноги сами убыстряли шаг.

Журавлёв, конечно, много чего успел повидать на фронте. Но тут обстоятельства были иные – мистические, и ему слегка было не по себе, хотя по-настоящему в такую чепуху, как загробная жизнь, он не верил. И не пото-

му, что был комсомольцем, а в силу своей профессии оперативного сотрудника УГРО по Тамбовской области и по личному опыту знал, что мрачные кущи запущенного кладбища являются самым подходящим местом для преступлений, особенно связанных с жестокими убийствами.

Только он так подумал, как внезапно кусты сирени слева раздвинулись, и оттуда выскочил белобрысый мальчишка лет девяти-десяти. Увидев человека в милицейской форме, он понёсся ему навстречу с такой прытью, что его линия, выцветшая до белёсого цвета, некогда голубая рубаша на спине надулась пузырями. Мелькая босыми в цыпках грязными ногами, ступни которых трогательно выглядывали из-под коротких замызганных штанишек, пацан бежал по зарослям низкорослой жгучей крапивы, не обращая внимания на ожоги.

– Дя-а-аденька ми-лицы-и-ионер! – ещё издали закричал он, широко разевая рот с двумя отсутствовавшими передними зубами, тараща округлившиеся от испуга глаза. – Там тётя валяется... мёртвая!

С разбега влетев в Журавлёва, мальчишка остановился, дыша часто и отрывисто. Снизу вверх заглядывая в суровое лицо милиционера, попеременно почесывая загорелые остреканные голени то одной стопой, то другой, он принялся торопливо рассказывать, глотая от волнения слова, тыча указательным пальцем с обгрызанным ногтем в сторону кладбища:

– Мы, дяденька милиционер, с Кольчой играли в казаков-разбойников возле склепа одного буржуя... Тетикова. А потом я побежал прятаться... в этот самый склеп. Пролез через дырку внутрь, а там... ноги торчат из-под веток. Синюшные такие, холодные... как ледышка. Бр-р-р... Я скорее назад вылезать. Лезу, а сам думаю, вот сейчас этот упокойник схватит меня самого за ногу... Ох, и натерпелся я страху! Но вы не думайте, я всё равно успел заметить, что эти ноги... от тётеньки. Там ещё шапка такая... бабья валялась... и волосы длинные торчали... Я Кольче как сказал про мёртвую бабу, так он сразу в церковь побежал от страха. Должно быть, молиться, – презрительно усмехнулся мальчишка и пренебрежительно сплюнул. – Он трус ещё тот. – Присутствие рядом милиционера с пистолетом, очевидно, придавало мальчишке уверенности. – Пойдёмте, я вам покажу место, где эта мёртвая тётенька лежит. – Пацан цепко ухватил Журавлёва за руку, потянул за собой на кладбище.

Накануне на станции на вагон с сахаром было совершено разбойное нападение. Опломбированный вагон следовал в Ленинград, временно находился на запасном пути, дожидаясь ночного отправления. Охранявший его сторож был оглушен металлической «фомкой», которой обычно орудуют опытные воры. Её обнаружили неподалёку от места преступления сами железнодорожники, проезжавшие мимо на дрезине для ремонта путей на ближнем полустанке. Они-то нечаянно и спугнули расхитителей социалистической собственности. Судя же по тому, что обошлось без выстрелов, налётчики, скорее всего, были не ярыми уркаганами, а местными жителями, из разряда мелкой шпаны. В спешке бросив два мешка с сахаром, они в панике скрылись в ночи. Правда, один из налётчиков, которого успел ухватить за рукав бывший кузнец, а ныне мастер-путеец товарищ

Курдюмов, неробкого характера мужчина, порезал ему финкой руку, чтобы вырваться.

Сейчас путейцы находились в мастерской, расположенной в полутора километрах от кладбища. Вот к ним-то Журавлёв и направлялся уточнить у пострадавшего железнодорожника кое-какие вопросы, связанные с ночным налётом. В связи же с открывшимися новыми обстоятельствами – обнаруженный труп неизвестной женщины – приходилось теперь задание майора Орлова временно отодвинуть на второй план.

– Может, нам лучше всё же пройти через вход? – заколебался Илья, с неудовольствием оглядывая раскинувшиеся перед ними непроходимые зелёные джунгли. – Ещё напорешься на что-нибудь... босиком-то.

– Мы привычные, – солидно отозвался его провожающий, вытер ладошкой под носом и первый решительно полез в чащу глухой крапивы и сухой полыни, бесстрашно раздвигая перед собой упругие толстые стебли. – Здесь неподалёку. А то пока обойдём... Чего время-то зря терять!

– Тебя звать-то как? – спросил Илья, с трудом пробираясь следом за отчаянным мальчишкой через какие-то высокие в пояс, исходящие жёлтым, не иначе как ядовитыми соками, травы, густо переплетённые между собой, вдобавок колючие и липкие, как репейник.

– Савка, – не оборачиваясь, ответил мальчишка, отслоняя от лица очередную ветку.

– Савелий, значит.

– Савелий. Только меня так никто не называет. Савка да Савка. А Савелием я буду, когда вырасту. Может, даже стать и Савелием Трофимычем... по папке. Он у меня ещё на фронте... Но обещал скоро приехать. У него, знаете, сколько наград? Я на фотке видел...

– Геройский, выходит, у тебя отец?

– А то, – с гордостью отозвался Савелий по отчеству Трофимыч. – Лё-о-отчик.

Под сводами было сумрачно и сыро, пахло тленом, гнилой древесиной. В раскидистых кронах сутились чёрные грачи, вниз падали кора, сухие ветки, белые с тёмными прожилками птичьи испражнения. То и дело натываясь на спрятанные среди зарослей надгробья и низкие ограды, двое осторожно продвигались по кладбищу. Всюду торчали покосившиеся кресты, полуразрушенные кирпичные изваяния в виде высоких островерхих четырёхгранных столбов. К ним были прикреплены медные, окислившиеся таблички, на которых надписи о похороненном под ними человеке были исполнены замысловатой старинной вязью.

На кладбище Савка ориентировался довольно хорошо, было видно, что здесь он бывал не один раз.

– Савелий, живёшь-то где? В городе или...

– В Покрово-Пригородном... – ответил мальчишка и неожиданно остановился против серого надгробья, спрятавшегося под низко свисавшими ветками ракиты. Кивнув подбородком на мутного вида медальон с ликом молодой женщины,

который из-за давности лет разглядеть было не так-то просто, сдержанно сказал, невольно приглушая голос: – Тут Розалия похоронена... Бабка Ивеня говорит, что она будто бы цыганкой была... И дюже красивой. Вроде бы она сбежала из табора и поженилась с русским... А он ей потом изменил с какой-то... вертихвосткой. Дюже он этим её обидел, она и отравилась самым сильным ядом, который бывает на свете. Говорят, что теперь в полнолуние она выходит из могилы и убивает всех женщин, которые ей встретятся. – Может, она и кокнула ту тётку? – спросил мальчишка, обернувшись, и мотнул головой куда-то вглубь тёмного кладбища, откуда веяло холодом и невыносимой печалью, невольно навевая мысли о скоротечности жизни. – Как думаете?

– Браки всё это, – убеждённо ответил Журавлёв. – Пережитки...

– Ну, не знаю, — пожал костлявыми плечами Савка. – Может, и в самом деле брехня это... Мы как-то хотели с Кольчой в полнолуние прийти сюда и проследить за ней... Да что-то боязно... Ну её к Лешему! А вдруг правда?

– Бояться надо живых, а не мёртвых, – поучительно сказал Журавлёв. – А то, что вы не пошли ночью на кладбище, правильно сделали. Ну, так где, говоришь, тот склеп? – напомнил он.

– Тут неподалёку, – мальчишка деловито выбил нос, поочерёдно зажимая ноздри большими пальцами, по-хозяйски распорядился. — Пошли.

Пройдя пару десятков шагов по едва приметной песчаной узкой тропинке, которая замысловато виляла среди густой травы, пробравшись через заросли молоденькой ольхи, невероятно разросшейся в низине, они вышли на вытянутую полянку между деревьями. Когда-то это была широкая аллея, а теперь тут росли лопухи, папоротники, какие-то высокие травы со стреловидными листьями, которые любят произрастать на заболоченных местах. Удивительного в этом ничего не было, потому что здесь земля была перенасыщена влагой, мягким войлоком стелилась под ногами, хлестала по голенищам милицейских сапог, мочила не просыхающей росой невзрачные штанишки Савелия.

– Вот мы и пришли, – неожиданно перешёл на шёпот провожатый. – Вон он склеп... буржуя Тетикова.

Склеп выглядел как квадратное приземистое сооружение из серого камня, покрытого проплешинами зелёного мха. Вход в вечное упокоение купца первой гильдии буржуя Тетикова состоял из двух створок железных дверей, завершавшихся вверху полукруглой аркой. На кованом пробое висел огромный ржавый замок, очевидно, не отмыкавшийся со дня свершения Октябрьской социалистической революции.

Кто-то из ближних родственников покойника успел своевременно сбежать за границу, другие погибли в сражении с красноармейцами, защищая свои несметные богатства, заработанные на эксплуатации трудового народа. Вот и не осталось людей, кто бы мог навестить этого купчика.

– Дыра там... сзади, – подсказал всё тем же шёпотом Савка и, звучно сглотнув, настороженно оглянулся по сторонам.

Журавлёв решительно вошёл в настежь распахнутую калитку в вычурном

чугунном ограждении, которая тоже проржавела и не закрывалась. Мягко ступая по сизому влажному мху и густо устилавшей его перепревшей коричневой хвое, прошёл на другую сторону. На уровне земли там зияло отверстие, образовавшееся вследствие того, что камни разошлись, и нижняя часть стены за долгие годы глубоко ушла в грунт, а верхняя часть осталась на месте. Дыра была размером с небольшую овальную тыкву, в которую взрослый человек пролезть при всём своём желании не мог, но достаточно просторная для того, чтобы в неё легко проник подросток вроде Савелия.

Илья стал на колени, снял фуражку и, тщательно пригладив волосы, просунул голову внутрь. Из темноты пахло ледяной затхлостью и давно слежавшейся сырой землёй. Продолжая вглядываться в дегтярную тьму, Журавлёв на ощупь вынул из кармана галифе трофейную зажигалку «Zippo», звучно щёлкнул металлическим колпачком.

Слабый огонёк фитиля осветил колеблющимся жёлтым пятном крошечное пространство мрачного склепа, и он неожиданно увидел прямо перед своим носом зачерствелую пятку воскового цвета. Подвёрнутая неловко вторая нога, обутая в белую туфлю, виднелась из-под хвороста немного в стороне. Судя по бесстыдно раскинутым ногам можно было с уверенностью предположить, что перед тем как убить свою жертву преступник жестоко её изнасиловал.

– Твою ж Лексевну, – вполголоса выругался Журавлёв, выбираясь назад.

Савка стоял за его спиной и расширенными глазами выжидающе смотрел на милиционера. В тёмно-синих его зрачках читались одновременно страх и неприкрытое любопытство.

– Ну, брат, ты, к сожалению, прав оказался – мёртвая тётенька, – надевая фуражку на голову, нехотя молвил Илья, про себя соображая: догадался ли парнишка о том, что здесь на самом деле произошло, или нет.

– Убили?

– В этом следствие, думаю, разберётся. Чего заранее гадать-то! Ты вот чего, ты беги домой, а мне ещё побыть здесь надо. Спасибо тебе, Савелий, за бдительность, за то, что своевременно сообщил в милицию о своей... находке, – Журавлёв по-дружески, с необыкновенной теплотой, осторожно пожал мальчишке его непромытую ладошку своей широкой шершавой пятернёй. – Только ты пока про это никому не говори. Договорились?

– И Кольче не говорить?

– И Кольче. Скажи, что ты пошутил, чтобы его попутать. Ну, давай, беги. Да впредь на кладбище со своим другом не играйте. Не надо, не хорошо это... Обещаешь?

– Обещаю, – заверил Савелий, но, как Журавлёву показалось, не очень-то и охотно, как будто его приневолили. Мальчишка сломал ветку, очистил её от листьев и убежал, мелькая грязными пятками, лихо размахивая прутком, словно саблей.

Илья беглым взглядом окинул прилегающий к дыре заросший участок в ограде. Следов волочения тела и других каких-либо признаков, явно указывающих на то, что здесь побывал преступник или его жертва, не было. Но главным аргументом для опытного оперативника стал труп незнакомой женщины, кото-

рая, судя по её стопам небольшого размера, имела рост хоть и ниже среднего, всё же в злополучное отверстие протиснуться никак не могла.

Тогда он зашёл спереди, где находился вход в склеп. Присев на корточки, принялся внимательно разглядывать мощёный камнями подход к дверям. На позеленевших от времени выпуклых камнях в одном месте он заметил подсохшее грязцо, оставленное обувью неизвестного человека. По смазанному отпечатку подошвы даже примерно определить, кому принадлежала обувь, было невозможно. Это мог быть мужчина как рослого, так и субтильного вида. Вот если бы отпечаток сохранил более отчётливую форму, то размер обуви многое сказал бы о человеке, его оставившем.

По-гусиному неловко передвигаясь на корточках, осторожно раздвигая лопухи, крапиву, папоротники и другие дикие травы, которые в изобилии произрастали почему-то именно в этом месте, Журавлёв всё же пытался обнаружить хоть какую-то зацепку, даже самую незначительную, которая дала бы возможность следствию выйти на след преступника. Однако на податливо-влажной земле на глаза ему всё время попадались гладкие отпечатки множества босых подростковых ступней, как будто здесь играли в казаки-разбойники не его новый знакомый Савелий Трофимыч со своим другом Кольчой, а добрая половина их деревни. Долго же здесь играли мальчишки, пока не наткнулись на спрятанный труп незнакомки в склепе!

– Со следами преступника, по всему видно, у нас выходит самый настоящий пшик, – задумчиво проговорил Илья, не сводя прищуренного взгляда с чёткого отпечатка босой ноги, оставленного под широким лопухом. На отпечатке даже была заметна вмятина от большого, чуть искривлённого пальца, расположенного на значительном расстоянии от других. Это говорило о том, что его обладатель ещё недавно ломал палец. – Не повезло тебе, Кольча, – невесело произнёс Журавлёв, на секунду припомнив грязные, но здоровые ноги Савки.

Всё так же продолжая сидеть на корточках, он взглянул на железную дверь с массивным висячим замком.

– Если только отпечатки пальцев не остались на дужке замка. Но это вряд ли, там такой слой ржавчины, что мама не горюй.

Журавлёв со вздохом поднялся, подошёл к дверям. Не трогая замок, со скрупулёзным вниманием исследовал его со всех сторон. На верхнем краю корпуса и нижней части дужки был повреждён слой ржавчины, который из коричнево-бурого стал светло-рыжим. В глаза эта незначительная деталь не бросалась, если пристально не разглядывать. Было очевидным, что неизвестный человек ломом или другим металлическим предметом довольно ловко сломал внутренне устройство замка, которое за послереволюционные годы основательно проржавело, став очень хлипким. Если принять во внимание, что преступник это сделал заблаговременно, значит, он специально готовился к убийству. Не будет же он постоянно всюду носить с собой ломик или фомку! А может, давно уже знал, что замок не заперт, и в склеп можно попасть без особого труда. И это жестокое преступление им было совершено по наитию. Вопросы, вопросы, вопросы...

Узнать же о том, принёс ли преступник труп с собой, чтобы надёжно спрятать его в старом склепе, куда давно уже не ступала нога человека, или обманом заманил ещё живую женщину в это скрытое место, можно было только после того, как будет тщательно осмотрено внутренне пространство жуткого склепа и, конечно же, сам труп.

Следовало незамедлительно сообщить об обнаруженном трупе начальнику уголовного розыска Климу Орлову, чтобы он с ребятами подъехал на Петропавловское кладбище. Если сейчас метнуться в УВД, расположенное в пяти километрах от кладбища, то пройдёт довольно много времени, что, безусловно, скажется на расследовании. Любому мало-мальски сведущему в этом деле человеку известно, что, чем меньше времени пройдёт с момента обнаружения совершения преступления, тем больше имеется вероятности раскрыть его по горячим следам.

– В мастерской должен быть телефон, оттуда и позвоню. Заодно и с потерпевшим товарищем Курдюмовым побеседую, – решил Журавлёв.

Выбравшись на улицу по своим же следам, чтобы ненароком не заблудиться на территории обширного кладбища, на котором он собственно и находился-то в первый, но, судя по всему, не в последний раз, Илья почувствовал некоторое облегчение. Здесь, на просторе, светило солнце, беспечно порхали бабочки, неумолчно стрекотали в траве кузнечики, а там, в холодном и сыром склепе, лежал начавший уже синеть труп незнакомой женщины, которой уже никогда не придётся пробежаться босиком по тёплой траве, вдохнуть свежего, настоящего на душистых цветах, медвяного воздуха.

– Паскуда, – вслух произнёс Журавлёв, имея в виду пока ещё неизвестного ему насильника и убийцу, и побежал в сторону мастерской, глухо топя каблучками сапог, держа в одной руке фуражку, другой прижимая к боку офицерский планшет, чтобы не болтался.

Глава 2

Журавлёв в мастерской надолго не задержался, помня о том, что надобно встретить товарищей из УГРО. Они хоть и считались большими профессионалами в своём деле, всё-таки не обладали парапсихологическими знаниями, а если без выпендрежа – телепатией, чтобы точно определить, в каком месте находится склеп буржуя Тетикова.

Наскоро расспросив пострадавшего товарища Курдюмова, а заодно поинтересовавшись его здоровьем и сделав соответствующие пометки в блокноте, Илья спешно вернулся к кладбищу. Здесь по-прежнему стояла тишина. Но эта обычная для загородной отдалённой местности тишина теперь казалась милиционеру гнетущей, даже зловещей. А тут ещё неожиданно в заросшем осокой и камышом глубоком овраге, где цвела застоявшаяся вода, принялась обморочно надрываться лягушка, затаившись где-то среди тины и ряски.

Журавлёву не терпелось поделиться с Орловым мыслями, которые возникли у него после визуального осмотра места преступления. Илья жадно выкурил три папиросы, но того всё не было.

– Вот зараза, – сорвал он злость на лягушке, поднял маленький камешек и с великим удовольствием запустил им в то место, откуда раздавался нудный и противный голос мерзкого существа. Послышался глухой всплеск, и наконец-то наступила желаемая тишина. Но и это не помогло.

Илья стал проявлять уже явное неудовольствие, что ребята задерживаются, когда вдалеке появился автобус ЗиС-8, изготовленный на базе грузовика ЗиС-5. Дребезжа плохо закреплёнными стёклами, гремя просевшими рессорами, он приближался не спеша, переваливаясь с боку на бок на неровной просёлочной дороге. За ним так же с лентой катилось серое облако пыли, поднятое изрядно изношенной старой резиной

– Не прошло и трёх лет, – ничуть не обрадовавшись, а даже с видимой досадой буркнул Журавлёв, каблуком растёр окурок, беспокоясь, чтобы не загорелась трава, и, не в силах дальше сдерживать себя, пошёл навстречу, выискивая глазами за пыльным стеклом смуглое лицо майора.

Клим Орлов привычно выпрыгнул на ходу, пока водитель Ваня Заболотнов искал место, чтобы удобно припарковаться. Лелеявший вверенный ему автомобиль, пожалуй, побольше, чем иной парень любимую девушку, сержант в отличие от Орлова, который бесцеремонно обзывал автобус «драндулетом», иначе как «ласточка» не называл и не мог бросить его посреди дороги, даже находясь на важном задании. Из-за этого между ним и Климом часто возникали мимолётные ничего не значащие ссоры. Орлов перебрёхивался с лёгкой душой, в шутливой форме, а Заболотнов с затаённой обидой, искренне заступаясь за свою «ласточку».

В этот раз Клим тоже не упустил случая подколоть простодушного парня. Когда тот взялся было за кривой рычаг, чтобы закрыть за ним дверь, он ещё с подножки быстро оглянулся и весело крикнул, сохраняя на лице серьёзное выражение:

– Ты, Ваня, особо не суетись. Сегодня тебе придётся катафалком поработать. Смогёшь? Вот и ладно!

Широким уверенным шагом он подошёл к Журавлёву, без всяких предисловий распорядился:

– Давай, рассказывай, чего там у тебя?

Поджидая, когда подойдут остальные сотрудники, Илья вкратце, но довольно живо пересказал, как получилось, что он узнал о трупе, спрятанном в старинном склепе, о сломанном замке, об отсутствии каких-либо следов преступника и его жертвы, не забыв упомянуть и про Кольчу, и про красноречиво раздвинутые женские ноги, высказал несколько, как ему казалось, дельных мыслей.

– На месте разбер-р-рёмся, – упирая на раскатистое «р», ответил Орлов, катая по-над скулами тугие желваки, дрожа нахмуренными бровями. – Давненько у нас не было слышно об изнасилованиях. А тут сразу два в одном – и убийство и... – Он крепко-накрепко сжал пальцы левой руки в твёрдый, словно свинчатка, кулак и коротко выбросил перед собой на уровне выпуклого заслона тугой груди. – Своими бы руками задушил таких... мерзлотных людишек. Да какие они

к чёрту людишки! – вдруг взъярился он. – Самые что ни есть отбросы, которым дорога в один конец. Лоб зелёнкой намазал... и к стенке. Ну, чего вы там как неживые! – прикрикнул он, оглянувшись на двух своих сотрудников, которые едва ли не вразвалочку подходили от автобуса.

Оперативник Васёк Фёдоров был человеком хотя и скромного роста, но зато обладал довольно ретивым неустрашимым характером. Слегка располневший, находившийся уже в почтенном возрасте фотограф Капитоныч был неповоротлив, отчего выглядел довольно солидно. В одной руке он нёс увесистый саквояж с фотокамерой, в другой – неудобный штатив для камеры. Гладкая лысина Капитоныча блестела от пота.

– Да шевелите же вы ногами за ради бога!

И вдруг Клим расхохотался. Он смеялся так, что у него выступили слёзы. Через минуту он вытер глаза рукавом защитной гимнастёрки, внезапно перестав смеяться, как будто себя оборвал.

– Нервы ни к чёрту, – он сокрушённо махнул рукой.

За спинами Фёдорова и Капитоныча маячила согбенная фигура судмедэксперта Емельяна Самойлова. В уголовном розыске он был человек новый и ещё не привык к вольным отношениям между оперативниками, которые за годы совместной работы сроднились не только в силу своей нелёгкой профессии, но и душами. А души, как известно, у каждого человека бывают разные: кто-то таит в себе какие-то вещи, как бы ему не было больно и одиноко, у кого-то наоборот – душа нараспашку. Но в тесном коллективе Орлова что-либо утаить от товарищей было невозможно, здесь каждый знал, что творится на душе у его коллеги. Так что известная поговорка о том, что чужая душа – потёмки, в коллективе майора Клина Орлова не прокатывала.

Самойлов торопился, запинаясь тяжёлыми башмаками с облезлыми носами за низкорослую мураву, переплетённую не хуже паутины. Фанерный чемоданчик, в котором судмедэксперт хранил необходимые для своей работы инструменты, он бережно прижимал двумя руками к груди, боясь ненароком выронить. Из-за основательно вытертого дерматина этот чемоданчик выглядел как бесхозная вещь, неизвестно где им подобранная. Серая тень от шляпы обрезала его снулое вытянутое лицо наискось. Старенькие очки держались на кончике острого носа с помощью резинки от мужских семейных трусов.

Судя по тому, что Самойлов носил гражданский пиджак на несколько размеров больше своей тщедушной фигуры, мешковато обвисавший на его узких покатых плечах, а в придачу ещё мятые, топорщившиеся спереди на причинном месте, просторные брюки, он мало уделял внимания своей одежде. Одним словом, имел вид человека унылого, которому претили любые шутки, лишённого каких-либо радостей в жизни.

И, тем не менее, Клим, когда увидел его в первый раз в отделе, тотчас подмигнул товарищам и сказал:

– Наш человек.

И он не ошибся. Судмедэксперт был настоящий дока в своей профессии. К нему обращались уважительно «Емельян Тимофеевич».

Самойлов подошёл. Близоруко щуря глаза за блестящими на солнце стё-

клами очков на Орлова, осуждающе покачал головой, давая понять, что его бари-тонистый хохот совсем был не к месту.

– Емельян Тимофеевич, не обращайтесь внимания, издержки профессии, – ничуть не смутившись, ответил на его взгляд Клим. – Давай, Илья Иванович, веди нас к своему склепу.

С невероятным шумом – так, что все поглядели в ту сторону, – Ваня Заболотнов захлопнул дверь красно-голубого автобуса, на борту которого сохранялась ещё не совсем выцветшая, с отстающей местами от жести краской надпись «Милиция». Водитель вытер тылом ладони влажный лоб и, виновато поглядывая из-под насупленных бровей на товарищей, размашисто зашагал к ним.

По протоптанной уже тропинке Журавлёв уверенно повёл оперативную группу к месту преступления. Он слышал, как за спиной приглушённо матерился Орлов, чертыхался Васёк Фёдоров, что-то невнятно бурчал себе под нос Капитоныч, даже Заболотников громко сопел, путаясь сапогами в высокой траве, и лишь один Самойлов сохранял невозмутимое спокойствие, за всю дорогу не проронил ни слова.

– Вот он склеп... буржуя Тетикова, – сказал Журавлёв, на удивление быстро добравшись до места. – Замок висит для отвода глаз, – пояснил он, видя, с каким изумлением все воззрились на амбарный замок и на кованую массивную дверь.

Орлов бесцеремонно отслонил Илью рукой, подошёл к склепу. Вынув из кармана широких галифе носовой платок, он обернул им дужку и аккуратно вынул ржавый замок из пробоя, протянул Фёдорову.

– Передадим дактилоскопистам. Может, эти мудрёные ребята смогут на нём пальчики обнаружить. Хотя что-то мне подсказывает, что труд этот напрасный. Тут одной ржавчины килограмма на три. Ну, да ладно... Посмотрим, что там в ларчике.

Стали открывать кованые половины двустворчатой двери. Ржавые петли скрипели жутко и протяжно, словно громоздкие двери не желали пускать людей внутрь к тому, что за ними спрятано. Можно было, конечно, немного приоткрыть, как сделал неизвестный преступник, но Орлов навалился крепким плечом, и двери распахнулись настежь. В ноздри оперативникам ударил дух вековой пыли, сырости, плесени нежилого помещения, смешанный с чуть внятным запахом чего-то близкого и знакомого. Это оказался запах веток бузины, которыми была укрыта жертва.

При жизни женщина была довольно красива собой; даже сейчас её бледное с просинью лицо, уже отмеченное смертным тленом, сохраняло некоторую долю былой красоты. Остекленевшие глаза, обведённые дешёвой тушью, смотрели перед собой пустым взором, словно женщина уже свыклась с тем, что через секунду умрёт. Но в её тусклых с испитыми красками голубых зрачках всё-таки остались навечно заметные страдание, боль и отчаяние, что всё так вот нелепо произошло. Хотя, наверное, этого можно было избежать. Но об этом оперативники узнают, когда разыщут убийцу.

– Судя по трупным пятнам на мягких участках рук, бёдер и живота, смерть

наступила сутки-полтора назад, – стал рассказывать Самойлов, с пристальным вниманием осматривая труп, едва ли не касаясь его своим крючковатым носом, как делают все люди, страдающие близорукостью. – На верхней губе фиолетовый подтёк, на нижней – ранка от укуса, уголки губ с левой стороны сильно порваны. По всему видно, убийца пытался зажать ей рот ладонью, чтобы не кричала. Смерть же наступила от удара неким тяжёлым предметом аккуратно в височную часть. Удар был настолько сильный, что проломила кость. Тут уже без вариантов – чтобы выжить после такого сокрушительного удара! Орудие убийства с круглыми гладкими краями... Похоже на камень. Вряд ли камень у насильника находился при себе. Скорее всего, он поднял его, когда женщиной овладевал.

– Фёдоров, составляй протокол осмотра места происшествия. А ты, Журавлёв, метнись по прилегающей к склепу местности, попробуй разыскать этот куст бузины, – быстро распорядился Орлов. – Где-то возле кустов, может, вдруг и камень найдётся. Не с собой же эта падла его забрала, – он оглянулся, выискивая глазами водителя. – Заболотнов, пройди по кладбищу, посмотри подъезд к склепу. Да брезент приготовь под труп...

– Трупы мне ещё не хватало возить, – заикнулся было водитель, недовольно поморщившись от столь нерадостной перспективы. – Труповозку...

– Труповозку?! – резко оборвал Орлов, метнув на него недобрый взгляд.

Он хотел ещё добавить что-то нелицеприятное, многозначительно сощурив колючие глаза, но предусмотрительный Заболотнов спешно отступил назад и через секунду пропал за кустами сирени. О том, что он только что здесь находился, говорили лишь покачивающиеся ветки.

– Труповозку ему подавай, – раздражённо процедил Орлов, с состраданием поглядывая на мёртвую женщину, на её длинные, обесцвеченные пергидролью волосы, которые, распушившись, лежали вокруг её запрокинутой головы, ставшей после смерти вдруг маленькой, похожей на кукольную. От бессилия что-либо предпринять, чтобы воскресить её, он с силой ударил в стену кулаком. – Такую красоту, сволочь, загубил!

Клим круто развернулся и вышел из склепа, чтобы не мешать Капитонычу заниматься своими делами. В сосредоточенной по углам темноте, куда не доходил тусклый свет снаружи, яркие вспышки электронной импульсной лампы на секунду выхватывали свисавшую с потолка густую паутину, ржавые подтёки от сочившейся сверху дождевой воды, высокий потолок, на котором ещё сохранились мутные краски, оставшиеся от картины на религиозную тему. Сама же убитая в синих всполохах выглядела настолько неестественно, как будто это лежал не человек, а женский манекен, выкрашенный в синий холодный цвет. Бесстыдно раздвинутые ноги с рыхлыми бёдрами, неловко вывернутые в суставах руки со скрюченными пальцами – всё это смотрелось отталкивающе и страшно, противилось логике нормального человека.

Капитоныч же привычно выискивал нужный ему ракурс, и, казалось, ничего вокруг не замечал. Под ногами криминалиста-фотографа мерно хрустела отвалившаяся серая штукатурка.

Вернулся запыхавшийся Журавлёв. Галифе его выше голенищ были мокрые, с приставшими к ним мелкими листиками какой-то колючей травы.

– Клим, разыскал я бузину... Видно, что ломали недавно, – бойко затараторил он. – Только нет там тоже никаких следов. Дело в том, что прямо впритык к этому грёбаному кусту проходит вымощенная из камня дорожка. Чуть ли не на коленях около куста всё излазил. Камня тоже не нашёл. По всему видно, насиловал он её где-то в другом месте, а потом сюда принёс. Уже убитую. По-быстрому закидал ветками, далеко и не уходил, наломал – и все дела.

– Тут без вопросов, – согласился Орлов, утвердительно кивнув головой. – Другое меня интересует, это самое место... Розыскная собака тоже вряд ли поможет: дождь ночью прошёл. Он хоть и не ахти какой был... – не договорив, Клим безнадёжно махнул рукой. – Ежели понос пристиг, то и штаны снять не успеешь.

– А если наших курсантов привлечь?

Медленно ворочая крепкой шеей в тугом воротнике с серым от пота подворотником, Орлов огляделся по сторонам. Вокруг, как в дикой природе, буйно курчавилась зелень, занимая всё пространство между крестами, надгробьями, склепами, в некоторых местах длинные плети травы ползли даже по стволам высоких деревьев, добравшись до сучьев, а в оградах заброшенных могил трава вымахала уже в человеческий рост.

– Разве здесь найдёшь? Гиблое дело.

– Орлов, – окликнул его судмедэксперт и, когда Клим оглянулся, помахал ему ладонью, приглашая подойти. – У женщины кольцо пропало с безымянного пальца... А вот серебряные серёжки остались... Странно как-то.

– Чего ж тут странного, – возразил Орлов, внимательно разглядывая сломанный палец жертвы, на котором осталась незагорелая светлая полоска от обручального кольца. – Должно быть, золотое кольцо было, вот насильник и позарился... – Майор стоял, нагнувшись, опираясь ладонями о колени.

– Тебе виднее. Только серьги он тоже мог прихватить: минутное дело их снять. А вот с тесным колечком ему пришлось изрядно повозиться... Не просто же так он ей палец сломал?

– Согласен. Нескладно получается. На местную шпану тут непохоже. Да и сумочки при ней нет. А без этого нынче женщина не женщина. Странно всё это. Ну-ка подай мне её берет.

С любопытством повертев в руках берет из твёрдого фетра, Орлов знающе обмолвился:

– Такие шляпки в тридцатые годы называли «предел мечтаний фабричной девчонки с Уралвагонстроя». – И по слогам, что смог разобрать, с трудом причитал с изнанки полустёртую надпись на линялом ярлыке: – Ва-ляльно-войлоч-на-я фаб-рика «Восход», – с видимым облегчением произнёс он последнее слово. – «Восход». Только нам это собственно ничего не даёт.

– Клим, я закончил, – обратился к нему Капитоныч, убирая в потёртый саквояж фотокамеру.

– Добро.

Из кустов с недовольным видом вышел Ваня Заболотнов. Не глядя в глаза Орлову, как видно, ещё не отойдя от нанесённой ему глубокой обиды, нехотя доложил:

– Карета подана. В метрах ста отсюда стоит... Ближе не смог проехать. Там заросли такие... Пожалуй почище будет, чем в африканских джунглях. А я, между прочим, за машину в ответе... в отличие от некоторых, – пожаловался он, дрожа губами.

– Хочешь, чтоб пожалел? – ухмыльнулся Орлов, от острого взгляда которого ничего не ускользало. – Не будет такого. Приказы вышестоящего начальства не обсуждаются, – он значительно поднял указательный палец вверх. – Заруби себе это на носу, Ваня Заболотнов. Да и, насколько мне известно, в Африке ты не был ни р-разу. Так что чепуху не говори. Кстати, ты брезент принёс? – поинтересовался Клим и с ехидцей уставился на заметно растерявшегося при его словах водителя. – Непор-р-рядок!

Заболотнов не нашёлся, что ответить на справедливое замечание, круто развернулся и нырнул в кусты, не проронив ни единого слова. Было слышно как, убегая, он давил тяжёлыми сапогами сочные стебли трав, шуршал листьями. Вскоре топот его ног стих.

Клим прислушался и удовлетворённо кивнул головой, из-под сурово сдвинутых разлтых бровей выразительно обвёл глазами собравшихся оперативников. Раздумчиво покатал по-над скулами тугие желваки, затем разомкнув плотно сжатые сухие губы, увесисто сказал:

– Я так понимаю, что все закончили свои насущные дела, остались лишь насущные вопросы. Кто есть эта женщина, и как она попала на кладбище? Никаких документов, по которым можно было бы её опознать, при ней обнаружено не было. Нам повезёт, если вдруг выяснится, что она была прихожанкой местной церкви. А вот если она приходила к кому-то на могилу или шла через кладбище домой, или возвращалась откуда-то, нам придётся сильно напрячь серое вещество, чтобы выстроить версию, как в наикратчайший срок выявить её фамилию, имя, отчество, место проживания. А сейчас грузим труп в автобус и везём к церкви. Пускай богомольные старушки, да и сам поп-расстрига посмотрят на её личность. Вдруг опознают. Чем чёрт не шутит!

Вернулся Заболотнов, держа под мышкой свёрнутый кусок брезента.

– Вот, – сказал он с выхрипом, часто дыша, и на его багровом от бега лице появилась виноватая улыбка – он ждал похвалы.

– Давно бы так, – не стал в этот раз огорчать его Орлов и мотнул головой в бок. – Пошли.

Несмотря на то, что всё это время двери в склепе были распахнуты настежь, запах не выветрился, внутри всё так же устойчиво пахло тленом и сырой землёй. Расстелив брезент рядом с окоченевшим трупом, оперативники, все бывшие фронтовики, осторожно, но без лишних церемоний, перенесли на него мёртвое тело женщины. Взяв брезент с четырёх концов за углы, Фёдоров, Орлов, Журавлёв и Заболотнов в стеснённых условиях заросшего кладбища, обуслов-

ленных плотными рядами памятников, оград, крестов и могил, донесли труп до автобуса и погрузили в салон через широкую заднюю дверь.

– Теперь куда? – спросил чуть повеселевшим голосом Заболотнов. – В морг?

– Бери выше, – ухмыльнулся Орлов, донельзя довольный тем, что опять подловил доверчивого водителя, который отсутствовал в те минуты, когда он озвучивал свои мысли по поводу опознания. – В церковь. На отпевание.

– Товарищ майор, я вот никак не могу понять, когда вы шутите, а когда говорите правду, – с обидой выговорил ему Заболотнов.

– А кто сказал, что я шучу? – беззлобно хохотнул Клим. – Это вполне серьёзно.

Заболотнов со вздохом нажал педаль стартера, автобус судорожно затрясся, заскрипел, выпустил клубы сизо-чёрного дыма и наконец тронулся с места.

* * *

Церковь находилась в конце центральной аллеи. От главного входа к ней вела некогда вымощенная серым камнем широкая дорога. В стародавние времена, должно быть, это обстоятельство подразумевало то, что зажиточные господа к церкви могли прибывать на личной карете или, в крайнем случае, на извозчике. В отличие от господ, которые берегли ноги для приятных пеших прогулок по парку, простолюдины добирались сюда пешком. Но и тогда им дозволялось идти в своих растоптанных лаптях по пыльной обочине, ломая шапку перед каждым поравнявшимся с ними на рысаке «толстомордым упырём».

Нынче же аллея густо заросла чертополохом, лопухами, крапивой и другими неприхотливыми травами. Правда, судя по тому, что узкая полоска была тщательно ухожена, кто-то всё-таки за дорогой приглядывал. Оно и неудивительно: прихожанами в основном были древние, выжившие из ума старушки, которые хотя и продолжали крепко верить в своего Бога, всё же вряд ли бы поперлись через бурьян выше себя ростом.

Церковь была единственным богоугодным заведением в этом отдалённом районе. Срубленная в XVII веке из толстых брёвен, за более чем два столетия она грузно осела в землю и выглядела теперь как небольшая часовня с православным крестом на маковке в виде луковицы. Приземистая, с чёрными потрескавшимися стенами, под сводами тесно окружавших её деревьев церковь смотрелась мрачно и пугающе. Все эти годы после революции она была закрыта, с наглухо забитыми крест-накрест досками на решётчатых, узких, как бойницы, окнах. И лишь в 43 году, когда товарищ Сталин встретился в Кремле с иерархами Православной церкви и была официально образована Русская Православная Церковь, здесь разрешили вести службы, не забывая молиться за победу русского оружия.

– Заболотнов, тормози, – рыкнул Орлов, видя, что тот намеревается въехать в тесное пространство между чугунными оградами. – Ничего, не развалятся, подойдут. А то небось уже ноги затекли от долгого моления. Пора им и промяться!

Водитель с облегчением вытер тылом ладони вспотевший от напряжения лоб. Пока сюда добирались, он тысячу раз успел мысленно обругать Орлова, переживая, что пострадает обшивка от раскоряченных толстых сучков или наедет колесом на какой-нибудь металлический шкворень, который в траве разглядеть при всём его желании невозможно.

– Кур воровал? – с ехидцей поинтересовался Орлов, заметив, как подрагивают пальцы у Заболотнова, когда он распахивал перед ним дверь. И, не дождав-шись ответа, впрочем, в нём и не нуждаясь, неожиданно одобрительно похлопал его по плечу, прежде чем покинуть салон. – Всё же ты ас от бога... Ваня. Чтоб мы без тебя делали!

Они с Журавлёвым прошли к церкви. Неподалёку от входа в ограде высились холмики заросших лебедой могил. Здесь были похоронены какие-то важные попы, судя по их фотографиям на медальонах. Там они сидели с суровыми лицами, с окладистыми седыми и чёрными бородами, выставив на обозрение свою грудь, где посреди иконостаса царских ещё орденов висел массивный серебряный крест. Высокое положение пастырей, их учёность и особую статью подтверждали также дорожные очки в металлической оправе. Как Журавлёв и предвидел, Орлов молча не смог пройти мимо таких колоритных религиозных личностей.

– Ты смотри, как вырядились. Людей облапошивают, а им за это ещё и ордена дают, – сказал он неприязненно. – В который раз убеждаюсь, религия – опиум для народа. Верное слово!

Они ступили на паперть, вошли в притвор. Под каблуками сапог скрипели рассохшиеся старые доски пола. В церкви только что закончилась служба, остро пахло ладаном, плавленным воском, сизый смог от свечей перистыми облаками висел посреди зала. Потянувшиеся было к выходу несколько присутствовавших на службе богомольных старушек, увидев перед собой входивших милиционеров, застыли, испуганно уставившись на двух рослых мужиков. Опасливо косясь на висевшую сбоку кобуру с пистолетом на ремне у Журавлёва, одна из старушек поспешно осенила себя мелким крестом.

– Здравствуйте, божьи одуванчики, – поприветствовал их Орлов, проявив к пожилым прихожанкам немислимую для него душевную теплоту, всем своим видом давая понять, что человек он доброжелательный, и бояться его не стоит.

– И тебе не хворать, добрый человек.

Старушки поклонились ему в пояс, и лишь одна, очевидно, самая сварливая, негодуя сверкнув глазами, сухо сплюнула в сторону. Обойдя прихожанок, Орлов уверенно направился к попу, отцу Гавриилу, старому и немощному на внешность старику, обросшему седыми космами и белой, лопатообразной бородой. Тот тоже не ожидал увидеть в церкви милиционеров и растерянно мигал маленькими слезящимися глазками, не сводя зачарованного взгляда с подходившего к нему чернявого офицера в звании майора.

– Что будет вам угодно? – наконец спросил он слегка взволнованным голосом, взяв себя в руки.

– Отец... – начал было Орлов и осёкся, должно быть, не зная, как к нему обращаться, чтобы, с одной стороны, не обидеть, с другой стороны, расположить к себе.

– Гавриил... Отец Гавриил, – подсказал ему священник.

– Отец, – уже более уверенно продолжил Клим, проигнорировав его подсказку, – дело у нас к вам имеется государственной важности. На вверенной вам территории кладбища сегодня нами обнаружен труп неизвестной женщины, – в его голосе появились металлические нотки. – Очень нам хотелось бы, чтобы вы со своими прихожанками, – он кивнул себе за спину, – поглядели на мёртвую для опознания её личности. Попрошу, – Орлов деликатно повёл рукой в сторону выхода.

Отец Гавриил суетливо потоптался на месте, словно сразу хотел перейти на рысь, и заторопился к двери, с шумом двигая подошвами разношенных ботинок по некрашеному полу. Звуки его старческих шагов звонким эхом отдавались под сводами, усиливаясь во много раз. Приостановившись на минуту около своей паствы, которая продолжала стоять посреди храма, с откровенным любопытством прислушиваясь к разговору милиционера и батюшки, он тихим вкрадчивым голосом обратился к ним:

– Дети мои возлюбленные, надо помочь нашим доблестным органам в опознании одной жертвенной овечки... Это наша с вами гражданская обязанность... Будьте снисходительны к просьбе товарища... э-э... милиционера, – нашёлся он, не дождавшись подсказки от сурового мужчины.

Они нестройной группой вышли из храма. Впереди по дорожке упруго шёл Клим Орлов, следом семенил отец Гавриил с развевающей на ветру полой чёрной рясы, теребя на груди серебряный крест, за ними едва поспевали четыре старушки, замыкал же это необычное шествие Журавлёв. В какой-то момент ему даже пришла крамольная мысль: «Со стороны поглядеть, мы арестантов ведём».

Проходя мимо покосившегося дровяного сарая, Орлов заметил сидевшего на берёзовом пеньке, привалившегося спиной к стене молодого мужчину в военной форме, но без погон. На вид ему было лет тридцать пять-тридцать восемь. У человека вместо правой ноги торчал обрубок с подвёрнутым на культе облезлым выцветшим галифе. На ладони правой руки не хватало четырёх пальцев, сохранился лишь большой. Также у фронтовика опять-таки с правой стороны было обезображено худое, обросшее жёсткой щетиной мрачное лицо, а на месте глаза под хмурыми бровями, прячась за отсутствующими ресницами внутри глазной впадины, зияла страшная чёрная пустота.

– Это кто? — спросил Клим у попа.

– Лука. Одноногий инвалид.

– Фронтовик?

– Он самый. Прибился к нам. Не выгонять же, – стал горячо оправдываться отец Гавриил, заметно нервничая, что ему не поверят. – Что с него взять, с убогого? Помогает нам по силе своих возможностей. Дорожку окосить, дров наколоть. Да мало ли найдётся дел у бедного храма! Питается, чем Бог пошлёт. Не-ет, он нам не в тягость... вот если бы...

– Скажите ему, чтобы он тоже на опознание шёл, – перебил его краснооречие Орлов. – Потом перекур себе устроит.

– Конечно, конечно, – торопливо ответил священник и махнул тому рукой, приглашая следовать за ними, бормотнул:

– Лука, не обессудь...

Парень аккуратно загасил сигарку, сунул её за ухо под пилотку, и, опираясь на костыли, ловко запрыгал следом за ними к автобусу. Там уже стоял Заболотнов, услужливо распахнув заднюю дверь. Отец Гавриил, как только взглянул в лицо лежавшей на полу мёртвой женщине, так сразу с облегчением замотал своей косматой головой.

– Не-е, это не наша прихожанка. Первый раз её вижу.

Вперёд бесцеремонно протиснулась та самая старушка, которая с ненавистью плевалась в церкви, когда увидела Орлова и Журавлёва. Вытягивая старческую дряблую шею, она внимательно оглядела распластанное на брезенте тело, прикрывая рот концом головного платка, потрясённо произнесла:

– Бедная, угораздило же её...

– Вы её знаете? – подался к ней Журавлёв.

Старуха звучно высморкалась в платок; часто мигая редкими белёсыми ресницами, с горестным сочувствием ответила, поджимая выцветшие от старости губы:

– И-и, милая... Рази я бы отказалась, ежели бы её знала? Нетушки, чужая она нам... У нас в Покрово-Пригородном сроду таких не было. Дормидонтовна, – обернулась она к сухонькой маленькой прихожанке в белом платочке, которая тихо стояла в сторонке, крутя от волнения стеклянную пуговку на кофте, – ты-то её не признаешь?

Старушка эта проживала в отдалённой деревеньке Сырая Падва. От искреннего желания помочь милиции она, подслеповато щурясь, долго с открытым от напряжения ртом рассматривала мёртвую, выказывая свои сточенные годами коренья тёмных зубов.

– Не-ка, не признаю, – вынесла наконец она свой вердикт. – До сего дня и знать об ней не знала.

Другие старушки тоже подтвердили, что никогда не видели, даже мельком, убитую женщину.

Тем временем Лука поверх голов прихожанок тоже заглянул в салон. Увидев там женский труп, он качнулся, как будто не смог устоять на одной ноге. Из-под низко надвинутой на глаза выцветшей пилотки на его переносицу, а потом и на нос с горбинкой мучительно медленно сползла заметная бледность. Она постепенно опускалась на впалые небритые щёки, губы, щетинистый подбородок, перешла на морщинистую кожу шеи. Через короткое время его бурое осунувшееся лицо стало бледным, как полотно.

На скулах появились бугристые желваки. В его уцелевшем левом глазу вспыхнул тревожный огонёк. Опираясь подмышкой на костыль, Лука растопыренной пятернёй провёл сверху вниз по лицу. Потом круто развернулся на одной ноге и спешно запрыгал в сторону сарая. При каждом шаге его плечи высоко приподнимались, как у коршуна.

– Товарищ, – громко окликнул его Орлов. – Случайно барышню эту не встречали?

– Нет, незнакомы, – отрицательно мотнул он головой и зашагал проворнее.

Глава 3

– Клим, это не дело. Пойди туда – не знаю куда, найди то – не знаю что! Это всё равно как искать иголку в стоге сена. Но там ты хоть знаешь, что ищешь, а тут...

Журавлёв с досадой махнул рукой, в волнении прошёл к столу, где стоял графин с водой. Размашистым жестом налил полный стакан и с жадностью, как будто его мучила жажда, выпил. Со стуком вернув стакан на место, он ладонью обтёр влажные губы и подбородок с капельками воды. Раздражённо топая каблуками сапог по скрипучему полу, в два шага пересёк помещение уголовного розыска и повалился на стул, устало откинувшись на спинку. Снять с себя офицерский планшет у него уже не осталось сил.

– Этак мы настоящего преступника только спугнём. Прознает, что разыскиваем его и затаится.

– Что ж ты предлагаешь? – въедливо поинтересовался Орлов, глядя злыми глазами на Журавлёва. – Говори... я весь внимание.

Он только что вернулся от начальника Управления МВД по Тамбовской области генерал-майора Преснякова Климента Петровича и тоже находился не в лучшем настроении. Тот вставил ему по первое число, обосновывая своё недовольство тем, что со дня преступления прошло уже более трёх суток, «а у вас, как всегда, ни кобылы, ни возу». Самым обидным для Клим было слышать его вопиюще несправедливые слова «как всегда». Они резанули его слух, пожалуй, почище, чем если бы он просто накричал. Как будто они специально тянут резину, а не прикладывают все усилия по розыску преступника! Он и оправдываться не стал. Генерал, хотя и сам начинал оперативником, и слушать не будет, что они пока не могут идентифицировать личность жертвы. А вот как только узнают установочные данные: имя, отчество, фамилию, место проживания, – тогда начнут отрабатывать её близких, друзей, знакомых, шапочных знакомых и так далее. А так – игра в одни ворота...

– Так что ты предлагаешь? – повторил свой вопрос Орлов уже более спокойным голосом, видя, что с Журавлёва сошёл первоначальный запал. – Конкретно что-то можешь сказать?

– Есть кое-какие мысли, – оживился Журавлёв, порывисто поднялся со стула. – Обошёл я вокруг кладбища все дома, мастерскую, разыскал других людей, которые в то время могли находиться рядом. Никто по фотографии не смог опознать женщину. Все уверяют, что никто её не видел. Поэтому рассчитывать на то, что с ней мог быть спутник, думаю, преждевременно... Хотя такие предположения имеются. Но мне удалось отследить одну точку... точнее район. – Он

торопливо подошёл к столу, вынул из своего планшета блокнот и, раскрыв его на нужной странице, положил перед Орловым. – Смотри, Клим, – Журавлёв принялся водить указательным пальцем по листу, разрисованному какими-то замысловатыми схемами. — Это вот кладбище...

– Ну-ну? – Орлов заинтересованно навалился грудью на стол, с величайшим любопытством воззрившись на серый лист с жирными следами грифельного карандаша.

– Тут находится вход... Я несколько раз обошёл вокруг кладбища, но не нашёл ни одной даже самой пустячной тропинки, чтобы с другой стороны войти на его территорию. Ни одного примятого листика не обнаружил. А это означает, что наша жертва никак не могла идти куда-то через кладбище. И уж тем более возвращаться откуда-то. Для этого ей было достаточно просто пройти по дороге рядом с кладбищем. Но если, как уверяют жители двух сёл, расположенных рядом, они такую женщину не видели, то выходит, что она приходила специально на кладбище. Но поп её в церкви тоже ни разу не видел, значит, она приходила на чью-то могилу. Это могут быть как её родственники, так и просто знакомые люди. А теперь самое интересное... Женщина вошла отсюда... А нашли её убитой в склепе вот здесь... Уверен, что в своих открытых туфлях она не рискнёт пойти по зарослям травы, тем более влажной от росы... Она шла или здесь, – он провёл пальцем по нарисованным им дорожкам, ногтем глубоко отмечая её путь по кладбищу, – или здесь, или здесь... Значит где-то вот в этом районе её и изнасиловали, – Илья несколько раз уверенно обвёл пальцем жирные круги, оставленные ранее карандашом. – Если хорошенько поискать в этом районе, то, думаю, можно обнаружить и точное место её изнасилования и убийства. А там ведь могут остаться и следы, и другие вещдоки и улики.

– Занимательно, занимательно, – раздумчиво проговорил Орлов, постукивая чужим карандашом по лежащему на столе листу. – Значит, говоришь, здесь?

– Ну да.

В коридоре послышались торопливые шаги. Звуки их гулко отдавались под высокими сводами старинного здания бывшего епархиального женского училища. Через минуту в отдел стремительно ворвался Васёк Фёдоров. Своим взъерошенным видом он был похож на молодого драчливого воробья. Не обращая ни на кого внимания, он с насупленным выражением на расстроенном лице прошёл к своему столу, сердито бросил на него милицейскую фуражку. Затем вынул из кармана серого цвета несвежий платок и торопливыми движениями тщательно обтёр лоб, щёки, бурую загорелую шею; раздражённо скомкав напитавшуюся потом влажную тряпицу, небрежно сунул её в карман галифе.

– Укатали сивку крутые горки, – обронил он, падая на облезлый, в паутиных разводах мелких трещинок, старый кожаный диван. – Всю округу с Заболотниковым объехали... – вдруг запальчиво выкрикнул он, – пустые хлопоты!

– Кончай лить слёзы. А то этак всё помещение зальёшь, – дружелюбно ухмыльнулся Орлов, исподлобья наблюдавший за его порывистыми движения-

ми. – Сейчас поедem на кладбище... Тут Журавлёв дюже занимательную схему разработал, как найти место, где насильник свою жертву оприходовал... Так что давай, поднимайся, нечего расхолаживаться. Капитоныч, тебя тоже касается.

Капитоныч свою жизнь без дел, связанных с его профессией криминалиста-фотографа, не мыслил. «Деятельный до неприличия», – как любил выражаться по этому поводу Орлов, находясь в отличном расположении духа. Вот и сейчас старик сидел за столом, деловито разложив на газете перед собой части разобранной фотокамеры; привычно ковырялся в них крошечной отверткой, как маленький, от усердия высунув кончик языка. К тому, что происходило в отделе, он внимательно прислушивался, но сам в разговоры не вступал, считая себя в уголовных делах человеком не совсем компетентным.

Пока Капитоныч надёжно не затянул последний шурупчик, он и ухом не повёл. Когда же убедился, что шуруп стал, как и положено, на своё место, он приподнял голову и, очевидно, испытывая удовольствие от проделанной работы, по-пионерски бодро ответил:

– Всегда готов! – и даже в шутку поднял перед собой над головой руку, жестом отдав салют.

– Учись Фёдоров, – хохотнул Орлов, глазами указав на фотографа. – Вот это я понимаю!

– Да-а... – неопределённо протянул тот, но послушно поднялся с проваленного дивана и направился следом за товарищами к выходу.

* * *

На месте выяснилось, что площадь, которую им следовало тщательно осмотреть на предмет наличия здесь улики и вещдоков, более чем обширна. Но, чтобы быть уверенными наверняка, что они ничего не упустили, пришлось периметр увеличить ещё на пару десятков шагов. Разделив район на сектора, оперативники принялись тщательно его осматривать: ворошить травы, заглядывать под широкие листья лопухов, протискиваться сквозь бесхозно разросшиеся кусты сирени, колючего шиповника, остро пахнущей клопами бузины, другие дикие кустарники, запущенные до такого состояния, что в некоторых местах сотрудникам приходилось буквально продирааться, рискуя ободрать кожу до крови или порвать милицейское обмундирование.

– На ветки, на ветки над головой поглядывать не забывайте, – время от времени придирчиво покрикивал Орлов. – Мало ли? Может сумочка повисла, может выдранный клочок от одежды преступника остался.

Журавлёв, Фёдоров и Капитоныч воспринимали его слова как должное и только Заболотнов обидчиво сопел, но молчал, недовольно закусив нижнюю губу широкими зубами. В народе же бытует мнение, что у кого зубы широкие, тот характером добрый. Исполнительный сержант-водитель мечтал стать сыщиком и осенью вместе с Журавлёвым собирался поступать в юршколу. Его желание отличиться, очевидно, и сыграло свою роль...

Там, где у Заболотнова возникала хоть капелька сомнения, он без промедления садился на корточки и, щури глаза, чтобы зрение становилось острее

в густой тени деревьев, долго, едва ли не под лупой, исследовал подозрительное место. Он безуспешно осмотрел большую часть своего сектора; оставался небольшой участок из трёх могил, огороженных ржавыми железными оградками. Заболотнов мог войти в ограду последней могилы через распахнутую калитку, но он почему-то для себя решил, что лучше перелезет через неё сверху. И интуиция его не подвела: около дубовой тёмной скамейки, над которой низко нависали рябиновые ветки, он вдруг увидел сломанный многолетний цветок фиолетового люпина. При более скрупулёзном изучении он обнаружил на узких листьях травы бурые пятна. Это, несомненно, была кровь. Вокруг каменного надгробья было также вымощено камнями, как и на главной аллее. Со стороны, даже на расстоянии одного-полутора метров, это место не было заметно.

– Нашё-о-ол! Нашё-о-ол! – обрадованно закричал Заболотнов. – Товарищ майор, нашё-о-ол!

В угрюмой кладбищенской тишине его взволнованный, по-мальчишески звонкий голос прозвучал неожиданно оглушающе громко, как гром среди ясного неба. Ломая ветки, топчя цветы, беспардонно наступая прямо на могилы, оперативники с охватившим их чувством воодушевления, что теперь хоть что-то сдвинется с места в расследовании жестокого убийства, бросились на его ликующие крики.

– Ну-ка, ну-ка, – ошалело бормотал Орлов, отклоня подрагивающей рукой Заболотнова в сторону, присаживаясь на корточки над крошечным пяточком примятой низкорослой травы, под которой зелёный упругий мох уже поднялся, скрыв следы ожесточённой борьбы жертвы и её насильника. – Та-а-ак... Кровь... опять кровь... Это надо отдать в лабораторию... вдруг здесь осталась кровь и самого преступника... А этот грязный нечёткий отпечаток... кажется, левого носка... или сапога или ботинка... Чёрт его разберёт... Значит, вот так лежала на спине женщина, этот говнюк на ней... Она сопротивлялась, он правой рукой нашарил камень... Точно! Здесь даже осталось углубление от камня... с краю дорожки. Э-э, да они тут уже и не держатся... – Клим потрогал один из камней, который легко подался, но поднимать его не стал. – Шандарахнул бабу со всей дури в висок, а потом... потом... потом отбросил орудие убийства в сторону. Лёжа на бабе, он далеко не мог кинуть увесистый камень... Ну-ка, Журавлёв, посмотри вон там за кустами... Пошарь...

Орлов провёл руками по траве, на листьях которой всё ещё сохранялась поздняя роса, поднялся с корточек и вытер влажные ладони о галифе. Затем вдруг резко проделал жест, как будто он что-то невидимое взваливает на свою спину, пригнулся, потоптавшись на месте, убеждённо сказал:

– Эта тварь сделал своё дело, закинул труп на плечи и отнёс в склеп. Склеп, по всему видно, он заранее присмотрел для этой цели. Сто лет в нём никто не бывал. Рассчитывал, что всё будет шито-крыто... А то, что мальчишки на кладбище часто играют в казаков-разбойников, ему и в голову не пришло... Должно быть, до этого он их здесь не видел ни разу...

– Клим, нет тут никакого камня, – громко сказал Журавлёв. – Всё обшарил.

– Как нет? – не поверил Орлов, с удивлением глядя в его сторону.

– Так. Нет и всё.

– Да не может такого быть! Ну-ка все ищите, – приказал он.

Битый час оперативники провозились в поисках орудия убийства, основательно вытоптав огромный участок кладбищенской территории, но злополучный камень будто под землю провалился.

– Пустые хлопоты, – подал усталый голос Фёдоров, присел на скамейку и, изболевшись, полез в карман за папиросами. – Хрен знает, куда он мог его запулить.

Орлов в последний раз окинул хмурым взглядом местность, как будто ожидал, что его намётанный глаз именно в эту минуту случайно наткнётся на спокойненько лежащий где-то в укромном месте под лопухом камень. Но взор его не зацепился ни за одну существенную деталь, и уж тем более на глаза камень не попался, и тогда он вернулся к могиле. Облокотившись на ограду, Клим с задумчивым видом наблюдал за тем, как Капитоныч без суеты, со знанием дела фотографировал с разных ракурсов место преступления. Когда фотограф нагнулся, чтобы с близкого расстояния запечатлеть углубление, где до недавнего времени находился столетний камень, его вдруг осенило.

– Судя по отпечатку, камень довольно тяжёлый – далеко его не закинешь, – принялся он громко рассуждать, чтобы его слова слышали все. – Выходит, что наш преступник вернулся на место преступления и хладнокровно уничтожил улики, чтобы скрыть убийство. Можно допустить, что и сумочка при жертве находилась. Положил он камень в сумочку и...

– ...и сбросил в овраг с водой, – подхватил Журавлёв, догадавшись о ходе его мыслей. – А там глубина будь здоров! И тина... И лежит он теперь на дне, а мы тут свои головы ломаем.

– Предусмотрительным человеком преступник оказался. Опасным. Нет, ребята, убийца не из разряда местной шпаны, а человек битый... и жестокий. Это может быть уркаган или даже ... кто-нибудь из бывших фронтовиков.

* * *

В отдел оперативники вернулись, испытывая в душе двойственные чувства. Расстроены они были оттого, что место преступления хоть и удалось им найти, всё-таки ничего существенного так и не смогли там обнаружить. А обнадёжены тем, что перед ними наконец-то стала более отчётливо и выпукло складываться-вырисовываться характерная особенность неизвестного им пока преступника. Единственное, что в данный момент их безмерно волновало, это отсутствие установочных данных самой жертвы.

– Проголодался я, – простодушно признался Фёдоров, как только переступил порог, – кишка с кишкой скоро драться начнут.

– Водички попей, – мимоходом посоветовал Орлов, и непонятно было: сказал он это в шутку или всерьёз.

Фёдоров звучно сглотнул слюну, но спорить с ним не стал; очевидно, от голода и вправду не осталось сил после кладбища.

– Не, парни, у меня тоже что-то живот сводит. Который день как белка в колесе... по-человечески и поесть-то некогда, – поддержал проголодавшегося товарища Журавлёв и, следуя совету Орлова, налил из графина в стакан, разом опрокинул в рот и сейчас же поморщился. – Не, организм воду уже не принимает. Может, смотаемся в райисполкомовскую столовую, пожуём чего-нибудь?

– Это можно, – неожиданно согласился Орлов, очевидно, и сам к этому времени успевший изрядно проголодаться. – Только это самое, парни... без излишеств. Наскоро порубали и назад... Дел невпроворот.

Повеселевшие оперативники спешно направились к выходу в предвкушении сытного ужина. Но тут дверь перед ними чуточку приоткрылась, и в узкую щель невзрачным тёмным силуэтом протиснулся Самойлов. В левой руке судмедэксперт держал некий лист бумаги, исписанный его аккуратным разборчивым почерком. Окинув хмурым взглядом оперативников, которые в нехорошем предчувствии безмолвно застыли на полпути, смутно догадываясь, что ужин снова откладывается на неопределённый срок, он молча обошёл их стороной. Приблизившись к Орлову тихой и, как всем в эту минуту показалось, вкрадчивой поступью, он непринуждённо взял майора за плечи и едва ли не насильно усадил на стул, с которого он только что поднялся.

Заинтригованные необычным поведением всегда тактичного судмедэксперта, ранее не замеченного в подобной вольности, оперативники вернулись на свои места, не сводя изумлённых глаз с Самойлова.

А тот, не обращая на них внимания, стал против Орлова и, блестя стёклами очков с отражавшимися в них светлыми оконными рамами, в волнении перебирая кончиками пальцев край листа, держа его у груди, начал монотонно говорить своим глухим, каким-то прямо замогильным голосом:

– Всю ночь я не спал... всё думал о той женщине. И вы знаете, товарищ майор, всё-таки я решил ещё раз осмотреть её платье. Всё надеялся на то, что насильник тоже оставил свою кровь... И тогда мы хоть будем знать его группу... Осмотрел я буквально каждый сантиметр платья, каждый шовчик... И вдруг заметил бурое пятнышко... Ма-а-ахонькое такое. Но для крови не характерное. И что же, вы думаете, это было?..

Оперативники непроизвольно затаили дыхание, а Орлов подался вперёд, с нетерпением ожидая, когда он наконец-то произнесёт заветное слово.

– Да не тяните вы, Емельян Тимофеевич, – взмолился Журавлёв, не в силах уже совладать с собой.

Но Самойлов даже не взглянул в его сторону; он картинно вскинул руку вверх, как все теперь поняли, с листком заключения медицинской экспертизы и громко воскликнул:

– Йод! Понимаете? Йод!

– Ну и что? – не понял Фёдоров. – Может, она палец себе порезала или коленку оцарапала?

– Да в том-то и дело, что не было у неё никаких царапин... до насильника!

– Вы хотите сказать, что женщина работает... точнее работала в одном из учреждений здравоохранения? – осторожно осведомился Орлов, всё ещё не веря в удачу, в то, что это может быть ключик, а точнее кончик нити, потянув за

которую, они распутают весь клубок и найдут того, кто убил женщину. – Я вас правильно понял?

– Ну, конечно же, конечно! Женщина нечаянно капнула на платье, когда проводила медицинские процедуры, – Самойлов положил на стол перед Климом листок, прихлопнул его узкой с шишкастыми суставами ладонью. – Можете ознакомиться.

Быстро пробежав глазами по заключению судебно-медицинской экспертизы, Орлов несказанно оживился, напрочь забыв, что они только что собирались идти в столовую. Его щёки, скулы охватил заметный румянец, зрачки увеличились в размерах, казалось, что они заполнили всё пространство глазного яблока, отдающего синевой с красными прожилками капилляров.

– Насколько я знаю, до недавнего времени у нас в городе было немногим более двадцати госпиталей, – взволнованно заговорил он, опьянённый надеждой в скором времени установить данные погибшей от руки насильника и убийцы женщины. – После расформирования в марте сорок пятого их осталось что-то около восьми, если мне не изменяет память. Журавлёв, Фёдоров, в срочном порядке свяжитесь с отделом здравоохранения, разузнайте всё поточнее. Выпишите госпиталя, акушерские пункты, аптеки и другие лечебные учреждения, поделите между собой, и чтобы не позднее утра завтрашнего дня мы знали достоверные данные этой женщины. – Он ткнул пальцем в серую бумажку. – Одна нога здесь, другая там.

– Клим, а если убитая никакая не медсестра, а просто смазывала... не знаю, ну, например, соседу по коммунальной квартире рану на пальце или... – начал было совсем не ко времени проявлять сомнения Фёдоров, но Орлов такими глазами на него зыркнул, что Фёдоров посчитал для себя лучшим с ним не связываться. Они с Журавлёвым круто развернулись и, громко топая сапогами, поспешно вышли. – Заболотнов поступает в ваше распоряжение! – уже в закрытую дверь громко крикнул майор.

Продолжая находиться в разгорячённом состоянии, Орлов полез в карман за папиросами, но их там не оказалось. Он принялся ощупывать другие карманы – результат также оказался неутешительным.

– Самойлов, у тебя курить есть? – спросил он, неожиданно обратившись к судмедэксперту по фамилии, забыв, что тот не курит, – настолько в эти минуты был поглощён своими мыслями.

– Не курю я... – не сразу ответил Самойлов, растерянно мигая от его столь неуместного вопроса.

– А, ну да. Тогда иди, – махнул он рукой.

Глава 4

Журавлёв на ходу спрыгнул с подножки автобуса, придерживая рукой планшет, размашисто зашагал в сторону трёхэтажного здания из красного кирпича. До войны там размещалась школа, теперь находился госпиталь.

Покинув полчаса назад облздравотдел со списками лечебных учреждений, с Фёдоровым они договорились полюбовно: Васёк едет на автобусе с Заболотно-

вым отрабатывать отдалённые учреждения, а Журавлёв своим ходом отправляется проверять ближние, которые в основном были сосредоточены в центре.

На город пали сизые сумерки, горели редкие фонари на столбах. Тусклого их света хватало лишь на то, чтобы осветить вокруг себя небольшой участок серого, в многочисленных ямах и выбоинах, старого довоенного асфальта. Там, куда свет не доходил, сумерки постепенно копились, и вскоре уже стоял густой мрак, в котором что-либо разглядеть было затруднительно, а то и просто невозможно.

Журавлёв вышел к площади Ленина, где в окружении цветников и гранитных скамеек высилась монументальная фигура основателя советского социалистического государства. Здесь хотя и горели сразу четыре фонаря, но и они со своими обязанностями так же не справлялись: простёртую вдоль улицы Интернациональной гранитную руку в сторону железнодорожного вокзала и лобастую голову Владимира Ильича скрывала темнота.

У подножья величественного памятника Журавлёв невольно почувствовал себя ничего не значащим пигмеем. Придерживая фуражку, он запрокинул голову, вглядываясь в знакомые очертания скульптуры. Человечище! Над головой Ленина, в бесконечном и холодном небесном пространстве, сияла далёкая неизвестная звезда. Она периодически вспыхивала алым неземным светом, словно подмигивала, маня к себе, где свободно и просторно и нет насущных забот, а главное, нет мерзких людишек, способных ради собственного удовольствия пойти на самые жестокие преступления, как это бывает на грешной земле, где только что закончилась самая кровавая война в истории человечества.

«Ничего, у нас тоже со временем жизнь наладится, – сказал себе Журавлёв, смаргивая выступившую от напряжения слезливую муть, стараясь лучше разглядеть таинственную звезду. – Пройдёт этак лет пять-десять, искореним эту проклятую нечисть, которая жить законопослушным людям мешает, вот тогда и наступит небесный рай на земле. Не будет ни убийц, ни воров, ни других плохих людей, останутся одни хорошие люди. И вырастут такие Савки да Кольчи, станут большими учёными, а может, и военачальниками. Одним словом, полезными для своей советской страны людьми. Победили же мы под чутким руководством верного ученика Ленина товарища Сталина фашистских захватчиков, справимся и с этими... Которые не желают жить по-справедливости».

Тут Журавлёв некстати вспомнил, как на недавнем политзанятии приезжий из Москвы лектор рассказывал им о том, что гораздо опаснее явного внешнего врага внутренний, который, затаившись, только и ждёт, когда можно спихнуть советскую власть, и снова восстановить капиталистический строй.

«Да нет, не может такого быть, чтобы наш народ дал себя облапошить, – уверенно подытожил Журавлёв. – Таких деятелей он сразу раскусит и к ногтю прижмёт».

С такими обнадеживающими мыслями он и добрался до госпиталя. Уличная дверь была настежь распахнута. Лампочка над входом горела вполнакала, освещая скупым жёлтым светом дверной проём и небольшую часть лестницы за ним. Возле подъезда, привалившись спинами к прохладным кирпичам, кури-

ли молоденькая медсестра и одетый в полосатую пижаму парень с правой рукой на перевязи. Они о чём-то негромко разговаривали, слышался сдавленный смех девушки и лёгкое покашливание парня. Над ними, колеблясь, висело белёсое облако папиросного дыма.

Поздоровавшись, Журавлёв спросил, обращаясь к медсестре:

– Кто-нибудь из начальства есть на месте?

Девушка с интересом окинула явившегося на ночь глядя милиционера своими большими ласковыми глазами. У неё было симпатичное личико с пухлыми щёчками. Кокетливо заправляя мягкими движениями полной руки выбившийся светлый локон под косынку, она ответила грудным голосом:

– Зоя Ивановна, старшая медсестра. У неё кабинет на втором этаже. Там табличка на дверях.

Журавлёв не успел войти в подъезд, как услышал за своей спиной девичий приглушённый смех и сдержанный смешок раненого бойца. «Неужели надо мной? Или просто смешинка в рот попала?» – сокрушённо подумал Илья и, хмыкнув, легко взбежал по ступенькам на второй этаж.

Зою Ивановну он разыскал в пятой палате, где лежали тяжелораненные солдаты. Остро пахло камфарой, формалином, фенолом, другими лекарствами. Высокая женщина сидела на кровати у совсем юного бойца, чьё лицо было туго замотано бинтами. Сквозь марлевую повязку проступало розовое пятно от крови. Женщина держала его за руку и что-то внушительно, но ласково говорила, поглаживая другой ладонью его по-девичьи бледную с голубыми прожилками кисть.

– ...образуется, милоч, – расслышал он, пробравшись к ней между тесно стоявшими кроватями. Старшая медсестра была в военной форме с наспех накинутым на плечи халатом. Осторожно тронув её плечо, Илья негромко произнёс:

– Товарищ старший лейтенант медицинской службы, нам бы поговорить с вами. Всего лишь минутку уделите мне... Я в коридоре подожду...

Женщина кивнула, и Журавлёв покинул палату. Ждать ему пришлось недолго. Он даже не успел толком оглядеться. По коридорам, словно серые тени, перемещались увечные люди: они хромали, подсобляя себе тростью, прыгали на одной ноге, опираясь на костыли, безногих везли на инвалидных колясках, другие просто бесцельно бродили, не находя себе места от невыносимой боли. Были и такие, кто медленно передвигался на ощупь вдоль стены...

Журавлёв непроизвольно вздрогнул, когда его локтя неожиданно коснулась рука старшей медсестры. Рука у неё оказалась не по-женски крепкой, да и сама она ростом была едва ли не вровень с Ильёй, только намного старше. Глубокие морщины резали вдоль её высокий загорелый лоб, а мелкие, похожие на меха от гармошки, складки собрались вокруг её жёстко сжатых бесцветных губ.

– Что вы хотели? – спросила она хриплым прокуренным голосом, глядя в его глаза своими серыми зрачками в рыжую крапинку.

Было заметно, что старшая медсестра в бытность своей нелёгкой профессии за войну повидала многое, успела настрадаться душой. От этого глаза её имели взгляд колючий, прожигающий насквозь.

– Так что же вы хотели? – повторила она.

И Журавлёв неожиданно для себя как-то суетливо вынул из планшета фотографию, показал ей.

– Вам эта женщина знакома?

– А что должна? – спросила с холодком старшая медсестра, принимая из его рук карточку.

– Могла работать у вас.

Несколько секунд женщина внимательно всматривалась в искажённое мучениями лицо покойницы, потом отрицательно качнула коротко стриженной головой.

– Нет, впервые вижу.

– Вы не торопитесь, – посоветовал оперативник. – Получше поглядите.

– Я своих сотрудников всех помню, – уверенно ответила старшая медсестра. – Поэтому напрасно своё и моё время не тратьте. До свидания.

Она круто развернулась и опять скрылась в палате. Журавлёв уже догадался, что парень с забинтованным лицом, на чьей кровати он застал старшую медсестру, навсегда ослеп и, не в силах смириться с новым своим состоянием, хотел покончить с собой.

Проникнувшись невольным уважением к старшему лейтенанту медицинской службы, Илья подумал: «Крепкая женщина! Пускай у неё получится отговорить парня от необдуманного поступка. Жизнь одна. А его небось родители ждут, любимая девушка. Если по-настоящему любит, всё у него в жизни сложится хорошо».

Журавлёв вышел на улицу. Целовавшиеся у подъезда медсестра и раненый боец спешно отпрянули друг от друга. Девушка торопливо вытерла губы ладонью, стеснительный румянец опалил её щёки. Пряча глаза под бровями низко опущенной головы, растерянно спросила:

– Нашли... Зою Ивановну?

– Нашёл, – весело ответил Журавлёв. – Спасибо.

– Не за что.

Уже отойдя на пару десятков шагов, Илья не утерпел и оглянулся: влюблённые опять целовались. Он одобрительно качнул головой, невольно проникнувшись белой завистью к расторопному пареньку, и, не в силах совладать со своими чувствами, ускорил шаги. С его лица не сходила добродушная улыбка.

С реки Цны тянуло холодком, пресным запахом воды. Собравшись было закурить, Журавлёв сразу же и передумал. Подставляя распаренное лицо под свежие струи лёгкого ветерка, полной грудью вдыхая ночной воздух, стараясь быстрее отделаться от удушливого запаха госпиталя, которым, как ему казалось, он успел пропитаться за то короткое время, пока находился внутри, Илья свернул по направлению к другому госпиталю, расположенному километрах в двух.

За четыре часа оперативник успел обойти практически все лечебные учреждения в заданном районе, всё было напрасно. Где бы он ни показывал фотографию убитой для опознания, никто её не угадывал. Люди долго и добросовестно вглядывались в лицо неизвестной женщины, отмеченное посмертной

страдальческой мимикой. Её окровавленное лицо, рваные губы и синие подтёки от ушибов вызывали у них несказанную жалость и сострадание к ней, всей душой они желали оказать помощь следствию, но в конце концов отрицательно качали головой. Относились с сочувствием и не более.

Чем меньше оставалось впереди лечебных учреждений, где не успел ещё побывать Журавлёв, тем быстрее таяла надежда на положительный результат. Правда, теплилась ещё надежда на то, что вёрткий и смекалистый Васёк Фёдоров уже смог раздобыть нужные сведения. Но, если рассудить по правде, тогда за Ильёй давно бы уже приехал Заболотнов, чтобы сообщить эту добрую весть.

Занятый своими мыслями, перспектива которых не радовала, а наоборот, огорчала, вгоняла в беспросветную печаль, Журавлёв не сразу услышал приглушённый расстоянием слабый вскрик. Было похоже на то, что крикнула женщина, а потом ей кто-то быстро зажал рот. Илья настороженно стал на месте, наострив слух. Вскоре до него опять донёлся нечленораздельный звук, но это уже было скорее похоже на коровье мычание.

Оперативник непроизвольно подобрался, как всегда происходило с ним, когда его подстерегала близкая опасность. Бесшумно ступая на носки хромовых офицерских сапог, словно он находился на фронте, бывший полковой разведчик, а нынче старший лейтенант милиции, оперативный сотрудник уголовного розыска Илья Журавлёв большими скачками понёсся в ту сторону.

Выскочив из-за угла, он увидел в темноте ведущей во двор тесной арки копошащийся серый клубок. Там кто-то шумно сопел, шуршали ноги по асфальту. В какой-то момент ночную тишину резанул пронзительный женский крик о помощи и мигом оборвался на высокой ноте. А потом грубый мужской голос угрожающе произнёс:

– Заткись, курва. Не то чичас твою симпотную рожу лезвием распишу.

– Падла, за руку укусила, – пожаловался другой мужской голос, и раздался звук пощёчины, усиленный стенами и арочным перекрытием.

Женщина от удара упала на колени и уже потухшим голосом жалобно попросила:

– Я всё отдам. Только не убивайте... мальчики... дорогие мои. У меня трое деток дома остались...

– А как насчёт отжарить? – нахраписто поинтересовался ещё один. Судя по его хрипоте, это был третий участник грабежа. – Булки-то у тебя ништяк.

– Стоять, милиция! – громко крикнул Журавлёв, быстро приближаясь к преступникам, держа перед собой пистолет двумя руками. – Ну-ка отпустите женщину, – грозно приказал он. – Или стреляю.

В темноте разглядеть его серую, сливающуюся с обшарпанными стенами фигуру было невозможно, и грабители в его слова не поверили. Стрелять же он не хотел. Эти люди хоть и разговаривали на блатном жаргоне и с напускной интонацией меняли свои голоса на грубые, стараясь выглядеть отпетыми урками, всё же по их ломким голосам оперативник без труда определил в них мелкую городскую шантрапу. «Смена заклятым уголовничкам подрастает», – с болью подумал он.

– Ты чё, дядя, рамсы попутал? – по-блатному растягивая слова, на него двинулся невысокого роста человек с широко раскинутыми руками. – Я ведь и ножичком могу тебя почикать. За мной не заржавеет. Сдриснул. Быстро. Ну-у! – надрывно заорал он, желая жутким своим воем вынудить постороннего человека убежать сломя голову.

Очевидно, раньше столь наглое поведение сходило ему с рук, но не в этот раз. Человек, назвавшийся милиционером, продолжал неумолимо надвигаться, как моторный асфальтовый каток, и бандит заколебался.

– Атас, легавый! – внезапно взвизгнул он, обретя настоящий свой голос, разглядев на фоне далёкого уличного фонаря милицейскую фуражку на голове Журавлёва, когда тот ступил в узкую полосу мутного света.

Парень мгновенно развернулся, первый кинулся бежать во дворы. Через секунду за ним ломанулись его дружки. Прислушиваясь к нестройному топоту, Илья не стал их преследовать, а кинулся на помощь женщине. Она плакала навзрыд, закрыв ладонями лицо.

– Не бойтесь. Всё позади, – сказал как можно доброжелательнее, хотя внутри у него всё кипело. – Поднимайтесь.

От перенесённого ужаса ноги у женщины подгибались – она не могла стоять. Тогда Журавлёв прислонил её к стене, заботливо поддерживая под руку. Увидев валяющуюся в ногах небольшую сумочку, впопыхах оставленную грабителями при бегстве, когда стало вдруг не до её содержимого, он поднял сумочку и вложил женщине в руку.

– Держите. Думаю, здесь всё в целостности и сохранности.

– Спа... спасибо вам, – всхлиывая, трудно ворочая непослушным языком, ответила насмерть перепуганная женщина. Она трясущейся рукой вынула из сумочки носовой платок, вытерла мокрые глаза, затем с шумом высморкалась в него и, скомкав дрожащими пальцами, спрятала в карман старенькой вязаной кофты. – Если бы не вы... – голос у неё дрогнул, и горькие слёзы снова побежали по её щекам.

– Ну-ну... Хватит... Теперь вы в безопасности, – как умел, неловко успокаивал оперативник. – Как же вы ночью-то здесь оказались? – спросил он, вытерев рукавом гимнастёрки её заплаканное лицо.

Всхлиывая и содрогаясь всем своим худосочным телом, женщина стала рассказывать:

– На работу шла... Я живу тут неподалёку... У меня сегодня ночное дежурство... Только я свернула с той улицы, как вдруг эти... неизвестно откуда появились. Пристроились за мной и идут, насвистывают... А когда поняли, что я одна-одинёшенька... они и озверели. Зарезать обещали... А что я им сделаю... Ведь и зарезали бы... А этот хрипатый даже пригрозился изнасиловать... И ведь не откажешь, дети у меня, – женщина завывала толстым надрывным голосом, причитая, словно по покойнику. – А как же они... дорогие мои, любимые, без своей матери выживут?.. Ой, я как подумала про них, так на всё была согласна-а-ая!..

– Работаете-то где? – спросил Журавлёв, желая сменить неприятную для неё тему разговора.

– В госпитале.

– В госпитале это хорошо, – оживился Илья. – Я как раз туда и направляюсь.

– Правда? – Женщина впервые открыто посмотрела на него. Вытерла тылом ладони покрасневший нос и неожиданно улыбнулась. – Повезло мне. Только я всё равно опоздала, теперь выговор будет.

– Не волнуйтесь, я перед вашим начальством слово за вас замолвлю, – пообещал Журавлёв. – Вы тут ни при чём.

– Спасибо.

Всё так же продолжая опираться на его руку, женщина нерешительно сделала шаг, другой и дальше пошла уже более уверенно, хотя во всём её теле ощущалась слабость от пережитого. Они шли неторопкой походкой, словно двое влюблённых прогуливались по ночным безлюдным улицам.

Илья незаметно косился на женщину, пытаясь разглядеть её лицо. Но фонари здесь отсутствовали, а при слабом голубом свете далёкого ущербного месяца, который поминутно закрывали плывшие с востока пепельные облака, сделать это было не так-то просто. И только когда они вошли подъезд, где горела электрическая лампочка, он смог её хорошо рассмотреть. Находясь в темноте арки, Илья представлял себе женщину в возрасте, ориентируясь по её тусклому голосу и наличию у неё троих детей. На самом же деле женщина оказалась довольно молодой: ей не было, наверное, и тридцати пяти. Чуть грустный затуманенный взгляд прищуренных глаз, с опухшими от слёз синими мешками под ними, прямой с горбинкой узкий нос, с трепетными крыльями, как будто обрезанными наискось, что придавало её лицу восточные черты, явно выраженные скулы и маленький рот. Алая помада стёрлась и размазалась по щекам, покрасив их в неровный неестественный румянец. Однако это в глазах Журавлёва её личико нисколько не портило, как будто они уже сроднились.

– Начальство у вас где обитает? – спросил он, сдерживая невольную улыбку.

– Начальник госпиталя будет только завтра... А сейчас дежурная медсестра и старшая по отделению... Ну, и само собой, санитарки... нянечки. Может, я могу чем-то помочь?... – чуть помедлив, спросила она. – Кстати, меня Ирина зовут. – Женщина решительно протянула руку.

Журавлёв бережно пожал её хрупкую, с синими прожилками, узкую кисть.

– Илья...

– Вот и познакомились, – улыбнулась Ирина и тяжело, с протяжным всхлипом вздохнула. – Всё никак не могу прийти в себя, – призналась она.

Журавлёв заколебался, видя её состояние. Но профессия сыскаря обязывала, и он, молча вынув из планшета фотографию, подал ей.

– Ой! – не смогла она сдержать горестного восклицания и торопливо прикрыла распыленный в ужасе рот ладонью, увидев знакомое, но изуродованное лицо; потом дрожащим, осекавшимся от волнения голосом, негромко произнесла: – Это же Филатова Ольга Владимировна. Наша операционная медсестра. Как же так произошло?

– Убили вашу... коллегу, – глухо ответил Журавлёв. – После того, как изнасиловали, – не стал он кривить душой. – Можете что-то о ней рассказать? – Он осторожно, по одному разжал её тонкие пальцы, взял фото и снова спрятал в свой планшет. Оглядевшись, предложил: – Давайте присядем на кушетку.

Они прошли по коридору. Ирина обессиленно опустилась на кушетку, застеленную зелёной клеёнкой. Испачканное в алую помаду её лицо покрылось смертельной бледностью, по нему пробежали судороги, а губы страшно прыгали, как будто она специально гримасничала. Судя по состоянию, в котором она находилась в эту минуту, женщина мысленно представила себя на месте убитой гражданки Филатовой.

– Да мы как-то с ней не особо общались, – начала она тихо, с заметной заторможенностью рассказывать. – Всё больше по работе. Знаю только, что муж у неё в сорок втором без вести пропал на фронте. Потом она сошлась с другим мужчиной, девочку родила. Ну и, в общем-то, и всё. Этого мало, да?

– Знаете, где она проживала?

– Где-то в Октябрьском районе. Точного адреса не скажу. Это вам нужно к старшей по отделению обратиться Надежде Капитоновне, у них часто дежурства совпадали – она должна знать.

– Где разыскать её? – деловито осведомился Журавлёв, окрылённый успехом, что наконец-то уголовное дело сдвинулось с мёртвой точки.

Ирина вялым движением руки указала вдоль длинного, как кишка, коридора.

– А здесь, на первом этаже. По коридору пройдёте, и за поворотом сразу же первая дверь – и будет её кабинет.

Журавлёв поднялся, недолго постоял, глядя сверху на склонённую голову новой своей знакомой, как будто хотел что-то сказать, затем вздохнул, должно быть, передумав, и торопливо зашагал в указанном направлении. Повернув за угол, он увидел длинный ряд расставленных вдоль левой стены кроватей с лежащими ни них ранеными бойцами. Невольно замедлив шаги, чтобы не потревожить спящих пациентов, Илья тихо приблизился к открытой двери, заглянул внутрь.

За столом сидела пожилая женщина в белом халате, концы повязанной на её голове косынки были туго завязаны на затылке. Хмурая чернявые брови, женщина что-то писала в журнале, шуршала пером по листу. Время от времени она задумчиво покусывала кончик ручки и снова принималась писать.

– Разрешите?

Не отрывая пера от бумаги, женщина исподлобья взглянула на милиционера, коротко кивнула ему головой. Она, не спеша, дописала, и только тогда отложила ручку, устало откинулась на спинку стула, уронив натруженные руки на колени, и спросила:

– Я вас слушаю?

– Надежда Капитоновна вы? – в свою очередь спросил Журавлёв.

– Совершенно верно.

Илья прошёл к столу, вынул из планшета фотографию, положил перед старшей по отделению. Он ещё ничего не успел сказать, как брови женщины из-

умлѐнно взметнулись вверх, а ещё через секунду её тѐмные зрачки в окружении мелких морщинок, не мигая, уставились на оперативника. У неё заметно дрожали веки, в глазах блестели слѐзы.

– Вашу коллегу убили, – ответил на её невысказанный вопрос Журавлѐв.
– Мы расследуем это дело. Мне хотелось бы узнать всё, что вам о ней известно. Досконально всё. Говорят, что вы близко знались...

Надежда Капитоновна переместила свои руки на стол, сложила их перед собой, как примерный ученик, и, сочувственно поглядывая то на фотографию, то на милиционера, стала неспешно рассказывать:

– Не знали мы близко... неправда. Да и не могли в силу большой разницы в возрасте. К тому же Ольга Владимировна была женщиной скрытной, особо о себе никому не рассказывала. Не знаю, почему так? Должно быть, оттого, что жизнь у неё изначально не сложилась. Знаю о ней только то, что она сама рассказывала, когда вдруг на неё что-то находило... Трудно, наверное, всё время в себе копить, вот и делилась со мной, когда уж совсем накатывало. Вместе мы дежурили часто, это правда. Ну, что я могу рассказать о ней? С первым мужем детей они не нажили, а как началась война, то его сразу забрали на фронт. Уж не знаю, как он воевал там, только пропал он в сорок втором без вести... Сказать, что она сильно печалилась о нём, не могу. Отношения у них между собой были, как она признавалась, натянутые. Сильно он её ревновал... Хотя я бы не сказала, что она уж такой красавицей была... Обычная на вид женщина, таких много. А вот он, по её словам, очень даже красивый... Высокий, статный... Но вот пробежала между ними чѐрная кошка, и всё тут... Одной тяжело, особенно в войну, она и приняла потом на жительство одного офицера интендантской службы. Года три они сожительствовали, ребёночка она родила... Верунчика. А потом у неё что-то и с этим мужчиной не заладилось. Кто уж там виноват у них... не могу сказать. Вроде бы с чужой бабой его видели, а там кто знает... Видела я его, не сказать, что по обличью видный человек, так... Сытый... А что вы хотели – интендант. Но они вместе продолжали жить... помирились. А может, и не ругались. Влюблѐнные ссорятся, только тешатся... Не нами придумано. А когда, говорите, она погибла?

– Пять суток прошло. И вы что же за это время, что гражданка Филатова на работе не появлялась, даже и не всполошились? Как же такое возможно?

– Я же говорю вам, у неё дочь была... Ей всего три годика. А дети имеют привычку часто болеть... Поэтому к Ольге Владимировне начальник госпиталя относился снисходительно. Кто-то должен с ребёнком находиться?

– А муж?

– Муж, объелся груш. У него своих дел полно. Да и не мужское это дело с ребёнком сидеть! У всех дети болеют, терпели... Да и потом, она навѐрстывала пропущенные дни, сутками с работы не уходила. Поэтому никто в накладе не был... Слышала, что собирались домой к ней идти... что долго не выходит на работу. Может, что-то серьёзное случилось, может, помощь какая требуется... А оно вон какое дело... – старшая по отделению глазами указала на фотографию, губы у неё дрогнули, она тяжко вздохнула.

– Адрес её знаете? – поинтересовался Журавлѐв, тщательно записывая в свой блокнот откровения сердобольной женщины.

– Нет, – покачала она головой. – Чего не знаю, того не знаю. Это можно узнать у кадровика. Только он утром будет. Подождать придётся. Кстати, в тот день она была с девочкой... с Верунчиком.

– С девочкой? – переспросил Журавлёв, пристально вглядываясь в её лицо, чувствуя, как необъяснимое беспокойство скользким холодным змеем вползает в его горячее сердце. – Вы точно помните? Может, она была с дочерью в другой день? Перед этим?

– Нет, в этот день. Это я очень хорошо запомнила. Потому что она тогда куда-то очень спешила, даже себе платье испачкала йодом, когда я попросила её сделать укол раненому. Правда, там была небольшое пятнышко, но всё-таки неприятно... Вам, мужчинам, это не понять.

Надежда Капитоновна подняла глаза от фотографии и неожиданно встретилась с взволнованным взглядом оперативника, который тотчас отвёл свои глаза в сторону.

– Она что... пропала? – встревоженно спросила женщина.

– Пока не знаем, – быстро ответил Журавлёв, нервно крутя карандаш в пальцах. – Может, она осталась дома с отцом. По крайней мере, на это надеюсь. Я от вас позвонить могу?

– Конечно. Мне выйти?

Илья жестом показал ей оставаться на месте, торопливо набрал номер отдела и, отвернувшись, прикрывая широкой ладонью чёрную эбонитовую трубку, тихим шёпотом наскоро ввёл Орлова в курс дела.

– Журавлёв, дождись кадровика, разузнай адрес, а утром я за тобой заеду, – сквозь шипенье, треск, другие помехи, где даже слышна была некая бравурная музыка, донёсся до него глуховатый далёкий голос Орлова. И связь оборвалась.

Со словами «Извините, мне работать надо» Надежда Капитоновна поднялась из-за стола, выжидательно глядя на милиционера.

– Да, конечно, – спохватился Журавлёв и, на ходу пряча блокнот в планшет, направился к выходу. – До свидания.

Выйдя из подъезда, Илья вдруг вспомнил, что давно не курил. Огонёк трофейной зажигалки на миг осветил его взволнованное, покрытое бисеринками пота, красное лицо. Он с жадностью сделал пару глубоких затяжек. После этого, как будто насытившись горьковатым табачным дымом, он удобно облокотился одной рукой на кирпичный выступ в стене и дальше уже курил не так рьяно, наслаждаясь самим процессом.

На улице стояла предрассветная свежая тишина. Трава, пробившаяся в щели между цементным фундаментом здания и асфальтом, источала почему-то запах разнотравья, как всегда бывает после лугового покоса. Тяжело капала роса с листьев старых лип, росших напротив входа в каких-нибудь трёх-четырёх шагах. Изредка тишину нарушал один и тот же протяжный мужской стон где-то в палате, в котором слышалась невыносимая боль. И мучительную боль эту, по всему видно, причиняли не тяжёлые раны, а что-то другое, более страшное, что, словно тугим обручем, стягивало сердце, бередило душу.

Услышав приближающие шаги, Журавлёв повернул голову на их звук. Из подъезда вышла Ирина, одетая уже в белый халат и косынку. Она смыла с лица

помаду, выглядела заметно посвежевшей. В руках молодая женщина держала алюминиевую кружку с кипятком, тоненькие струйки пара поднимались вверх.

– Я подумала, что вы, наверное, проголодались, – сказала она стеснительно. – Принесла вот... чай. А ещё пирожок, – Ирина вынула из кармана халата небольшую булочку и вместе с кружкой подала ему. – С яблочным вареньем... И чай крепкий... зверобоем и мятой заварен.

Запах пирожка разбудил в Журавлёве притухший голод. Он торопливо бросил окурок под ноги, тщательно растёр подошвой сапога. Ему хотелось признаться Ирине в том, что он не только чуточку проголодался, а оголодал, как хищный зверь, но вместо этого лишь сдержанно ответил:

– Спасибо.

– Да вы на кушетку присядьте, – посоветовала она доброжелательно. – Будет намного удобнее.

Журавлёв послушно последовал её совету, сел. Не показывая виду, принялся, не спеша, жевать вкусный пирожок, запивая его кипятком, обжигая потрескавшиеся губы. После того, как Илья утолил голод, его потянуло в сон: непроизвольно смеживались потяжелевшие веки.

– Да вы прилягте, – сжалась над ним Ирина. – Я разбужу если что.

– Так посижу, – отказался Журавлёв.

Прислонившись спиной и затылком к стене, он надвинул на глаза фуражку и тотчас провалился в сон.

Елена ЧАСОВСКИХ

Жемчужины и черепки

Стихи

Первое слово

Я всё ещё помню вкус первого слова,
Оно было громким, оно было новым.
Я помню, насколько оно было смелым,
Как ягода, сладким, как яблоко, спелым.

Летели часы, истекали минуты,
Вкус слов изменился, он стал почему-то
То горьким, как яд, то, как слёзы, солёным.
Слова прожигали железом калёным.

Порою они застревали в гортани,
Тонули в молчании, словно в тумане,
Случайно споткнувшись, искали опоры
И эхом звучали в тиши коридора.

Сплетались в стихи, рифмовались в сонетах,
Покорные музыке, пелись в куплетах,
Просили и спорили, и колдовали.
Слагались в молитвы, звенели и звали.

Умолкнут слова человека любого.
Но нет у поэта последнего слова.
Уходит, и двери за ним затворятся.
А строки живут. А слова говорятся.

Мастерская

Это выглядит так, будто я вспоминаю.
Словно, глину словесную выбрав со дна,
Придаю ей объём, а потом обжигаю,
И звенит, и сияет глазурью она.

Это смотрится, будто бы с камнем в ладони
Я ныряю за жемчугом в злую волну,
И она всё темнее, страшней и бездонней,
И настойчиво море влечёт в глубину.

Никогда не пустует моя мастерская.
Ходит круг, повинуюсь движенью руки.
Я колдую – слова собираются в стаи,
А по полу – жемчужины и черепки.

Пятнадцать

«Есть смерть и нет любви. А гречка присыхает
К тарелке так, что надо замочить.
И ногти грызть нельзя. И чуда не бывает.
И нечего в мороз без шапки выходить!»

Свобода – это миф. Учись, пока не поздно.
Роди – потом поймёшь, что значит воспитать.
И нечего лежать и пялиться на звёзды.
А то тебя с утра на рынок не поднять».

Без шапки, натошак, покусывая ноготь,
Прогуливаю, да! И мне пятнадцать лет,
И вам мои права советую не трогать!
И я тебя люблю. И, знаешь, смерти нет.

Моему зумеру

Ты эмигрировала в сеть,
ты захотела там остаться.
Мне до тебя не долететь,
не добежать, не достучаться.

Мы редко видимся в ТГ
и никогда не ходим в ОКи.
Ты без меня сдаёшь ЕГЭ
и без меня тусишь в тик-токе.

Ты покупаешь на WB,
я по старинке – в магазине.
Ты знаешь, я пишу тебе,
чтоб сэкономить на бензине

и заплатить за интернет.
Эмодзи лучше, чем объятья.
Сеть словно тысяча планет.
Что здесь тебе могла бы дать я?

Дождливый вечер. Мокрый куст
махровой розовой сирени.
Чай на веранде. Дворик пуст.
Кот, согревающий колени,

увидел что-то в полутьме,
пронзил миры янтарным взглядом.
Когда же ты придёшь ко мне
и просто тихо сядешь рядом?

И если ты искала знак,
пусть эти строки будут знаком.
Мой мир работает и так.
Ему не требуется аккумуля.

Дочери Светлане

Не слушаться,
хотя бы – слушать.
Мир рушится
в семнадцать лет.
Оберегать тебя от бед
Бессмысленно.
Любовью душит
любая мать
любую дочь.

На стадии невосприятъя
не доказать
и не помочь.
В сознание нет
свободных мест.
Я жду тебя,
раскрыв объятъя.
Мой силуэт
похож на крест.
О, это счастье материнства!
Причастье, таинство,
печать.
Любить.
Любить или молчать?
Молчать, любить и ощущать
и непохожесть,
и единство.

Точка

Ты зоркий глаз живущей в иве птицы,
Звезда, что направляет корабли,
Или конец блестящей острой спицы
В клубке Земли.

И если холст белёный небосвода
Перевернуть, то – видишь эту нить? –
Ты узелок. Тебе дана свобода
Всё изменить.

Вселенная – развернутая точка.
Ты тоже можешь. С чистого листа.
Курсором обозначенная строчка
Пока пуста.

Поэтический цикл «Лето»

Июнь

В ночь васильковую влетела
Луна – молочно-белый лунь.
Как пышно, весело и смело
На клумбе расцвёл июнь!

И улыбнулась Панагия,
Его сорвав со стебелька.
Она дала ему тугие,
Большие крылья мотылька.

Он вовсе не боялся ночи.
Он осветил собой весь сад,
И приключения пророчил
Его лукавый, ясный взгляд.

Ему сказала Всесвятая:
«В дождях, и в грозах, и в цвету
Иди от края и до края
И проповедуй красоту!»

Не спит июнь, в ночном дозоре
Хранит мозаику лугов,
И в торжествующем мажоре
Гремит симфонией любовь.

Июль

Поёт комар, и пахнет сеном,
Варенье стынет на плите.
Не удержать постылым стенам
Мальчишку в душной тесноте

Квартиры. Он оковы школы
Разбил в июне, а теперь –
И загорелый, и весёлый –
В июль распахивает дверь.

О, сколько счастья и свободы
В кустах росистой лебеды!
Зовут чужие огороды,
Река, заросшие сады,

Заброшки, тайный мрак пещерки,
Открытой в давние года,
И заводные водомерки
На золотой фольге пруда.

Опять изодраны коленки.
Голодный, по уши в земле.
Но ждут малиновые пенки
Приманкой сладкой на столе.

Август

Август, август, скажи мне, кто я.
Я забыла, зачем живу.
Месяц жатвы, любви, покоя.
Сон, увиденный наяву.

Всё как будто остановилось,
Ветер ветки не шевельнёт.
Время вышло, и божья милость
Превратилась в янтарный мёд.

Наливаясь прозрачным соком,
В листьях прячутся слитки груш.
Раскрываются ненароком
Очи наших усталых душ.

Можно в августе быть беспечным,
Не спешить, забывать, прощать.
В небе сладким потоком млечным
Разливается благодать.

Причастись золотым и спелым
Солнцем, помыслы успокой.
Август, август, что я успела?
Лету вслед помахать рукой.

Лето

Мелькнуло в ленте белым и зелёным
и закружилось рыжим, опалённым
закатами июльскими, кленовым,
раскрытым, как ладонь твоя, листом.

А мы всё оставляли на потом.
А следующее лето будет новым,
совсем иным, но тоже бестолковым,
с отложенными встречами вдали,
и наши разговоры будут реже.
И только облака всё те же, те же –
плывущие по небу корабли.

Слова

Всё сказано. В часы молитв
Слова нанизаны на чётки.
В угарном сне любовных битв
В желаньях – страстны, в просьбах – кротки.

В волнах струящихся шелков
По вертикали – черной тушью.
В секретах розовых венков,
Вплетаясь в песенку пастушью.

В устах то лживых, то скупых
То в брани слышатся, то в храме.
Слова – разящий меч живых.
Слова, играющие нами.

Сны

Я невидимой тушью пишу
На шелках тишины.
С тонкой кистью-стрелой сторожу
Ваши сны. Ваши сны

Кружат голову, тают, клянут
Мой охотничий лук.
Улетят? Ускользнут? Попадут
В чёрный круг? В чёрный круг,

В мой бездонный зрачок,
Под прицел не смыкаемых глаз.
На любой из далёких дорог
Вижу вас. Вижу вас

Сквозь прозрачный муслин,
Сквозь туман неизвестной страны.
Станут красками новых картин
Ваши сны. Ваши сны...

И в день восьмой

И в день восьмой – день плача и огня,
В день возвращенья преданного Слова,
Оглядываясь в сумерки былого,
Я вспомню не тебя, ты – не меня.

И на краю разрозненных миров,
Стираемых, как в тексте опечатки,
Не мой портрет во тьме твоих зрачков
Останется ожогом на сетчатке.

И видя время, мчащееся вспять,
Роняемое в бездну зодиака,
Я не тебя попробую позвать
Срывающимся голосом из мрака.

Реальны тени. Призрачны тела.
Свет в комнате погас и не включился.
Я за тебя души не отдала.
Ты жизнью за меня не поручился.

Кто я тебе – мост, пропасть на пути?
И кто ты мне – награда ли, проклятье?
Но силы нет, способной развести
Рук наших лихорадочное сжатье.

С волхвами

Снег ли скрипит под ногами,
Или песок на зубах, –
Я пробираюсь с волхвами
Сквозь расстоянье и страх.

Ирод кровавый не дремлет
В адской вселенской ночи.
Звери чудесному внемлют.
«Тихо, Малютка, молчи!

Кроткие глазки овечьи
Смежил полуночный сон.
Ты ли грехи человечьи
Вынешь и вынесешь вон?»

К яслям Твоим со звездой
Мы подошли наконец.
А, уходя, стороною
Минули грозный дворец.

Пальмовой веткой дорогу
Ветер указывал нам.
Тропка спускалась отлого.
Шёл Ты по нашим следам.

Будто с ответным визитом,
Ночи и дни напролёт
Бог по дорогам разбитым
Шагом неслышным идёт.

Так ежегодно к неспящим
Душам приходит Любовь
В будущем и настоящем.
Словом, во веки веков.

Валерий АРШАНСКИЙ

Недобитые

Повесть

67 лет назад, в 1959 году, в Мюнхене, подкараулив жертву в тёмном подъезде, агент КГБ Богдан Сташинский убил Степана Бандеру (р. 1906), руководителя Организации украинских националистов (ОУН). Сташинского наградили орденом Красного Знамени – «За успешное выполнение особо важного задания правительства». Однако летом 1961 года Сташинский перебежал на Запад, где сенсационным образом признался в совершённых терактах (а ликвидировал он не только Бандеру).

(Из газет).

Глава 1. «Печатай, Магда, печатай»

ЗАПАДНАЯ УКРАИНА... Трудные, очень разные земли: и предгорные участки, и типичное увлажнённое полесье. Небо, как сито, через которое часто моросит, а то и стеной льёт дождь. Неудивительно, что отходничество тут бытовало испокон века. К тому, что даёт земля, нужен постоянный дополнительный приработок, иначе семью не прокормишь, как ни старайся.

Вот и уходили отсюда на сторону зарабатывать гроши родители Магды Барвенчук. А потом вернулись, переселились к дедушке Магды, на лесную заимку, там и стали жить. Отца приняли на работу лесничим, мама во всём помогала ему, а дочка осваивала лес, считая его родным и знакомым. Родители, оба малограмотные, как только могли, поощряли желание донечки учиться. И ласковая Магда старалась дома, старалась в школе.

Никогда не думала она, что учившийся с ней в одной школе, только на три класса старше, Савватий Фецюк вырастет в первые же дни войны в законченного бандюгу Савку. Доводилось видеть Магде, как в селе Добривляны стрелял этот самовлюблённый ученик в босого, стоявшего перед ним без шапки деда, вся

вина которого заключалась только в том, что он избирался депутатом при Советах. Страшное, перекошенное от злости было тогда лицо у Фецюка. Она неделю избегала встречаться с ним даже на одной дороге. А он, чуя боязнь и презрение девушки, как нарочно, бесшумно вырастал перед ней на ближних и дальних подступах к лагерю. И ухмылялся, и говорил какие-то обидные слова, чтобы зажечь в ней откровенное неприятие своей персоны, а потом поизмываться и над этим. Магда опускала глаза долу, молчала.

Проклятый Богом и людьми Савка здесь, в Чёрном лесу, убил потом бывшего работника милиции, а следом – бывшего служащего то ли сберкассы, то ли банка и его беременную жену, которая, закатываясь до посинения, кричала и молила, чтобы не уводили боевкари её несчастного мужа от троих детей.

Рассказывала Магде повариха боёвки и про то, что Савка с благословения главаря банды Ярого изнасиловал в сарае при гогочущих соратниках батрачку Ольгу Сенич. А потом задушил бедняжку её же халатом. Ярослав Ярый, пьяный в дым, обнимая Савку, кричал: «Орёл! Такому впору не четой и не сотней, а целым куренем командовать!». Люто ненавидел Савка Советскую власть и всё с ней связанное. Исходил злостью на большевиков за то, что партизанские пули настигли в Беловежской пуще его отца и старшего брата, вместе служивших в «Нахтигале». Нашли старшие Фецюки вечный приют в болотах измордованной немцами, но не сдающейся на милость врага Белоруссии.

«Ничего, ничего, – хмурится и так никогда не расцветающий Савка, – ваш младший сын и брат отомстит за вас, никому не будет пощады». Слово своё Савканий держать умеет. Боевкари недавно видели, как скупой на похвалу референт Калужского окружного провода, кивая в сторону Савки, хлопал по плечу при большом стечении народа друже провидныка, приговаривая: «Ярый людей подбирать умеет, за то и ценим!»

Ни Ярый, ни его боевкари Магду пальцем не трогали. Хотя ни про кого не скажешь, что они не охочи до «малинки». Ого, только дай им, наглым и алчным, повод! Сколько женских и девичьих слёз пролито после надругательств этих клятых «чёрных чертей» над беззащитными жёнами и дочерьми, не счесть...

Магду Ярый взял к себе в боёвку, как машинистку, для печатания под копирку протоколов допросов. Сначала на устный вызов Ярого, переданный через посыльного, девушка ответила отказом, сославшись на то, что скоро уезжает во Львов. Это было утром. А вечером дома она обнаружила у себя на столе неизвестно когда и кем оставленную записку: «Магда! Жду тебя завтра утром. Не придёшь – хуже будет». И подпись: «Ярый».

Этим злым именем матери и вправду пугали своих детей, сразу утихомиривая даже самых непоседливых. Вечерами, кивая на тёмные окошки хаты и произнося имя бандита полушёпотом, они приучали засыпать и отчаянно кричащих младенцев, чующих в тревожных голосах матерей безотказно действующие на них, несмышлёнышей, нотки.

С горькими слезами провожала Магду из дома всю ночь проплакавшая, не сомкнувшая глаз, обессиленная, сразу постаревшая матуся... Стараясь изо

всех сил крепиться и не подавать виду, печально глядел дочери вслед такой добрый, всегда казавшийся самым сильным из всех людей на свете, отец...

– На машинке хорошо печатаешь? – глядя поверх головы Магды, чтобы сразу не испугать её взглядом своих колючих буркал, спросил при встрече нахмуренный Ярый.

Да. Она печатала у отца в лесничестве два месяца отчёты и другие бумаги, знает шрифт и как делать на листе бумаги разделительные графы – колонки.

– Будешь у меня машинисткой, – жёстко приказал Ярый. – Приказы выполнять только мои. И чтобы ни с кем здесь хвостом не крутила. Ясно?

Он ничего больше говорить не стал, хлопнул тонким ивовым хлыстиком по сапогам и ушел прочь. За него договорил красноречивый вид стоящих поодаль от штаба-сарая лесных братьев, нагло ощерившихся, привалившихся друг к другу с разномастным оружием в руках.

Магда – слабенькая машинистка, печатает медленно, с пропусками букв, с ошибками. Не научится она никак располагать текст допроса с выделениями – ровно и чётко, как выглядит он на солидных документах окружной референтуры. Но ей это пока прощается. Как прощается самому Ярому – референту районной СБ (службы безопасности) – то, что, строго говоря, машинистка ему не полагается по штату. Для этого нужно быть рангом выше. Но, учитывая особые заслуги самой активной боёвки «Чёрные черти», начальство закрывает глаза на отступление от правил. А подчинённые умеют ценить проявляемое к ним снисхождение и отвечают на благорасположение шефов удвоенным усердием.

Постоянно замечал Ярый, как вздрагивает и напрягается девушка всякий раз, когда он подсаживается к ней поближе для диктовки протоколов. Приятная волна удовлетворения окатывает тридцатилетнего Ярослава. Страх – лучшее средство твёрдого воспитания, – внушали ему в своё время наставники. Это убеждение он принял, как кровное, и передаёт теперь его всем своим хлопцам-розбишакам. Страх и только страх нужно внушать к своей персоне где только можно и кому только можно. Все должны бояться! Даже родной отец каждый раз по приезде сына домой называет его не иначе как пан Ярослав. Люди, встречающиеся на сельской улице, независимо от возраста, первыми низко расклешиваются с ним. Но редко кто дождётся ответного кивка вельможного пана. Гетман!

Одни лишь немцы мало считаются с важной персоной Ярослава. Щедрые они только на слова, трясця их маме! Когда с воем и грохотом ворвались на танках, рогатых мотоциклах, самоходках в его округ, в знак благодарности за работу подсадной уткой в Краковском гестапо дали в награду всего лишь книжный магазин в Галиче. Чтоб им, жлобам поганым, скаредам, удавиться этим подарком и такой «щедрой» должностью! О ней ли, этой паскудной торговой службе, мечтал с юных лет тщеславный, как Наполеон, Ярослав Ярый?

Никак недооценивало его начальство. Как ни старался – не складывался большой пост. Перед войной был мелким конторским служащим в бухгалтерии, где смог почерпнуть лишь дотошность в отчётах и педантизм к бумагам. Не лучше чувствовал себя и позже, работая техником в поветовом дорожном управлении. Это уж немцы назначили как-никак, но директором.

Нет, всё же невезение началось с Кракова, куда он бежал вместе с Луцким за два года до войны, и где им обоим выше провокаторских мест в тюремных камерах никаких должностей не предлагали. Вернулся Ярослав на Станиславщину с приходом режима рейха. Стал референтом подрайонной боёвки – самой низкой единицы в структуре СБ. Что она для него, Ярога, залившего большевистской кровью не то, что утлюю камеру, а целый подвал Краковского гестапо?

Только недавно в окружном проводе начальство намекнуло, что имеет в виду назначить его комендантом надрайонной боёвки. Ох, скорее бы! Это ведь означает уже двадцать постоянных боевкарей в подчинении, да плюс свои информаторы, да плюс разовые боевики, призываемые из сёл при проведении крупных операций, да плюс ещё связь с границей... Словом, заполняй анкеты и дуй до горы, пан Ярослав, шлях бы трафил всех врагов нашей святой, единой и неделимой соборной Украины!

А врагам неньки – в первую очередь, большевикам, красноармейцам, евреям, полякам – Ярый ещё покажет, как свой гонор проявлять! Правильную директиву прислали вчера из округа для распространения в боёвках и, как листовки, в сёлах. Грамотные люди работают у нас в идеологии! Кого оставят спокойными эти строки: «Поляки не жалеют слов обиды на украинцев, применяют шовинистические выступления против украинцев, ждут прихода большевиков, как единственного спасения. Отомстим же им, братья!»

Ярый хорошо знает, как с помощью этой бумажки можно сыграть на чувствах своих сподвижников, не признающих никакие иные, кроме своей, нации. Переключив мысли на поляков, Ярый вновь озабоченно хмурится: уж сколько времени ходят слухи, что где-то скрываются шпионы – супруги Завадские – с кучей детей; доходят эти слухи до окружного провода, а он никак не может выловить эту матку боску с выродками. Надо было, наверное, подождать на прошлой неделе с допросом директора школы, поторопились списать его в расход. Чуть бы нажать на жалость – глядишь, и признался бы старый хрен, где скрываются эти Завадские. Схитрил директор, схитрил. Но, чёрт возьми, кто они, мои земляки, которые и под угрозой лютой кары берутся прятать в своих хатах польское семейство? Значит, мало мы ещё нагоняем страха, если есть даже одна семья укрывателей. Не должно их быть ни одной, по крайней мере, там, где царят «чёрные черти»!

– Нет, всё равно, будет по-моему, – зло тискает пальцы Ярый. – Перекрою в лесу все кордоны, а найду беглецов. Никому тогда не поздоровится, все своё получают. В любом возрасте пособников полячишек за ноги и – на смереку! Да повыше их, сволочей, повыше, чтобы издали было видно, как мстят боевкарки врагам самостийной и неделимой Украины!

Легко заводится Ярослав, когда приходят такие мысли. Вот и сейчас, не в силах скрыть жёлчного раздражения, он вскакивает из-за стола, за которым только что читал указания, присланные проводом. Бормоча ругательства себе под нос, бегаёт взад-вперёд по сумрачному сараю, любимому своему пристанищу, нахлёстывая высокие голенища подаренных немецких сапог сложенной вчетверо верёвкой-удавкой.

Не до конца остыв, ногой распахивает дверь и, едва высунувшись из

сумрачного проёма, властно кричит: «Магда!» Девушка, сидя у себя в домике за вышивкой, не слышит этого зова. Но быстроногие дневальные немедленно передают ей приказание друже провидныка срочно явиться.

Ярый встречает Магду, сидя за столом. И с порога принимается отчитывать девушку, сухо постукивая костяшками пальцев о столешницу:

– Чуешь, дивчина! Берись за работу, как следует. Пока много недостатков имеешь, опечатки и ошибки допускаешь на каждой странице. В лесничестве ты так не печатала, старалась. И потом! Я когда ещё наказывал тебе придумать псевдо и мне сказать? А ты почему кота за одно место тянешь? Я не буду больше напоминать, мне своих забот хватает, ты мне ещё одну не добавляй.

Подумав, Ярый роняет: «Вот что! Ты теперь будешь Марта. Хлопцы так будут тебя звать, и я. Приучайся, чтобы сама в случае чего называлась Марта. Зрозумило?».

Девушка согласно кивает головой, подбирая крохотным платочком быстро скатывающиеся слезинки. «Катюга ты, катюга, – беспомощно бьётся в голове воспалённая мысль. – Даже имечко моё отобрал, скаженная ты зверюга, ты и души людские готов у всех забрать».

На сухопарого карлика она глаза не поднимает: в сузившихся зрачках бандита боится увидеть отражение своих проклятий палачу. А самодовольный пан начальник с удовлетворением отмечает смятение машинистки, но никак не реагирует на её испуганное лицо, оставаясь как можно более непроницаемым.

– Так. Возьми вот эти шесть протоколов рукописных. Посчитай, правильно там, шесть? На этом, что вверху, печатай: «Смык Юстина, 53 года». Пониже, в кавычках: «Обвиняется в расширении пропаганды против организации и УПА». Доси не знаешь, що це таке УПА? Украинская повстанческая армия, запам'ятай назавжди! Запомни навсегда. Теперь внизу, слева, нет, ещё ниже, в самом уголке, пиши: «Ликвидирована». Цифрами – «18.03.44 г.» Справа печатай: «Протоколировал 903».

– Бери второй протокол. Знаешь теперь, как правильно оформлять? Справа вверху пиши: «Сенич Ольга, 25 лет. Дело неморального поведения с немцами и большевиками, ещё доносы красным о деятельности в селе. Ликвидирована. Дело рассматривал 903.

Смык Илья, 1884 года рождения. Ликвидирован. 903.

Федорчак Анна, 36 лет. Ликвидирована. 903.

Левицкий Роман, 71 год. Ликвидирован. 903.

Ярый с бухгалтерской педантичностью, как, бывало, еще в поветовом управлении или в Галичском книжном магазине при подсчёте дневной выручки, водит жилистыми пальцами с обкусанными ногтями по строчкам протоколов. Ровным голосом даёт машинистке указания, строго поглядывает, как она их переводит на бумагу. Терпеливо разъясняет, подсказывает непонятные места.

Меньше всего думает, если вообще думает Ярый, о том, что зачитывает девушке список безвинно погубленных им людей – стариков, женщин. Для него дело ликвидации так же привычно, как проведение на складе учёта или инвентаризации, когда имеешь дело с неодушевлёнными предметами. А если что и за-

ботит районного референта, так это абсолютно точное соответствие документов инструкции окружного провода, где никаких отступлений не признают и за ошибки круто взыскивают.

Перед глазами Магды за ровными строчками шрифта то и дело прокатывается красная пелена: это боль и жалость плещутся вместе с невыплаканными слезами. «Проклятый, проклятый, нелюдь, кровосос», – пульсируют молоточки у неё в висках. Магда с детских лет, как своих родных, знает всех погибших односельчан, добрых, мирных людей, которых этот выродок, спесиво именуемый себя референтом, не погнушался обвинить в надуманных преступлениях.

Кого мог обидеть еле передвигающийся по своей усадьбе, да и то с палочкой в руках, дедушка Левицкий, плохо видящий даже в очках? Но убила его волчья стая за то, что сын Романа Михайловича воевал в Красной Армии. На дверях хаты оставили бандеровцы прибитую громадным гвоздём маленькую фотографию красноармейца Левицкого, а рядом – записку, всю в грязных, матерных словах с угрозами. Над сочинением письма самый грамотный из боевкаррей – Савка – постарался.

Всегда весёлая, неунывающая бабушка Олена Левицкая с гибелью мужа как утасла; избегает попадаться даже соседям на глаза, днём на улицу почти не выходит, а когда выходит, то натягивает пониже на лоб тёмную хустку. Шутка ли, столько лет прожила с добрым своим Романом, вырастила с ним сыновей, дочерей, дождалась внуков – и вот такая беспощадная, безжалостная участь досталась и мужу, и ей...

Но знают люди: несмотря на большое горе, сердце старой женщины всё равно остаётся добрым к своим сельчанам, не ожесточилось оно с потерей мужа. Это же не кто другой, а она, Олена Левицкая, взяла к себе и теперь выхаживает двух маленьких дочек горемычной Анны Федорчак, навсегда раскидавшей белые руки у плетня в зелёном садочке, у любимой яблони. Только и осмелилась несчастная Ганка задержать, упротить Савку не забирать с подворья последнюю курочку, оставить для детей. Упросила...

Боевкари бегали по всем хатам, как волки по лесу, требуя под угрозой пальбы жратвы, самогонки, любых солений, варений, да побольше. Лес, он аппетит здоровым мужикам ого-го как нагоняет! Харчевой (интендант) боёвки – пузатый одышливый Винник – давно установил оброк каждому подворью. И каждый раз вновь и вновь повторяет, когда, кому и что нужно приносить к нему во двор. Банда неразборчива, алчна, как все мародёры. Хватают, захапывают в мешки и наволочки всё, что обнаружили в клунях, кухнях, сараях, погребах. Метут в подбор сало, яйца, хлеб, картоплю, груши, яблоки, творог, сметану в горшочках и молоко в глиняных глечиках. Переворачивают столы и стулья, выворачивают скрины, сундуки, шкафы, шкафчики и гогочут, выхваляясь друг перед другом захваченной добычей. Чуть ли не по-волчьему урча от радости, закидывают в несметные торбы мотки шерсти, полотно, домотканые рушники, скатерти, половички, ни от чего не отказываются; то, что не попадёт в лес, в потайные схроны, в свои хаты принесут – там сгодится!

За уклонение от оброка судят строго, по своим бандитским законам. Затащат недоимщика в тот же двор интенданта, повалят на землю и бьют палками. Это на языке «лесовых братьев» называется «дать букив». Давали по тридцать, пятьдесят, почему-то девяносто, а особо провинившимся – по сто ударов по спине и ягодицам. Едва дыша, на четвереньках уползали люди с подворья Винника после такой экзекуции. И ни чашки молока, ни кусочка хлеба не оставляли даже больным деткам прожорливые, пьяные, вечно вонючие, не брезгующие ничем мародёры.

– Боже милый, Боже правый, покарай всех этих вурдалаков самой страшной карой, а первым пусть сгорит в антоновом огне этот ирод «903-й», – приговаривает про себя Магда, покачивая головой в такт назиданиям Ярога. И – так как думает она о своём, а пан референт диктует ей своё – девушка допускает ошибки. Но вовремя спохватывается, быстро-быстро поправляет «помилки», вся сжимаясь в комок, предчувствуя окрик референта. Но великий психолог, как он сам считает, Ярый уже взял себя в руки, держится ровно, понимая, что руганью ничего не добьёшься. Напротив, нужно усиленно показывать свою лояльность, словно ничего не произошло, и он всем доволен. Гайдамак неплохо перенял от учителей в Кракове уроки воспитания. То, что Магда-Марта забита, угловата, насторожена, пана атамана мало волнует, он давно привык читать на людских лицах страх, угодность. Преданно заглядывать пану референту в глаза Ярый приучил всех в боёвке. Всех, кроме независимого Савки, упорно не кланяющегося ни Богу, ни чёрту, ни пуле, ни самому главному вождю.

Но тому надо прощать непокорность. Кто знает, что у него на уме и чего можно ждать в ночь глухую от этого лохматого молчуна-садиста? Лучше уж не замечать его вызывающе прямую осанку и не потухающий ни перед кем, даже перед самим окружным референтом – паном Скалой – лютый взор.

Каждый раз, когда стонет и скрипит от дикого, разнузданного пьянства лисовых братьев вся округа, трезвый, как стёклышко, Ярый (ни опорожнённая на троих четверть бурякового самогона, никакая хвороба его не берёт!) обнимает Савку и, свистом подзывая секретаря своего Буревоего, наказывает: «Чуешь, ты, гомозяка, якщо зи мною шось таке трапиться, ось хто – Савватий Фецюк – прийме нашу справу, тумкаешь? И слушать його будете, як мене, тильки так!»

Но на трезвую голову Ярослав Ярый никогда к этой теме не возвращается, а Буревой и не напоминает. Ещё чего, выяснять у друга проводника, кто готов занять его место, должность сотенного! Та вы шо? З глузду зъихалы? Знает Буревой, каким бывает Ярый скорым на расправу, если ему что-то покажется не по нраву. Несколько раз видывал. Лучше бы не видеть...

От автора

В апреле 1944 года оперативной группой НКГБ во Львове был арестован 34-летний уроженец Галицкого района Станиславской (ныне Ивано-Франковской) области Луцкий Александр Андреевич – он же Клименко, он же Богдан,

Марко, Беркут, Андриенко. Кое-что чекисты о нём знали. Например, о том, что в 1939 году, при установлении в Западной Украине Советской власти, Луцкий бежал в Краков, к заправилам главного провода (руководящего центра) Организации украинских националистов – ОУН. Проверку на всех перекрёстных допросах беглецов там выдержал, но всевластные хозяева всё равно ему заявили, что вас, мол, таких прихлебателей, тут, в тылу, много околачивается, так что возвращайся-ка ты, друже, в свою вотчину, гуртуй там надёжный отряд для организации борьбы против Советов за самостоятельную соборную Украину. А гроши в качестве оборотного капитала мы дадим.

Луцкий рьяно взялся за порученную «справу». С первых дней войны сформировал с помощью продажных попов униатской церкви, легко дурачивших простой люд, антисоветский националистический легион. Наймиты из числа где-то повоевавших ускоренно проводили с насильно мобилизованными сельскими парубками боевую подготовку, а потом и тех, и других главный провод, выполняя директиву гитлеровского командования, отправлял воевать против регулярных частей Красной Армии и белорусских партизан. Город Дорогобуж, деревни Залазна, Леоново Сафоновского района и Корсики Ершичского района Смоленской области, деревня Лязовое Клетнянского района Могилёвской области – вот далеко не полный перечень населённых пунктов, по которым в середине войны прошла беспощадная орда бандитов и мародёров, обагрив руки по локоть в крови. Кто науськанный, как цепной пёс, кто напуганный, зашуганный, ничего не понимающий и забитый, кто осознанно озлобленный на Советы и потому идейный, шёл в оуновской рати по сёлам и просёлкам, уклоняясь от прямых боевых столкновений с красноармейской пехотой и артиллерией, зато принимая самое активное участие в массовых истязаниях и расстрелах пленных советских солдат и офицеров, мирных граждан, несчастных раненых и больных бойцов со звёздочками на пилотках.

Луцкий создал по всей Галиции (Западной Украине) так называемую «Украинскую национальную самооборону», которая позднее была преобразована в УПА – Украинскую повстанческую армию. В ней, проявивший все свои организаторские способности как истовый боевик и истязатель, Луцкий командовал самой кровожадной группировкой «Захид» («Запад»). Пробивной бандитский кадр быстро выбился в состав главного провода ОУН и стал одним из руководителей в главном штабе повстанческой армии.

Это за его личной подписью летели во все боёвки грозные инструкции, мрачные предупреждения и распоряжения, почти всегда кончавшиеся нешуточными угрозами: «За невыполнение – расстрел», «За несоблюдение – расстрел», «За неподчинение – расстрел». Приведённая в действие на страшных оборотах карательная машина уже не могла остановиться. Молох убийств неумолимо требовал всё новые и новые жертвы. Что же предписывали секретные наставления боевкарям?

Видеть в Красной Армии только злейшего врага-поработителя. А потому безжалостно уничтожать бойцов и командиров, выходцев из ненавистных уни-

атскому ордену Советов. В опасные моменты переходить на нелегальное положение, заранее готовить и продуманно располагать на своих территориях склады с оружием и боеприпасами, схроны с продовольствием, гражданской одеждой, воинским снаряжением, строить на выгодных высотах бункеры, напоминающие доты и дзоты. Для складов и укрытий личного состава лучше всего подходят далёкие от людского глаза места – леса, кладбища, брошенные земли, заимки, руины древних построек, где нет ни массового хождения, ни угрозы попасть к «ястребкам» (красноармейским истребительным батальонам) в засаду. Постоянно помнить о мобильности, быстром передвижении и скрытности боёвок. Если становится трудно с пропитанием – возвращаться в свои сёла, рассыпаясь на маленькие группки. Днём заниматься мирным трудом на подворьях, копошиться в садах, мотыжить землю в огородах, ничем не отличаясь от земляков-крестьян, а ночью выходить на другую, известную лишь посвящённому кругу «охоту». Где только можно организовывать новые – основные и резервные – линии связи, постоянно помнить о конспирации и строжайше соблюдать её, для чего периодически менять оуновские клички, явки, пароли, обозначения населённых пунктов.

Гитлеровско-гимmlеровская школа, обожавшая всякого рода тайны, шифры, пароли, секреты, явки и подпольные хаты, Луцким и его окружением была усвоена прочно, как подобает ученикам-отличникам. Луцкий явился организатором создания самой кровавой надстройки в Организации украинских националистов – «службы безпеки», подобия зловещей гимmlеровской службы безопасности. Так называемая референтура (бандеровцы ух как любили пышные термины!) безпеки являлась по существу контрразведкой и карательным органом. Перед ней ставилась первоочередная задача – выявлять в своих рядах агентов из числа работников милиции и государственной безопасности. Бандиты всех их называли «сексоты» (от «секретный сотрудник») и считали смертельным противодействием ОУН, подлежащим при выявлении допросам с пристрастием, пыткам, а в конце концов – ликвидации.

Всё, что только могла и умела, позаимствовала охранка Луцкого от системы работы гестапо. Слепо копировала как её структуру, так и идеологию. Служба безпеки наделялась правом осуществлять беспрепятственный контроль и надзор за выполнением нижестоящими организациями директив главного проводя, следила за безупречностью выполнения требований конспирации и чистотой рядов лесных братьев. Попытки дезертирства, уклонения от грязных дел, проявления жалости и милосердия кончались для уклонистов, трусов и «слюнтяев» очень плохо; в лучшем случае карцером на одной воде в тесной камере или полусотней «букив», в худшем – истязаниями и стенкой... Чем не слепок с выпестованного платным агентом рейхсвера Адольфом Гитлером, нежно любимого им гестапо, где проповедовались именно такие методы к врагам рейха?!

При службе безопасности действовал криминальный отдел. Начиная с предпоследнего военного года, безпека стала создавать в тылу красноармейских частей специальные разведывательные группы, доносившие о передвижении советских войск и возможности нападения на них. Но, когда наши войска вышли

к предгорью Карпат, откуда открывался прямой путь на Чехословакию и дальше, на Берлин, – бандиты перепугались. Руководители боёвок принялись спешно замечать волчьи следы. Немедля поменяли все псевдонимы, причём, многие – личные именные – на безликие цифровые. Раскинули густую сеть конспиративных квартир, на которых, не теряя времени, уже стали отрабатывать возможные варианты встреч по заранее обусловленным паролям. Практиковали оставление боевкарей на нелегальном положении.

Тем не менее, паукам трудно было выбраться из липкой, ими же сплетённой паутины. С помощью населения выловили Луцкого, которого суд приговорил к расстрелу. Многие сельские мужики, как правило, из числа вчерашних земледельцев, строителей по найму, пасечников, пекарей и слесарей, таскавших на своих плечах, но не применявших стрелковую «зброю» в деле, – люди из числа околпаченных бандеровской пропагандой – потянулись сдаваться.

Только не все раскаявшиеся оказались такими уж белыми и пушистыми. Проводившие положенную фильтрацию смершевцы вылавливали в этой толпе ушлых, на которых пробу ставить было негде: они перед явкой с повинной сумели втайне ликвидировать своих же, многое о них знавших и ведавших, чтобы не разболтали, чего не следует. Но нередко «перековавшиеся» лесовики решительно разоружали и приводили в местные органы власти своих вожаков. Это всячески одобрялось, поощрялось, шло в безусловный зачёт сдавшимся.

Впрочем, мы несколько торопим события... Ещё идёт война. И не помышляют особо о переходе на подпольное, нелегальное положение ни штаб, ни стан, ни керивники (руководители) ОУН и обречённой на гибель боёвки «Чёрные черти».

Глава 2. Плен и пленники

Собрав в сарае своих ближайших подручных – Волоса, Опришко, Буревого, Савку и Смерека, всё ту же верную пятёрку, с которой вершил самые сложные дела, – озабоченный дружбе провидных вслух зачитывал последний обзор военных действий, подписанный окружным военным референтом Скалой.

«Без ведома референта, – наставляла бумага, – отныне боевики не имеют права самостоятельно решать вопросы ликвидации. В первые дни апреля на территории Галицкого округа появились уже следы большевиков. Первый след ведёт в село Озерцы. Отряд в количестве до сорока человек осмотрел территорию, потом ушёл. Квартировали по хатам. В селе вкопали несколько пушек.

В связи со сложившейся обстановкой напоминаю о строжайшем соблюдении инструкций о порядке хранения и уничтожения архивов, о порядке сохранения тайны и о том, кто может присутствовать при допросах, проводимых референтом. Вводятся новые псевдо для местностей: Пидмихайля – Путивль, Добривляны – Дубина, Новица – Хвостив, Сливки – Сучак, Ясинь – Яворина. Напоминаю: допрос должен начинаться с признания вины арестованного. Все материалы допроса должны быть исчерпывающие и точные». Дальше шло обыч-

ное для таких депеш предостережение: «За отступление от инструкции виновные будут караться вплоть до смерти».

Ярый, сложив тонкую бумагу вдвое и ещё раз вдвое, поднёс её к огоньку копилки. Пламя жадно облизало поживу и быстро проглотило её, оставив лишь хрустящий пепел. Друже провиднык поднял на подручных тяжёлый, немигающий взгляд своих смолистых буравчиков – никто из бандитов смотреть ему в глаза не смел, и потому что боялись, и потому что чисто физически не выдерживали его прищур.

– Всем всё ясно? – переспросил Ярый. – Тогда так. Больше о наших фамилиях вообще не может быть и речи, забыть. Пусть только кто гавкнет по фамилии... И завтра к утру каждому доложить свои предложения об устройстве схронов. Сейчас Савка и Буревой пойдут со мной, остальным отдыхать, вечером приготовить оружие, будет работа.

Худой, в болтающемся на плечах немецком кителе, со свисающей прядью давно не чёсанных волос, первым вышмыгнул из сарая Опришко, чьи братья – Ярема и Медведь – также промышляли в соседних боёвках. Савка – руки в карманах брюк – вышел следом покурить. Ярый внутренне усмехнулся: бывший студент Львовского университета, считающий себя интеллигентом, Савка таскал в карманах впрок заготовленные записочки, исполненные каллиграфическим почерком: «Убит как предатель и красный доносчик. Не вздумайте мстить!» Вместо подписи – слева виньеточка, справа – жёлто-голубой трезубец, символ лесных братьев – «ратоборцев» за единую и неделимую, святую соборную Украину. В который раз с удовлетворением подумал Ярый, какой же добрый вояка вышел из Савватия Фецюка, всегда на него можно положиться...

В дом харчевого лесная троица вошла бесстрашно, поскольку издали заметный сигнал – глиняный кувшин на тыне – извещал о спокойствии в селе.

– Ну, расскажи мне, пятакало, кто тебя научил налево и направо языком ляскать? – пригнувшись, наступал на позеленевшего от страха Винника друже провиднык. – Может, ты уже ковпаковцам запродался или с полячишками, пся крев, дружбу водишь? Так я из тебя, курва, сейчас печёнку вытащу и тебе покажу. Га?

И так дрожащий от смертельного испуга интендант Леонтий Винник при этих словах и вовсе обомлел. Как парализованный, он только открывал и закрывал рот, не в силах произнести ни единого слова. Еле-еле слотнув наконец душившие спазмы, Винник бухнулся Ярому в ноги, выставив откормленный, по-бабьи широкий зад, и заскулил щенячьим голосом:

– Не губите, пан референт, друже провиднык, пробачте мене, за ради Бога! Я знаю, что виноват, я ж их, голодранцев, только налякать подужче хотел, я же вам сколько пользы принёс, не губите меня!

– Подсчитываешь свои заслуги, мерзота? – презрительно ткнул сапогом распостёртого Винника референт боёвки. – Ну, назови, назови свои полезные дела.

Поскольку Винник всё ползал по домотканой дорожке, ослабев в коленях, подняться ему помог Буревой, поддав сапогом так, что интендант вмиг очутился на лавке.

– Сейчас, сейчас, я документально, – приходил в себя из полубморочного состояния толстопузый интендант, минуту назад в мыслях распрощавшийся с жизнью.

Прыгающими, неподвластными пальцами он шарил за отворотами лёгкого кожушка, выскивая нужную бумажку. Найдя, облегчённо перекрестился: «Фу-ух! Думал, потерял».

Отодвинув листок подальше от глаз, харчевой, торопливо облизывая губы, начал перечислять собранное и переданное: «Зимних кожухов – сорок, нательного белья – шестьдесят пар, полотна – пятьдесят метров, свитеров – восемнадцать, шерстяных носков – пятнадцать пар...».

– О-о-рёл, – выслушав Винника, процедил всегда злой на харчевого Савка. – Мы кочаны свои подставляли, когда магазины вскрывали, молокопункты и леспромхозы брали, а вот эта крыса толстож... те трофеи, что селяне ему добровольно сдают, за доблесть преподносят. У-у, бес, на смереку тебя за такую контрибуцию!

Вороватый, малообразованный Винник не понял, что это за слово такое «контрибуция». Зато злое предложение Савки повесить его на смереке, то есть на ели (Леонтий Гаврилович знал, как быстро это делается), он понял всеми дрожащими потрохами. И вновь льстиво заюлил, придавая голосу нежнейшие оттенки, чтобы, упаси Господь, неосторожным оборотом не разозлить до конца кого-либо из гостей.

– Нет-нет, пан Савватий. Добровольно никто мне ничего, прошу простить великодушно, не давал. Я каждый раз свою настойчивость проявляю. Вот, будь ласка, ещё, – он перевернул вспотевшими руками листок с записями, – подготовил вам к передаче шесть кило хлеба, солонины три килограммчика, шестьдесят яичек, молока в погребе оставил двадцать литров.

– А самогону, шо, немає? – угрожающе рявкнул Буревой.

– Найдём, как же без самограю, – преданно глядя не на Буревую, а на Ярого, всё так же подобострастно, только уже и чуточку посмелее, даже пытаюсь улыбнуться резиновыми губами, произнёс Винник.

– Листок свой сожги, – протянул спички Ярый. – Когда это я тебе разрешил архивы заводить? Чтобы никаких записей дома не было!

При каждом слове референта Винник успевал по два, а то и по три раза кивнуть головой, показывая верх послушания и раболепия. Но разжалобить Ярого не сумел.

– Буревой! Вломи этому ляпалу десять букив, да от души, чтобы этот болтун добряче свою дупу почухал и поменьше на ней сидел, а больше бегал.

– Может, я? – предложил свои услуги Савка, чуя, что не скоро ещё представится ему такой повод отыгаться на трусе и бездельнике Виннике.

Но Ярый, ухватив Фецюка под локоть, подталкивал его к выходу. А на крыльце, что-то вспомнив, вернулся, заставив только было разогнувшегося харчевого вновь скрючиться в три погибели, чтобы не казаться ростом выше референта.

Пристально глядя интенданту в глаза, Ярый распорядился:

– Запрягай завтра свою подводку, бери чувалы, поедешь с Опришко по хуторам. Соберёте всю картошку. Сам залазь в погреба, проверь, не ленись, до последней бульбы чтобы всё вытряхнул! Если не увезёшь к себе – заховай где только сможешь, остатки в яму зарой, в болото выкинь. Но чтобы эти залапанные Советы, когда появятся, не жрали украинську картоплю. А то я знаю москалей, они до картошечки дуже охочи, особенно влупень, по-руськи «в мундирах» называют.

Ликующий в душе после спасения за опрометчивый разговор с земляками Винник, подобно китайскому болванчику, вновь согласно, быстро-быстро кивал головой, словно кто-то снизу дёргал его верёвочкой за подбородок.

– И запомни, доблестный вояка, – напоследок пробуравил заготовителя тяжёлым взглядом Ярый, – твякнешь ещё хоть раз что-нибудь компрометирующее, ответишь, как за помощь Советам! И всё твоё семейство ответит. А тебя лично повешу на сосне за ноги да хоромы твои подпалю, чтобы лучше горело. Ты меня знаешь!

Ещё бы! Уж куда как хорошо знал одноклассник Леонтий Винник Ярослава Ярого. Трепетал перед ним и служил с собачьей покорностью вот уже два года. С той самой поры, когда получил от пана референта каллиграфически исполненную записочку: «Очень прошу вас, пан Леонтий, сейчас же прибыть с моим проводником. Предупреждаю, что в случае отказа Вас лично и ваших близких ожидает большое горе».

От такого «вежливого» приглашения на явку мог отказаться только смертник или сумасшедший. Пан Леонтий себя ни тем, ни другим не считал. Он очень хотел жить, со своим добром не только не расставаясь, а напротив, приумножая его. И на встречу, конечно, пошёл. И суму интенданта принял без вопросов и лишних слов. Жаль, допустил за два года безупречной службы лишь единственную промашку: рассказал соседке про расстрел её мужа, а это и означает, что высунул язык дальше положенного. Хорошо ещё так отделался, поркой. А то ведь, правда, мог бы уже, перехваченный за гладкое нежное горло грубым беспощадным шнурком, висеть у себя же во дворе вон на том старом раскидистом яворе. Или в глубине двора, за клуней, на сливе, дарующей прекрасные плоды, каждый размером с куриное яйцо, потому именуемые «кобылехи», в отличие от обычных слив, именуемых «бруньки».

При мысли о злой каре Винник вздрогнул и почему-то подумал: «Спилю я эту тополя к чёртовой маме, нехай она мне тут глаза не мозолит! Всё равно на топку дрова будут нужны».

Пока Ярый давал наказ харчевому, оборотистый Буревоу успел вырезать со злополучного тополя увесистую ветку, быстро ставшую палкой. И теперь стоял в дверях, опираясь на неё, как на посох, готовый к исполнению наказания.

Двинувшийся в путь референт и Савка даже за воротами слышали сдавленные вопли интенданта, изнемогавшего под добросовестными оттяжками верзилы Буревого.

К вечеру там же, у околицы, бандиты встретили подкрепление из числа осёдлых, не входивших в лесную братию боеварей. Ковыряя пальцем в зубах, приплёлся малость косящий на левый глаз Быстрый, следом за ним – больше-

носый Весёлый и потерявший в недавней пьяной драке со своими два передних зуба, как всегда, попахивавший буряковым самогоном Вуйко. Чуть погода подошли ещё двое, прятавшиеся за малоприметным бугром, – сыновья Винника: похожий на отца, кругленький, краснощёкий Бобик и полная противоположность ему – сухой, костлявый, с тесно прижатыми к голове ушами Лыс, копия вечно хмурой, всегда чем-то недовольной и злой матери.

На ходу посвятив пополнение в курс дела, Ярый изложил свой план: потихоньку окружить хатку пастуха плотным кольцом и без крика и шума взять всех, кто там окажется, живыми. «У пастуха находятся москали, они должны дать ценные сведения мне и в главный провод», – подчеркнул свою приближённость к высшей касте тщеславный референт.

Привычно упрятав оружие под колушки, куртки и свитки, боевики окольцевали пастуший домик так, что теперь из него не вырвался бы и воробей. Разведка бесшумным шагом заскользила к окнам, крадучись заглянула в них. Внутри, на лавке, приставленной к стене, сидели трое высохших, усталых мужчин, только что, видимо, поужинавших: жена пастуха убирала со стола чашки да ложки.

Ещё двое беглецов из неволи, склонившись тут же на край стола и подложив руки под голову, спали или дремали. Двое чинили обувь, ещё один зашивал большую дыру на рубахе. «Восемь их тут», – сосчитав силы противника, показал на пальцах Бобик.

Пошептавшись с Буревым, сотенный резко взмахнул рукой, увлекая за собой подчинённых. И через минуту в распахнутые окна хатёнки тупо, угрожающе были наставлены на застигнутых врасплох беглецов из фашистского плена шесть автоматных стволов.

Грохнув дверью, гроыхая опрокинутыми вёдрами и кастрюлями, тут же ворвался в хату разметавший патлы Савка, с поднятой над головой противотанковой гранатой:

– А ну, лапы в гору – и не двигаться, распроданцы!

Казалось, рассчитанная на ошеломляющую внезапность операция и в этот раз пройдёт у бандеровцев без сучка, без задоринки. Пленники парализованы страхом, они, как рыбы на мелководье, взяты голыми руками, и что ещё остаётся обречённым, как не сдаться на милость победителя, вымаливая себе пощаду. Не оказывать же пленникам, чахлым доходягам, сопротивление откормленным бычкам-боевкам!

Просчитались бандиты! Не учли, что, кроме этих восьми, ещё три бойца находятся в сенцах и во дворе, в неприметном карауле. И они не бросили своих товарищей, хотя хорошо познали цену свободе и, будь трусливее, будь малодушнее, могли слиться под шумок далеко-далёко от ставшей ловушкой хаты пастуха. Нет. Пленные не ушли, приняли неравный бой.

Раз – и под ноги заглядывающих в окна Смерека и Бобика, кувыркаясь, полетела брошенная лейтенантом Серёгой Савиным венгерская граната, отправив бандитов любопытствовать на том свете. Два – и Весёлый, неестественно переломившись в спине, с матом опрокинулся на крыльцо, сваленный Сергеевыми пушечными выстрелами.

Три бандеровца легли трупами у хатки пастуха. Но на большее у пленных караульных не было ни физических сил, ни патронов в пистолетной обойме. И вскоре они, скрученные шнурами-удавками, присоединились к своим захваченным товарищам.

Ярый в ту же ночь допрашивал пленников лично. По одному. Не выдерживая сцен, происходящих при колеблющемся пламени смердящей коптилки, выбегал во двор, зажимая рот на бегу, казалось бы, привычный ко всему секретарь референта Буревой.

А повариха боёвки, давняя лесная подруга главаря, зажимая ладошкой толстые губы, на другой день под страшным секретом рассказывала «Марте» о Яром. «Пришёл под утро, весь обмякший. Велел согреть воды, помыться. Я ему на спину поливать стала, да чуть не закричала во весь голос! Представляешь, от лопаток и до самой поясницы сплошные жёлтые и чёрные полосы. Ой, Марта, его же ни о чём спрашивать нельзя. Но теперь я поняла, почему те пленные убиты, а выстрелов мы не слышали. Он их на себе удавкой перевешал...».

Несдобровать бы потрясённой женщине, вынужденной делить с Ярым не только стол и кров, а и постель, услышь даже не он сам, а хоть кто-нибудь из его приближённых горячечный, опасливый шёпот толстушки поварихи. Страшной смертью заплатила бы она за свои откровенные признания, ни на миг не посчитался бы Ярый, что это его любовница. Хотя... Есть ли для палача что-либо святое?

Невольно прознавшая об истязаниях несчастных пленников представляла, что может ждать её в худшем случае. Но и молчать не могла, боялась, что сердце разорвётся, что сойдёт она с ума, если не выговорится, не выплеснет из себя те страшные ночные впечатления.

Поварихе всё сошло благополучно. И Марта была не из продажных болтушек, и пан референт не удосужился проверять, вдруг растрепал кто об увиденном и услышанном в сарае? В глубине души уверовал: даже те, кто видели, кто был рядом, язык не высунут, промолчат.

Вечером, пользуясь мертвецки пьяным сном Ярого, повариха вновь прошмыгнула на половинку домика Магды, занятой скромными постирушками. И опять, то называя её подлинное имя, то по псевдониму, поведала о том, что сама узнала от приходившегося ей двоюродным братом Буревоего.

Молодой, светленький советский солдат – он назвался Сергеем Савиным, родом из Воронежа, – больше всех разозлил Ярого даже не столько тем, что отправил пять частушки на небесах Весёлого, сколько бесстрашием, дерзостью. Потому так лютовал, так выходил из себя атаман на допросе. Когда взбешённый презрительным поведением Савина, Ярый накинул ему удавку на шею, грозя сейчас же удушить, удавить, повесить, Сергей, хрипя и как можно выше поднимая голову, процедил в ответ:

- Возьми верёвку подлинней, скотина!
- Шо? Ты шо зараз гавкнув, «подлинней»? Як, як ты мене назвав?
- Тварью тебя назвал, коротышка! В задницу меня поцелуй, сволочь, фашист!

Бедный этот парень погиб первым со связанными руками, удушенный озверевшим референтом.

Не раз потом вспомнит «друзе провиднык» этого бесстрашного Сергея, вспомнит то презрение, гадливость, ненависть, с которыми смотрел на него, победителя, ни фига, выходит, не побеждённый пленный советский солдат.

Но некогда было предаваться чувствам стыда или раскаяния озабоченному референту. Хитрую игру затеял он с единственным уцелевшим из пленников – пулемётчиком Николаем Поречным. Курский пацанёнок, сельский тракторист, в конец сломленный видом пыток, жутких издевательств, обрушившихся на его товарищей, весь в слезах и соплях, сразу же рассказал Ярому всё, что знал и ведал. Показал, в каком месте оставили бойцы пулемёт Дегтярёва – «дегтярь» – это прыгающее при стрельбе даже на сошках и дающее жуткую отдачу орудие, с несколькими дисками, набитыми патронами.

Ярый продержал Николая Поречного в «карантине» целую неделю, не вызывая на допросы, приказав выдавать неплохую кормёжку. Школа гестапо включала в себя не только пытки, но и такой «лояльный» подход, о чём пан референт знал не из вторых рук, а по собственной довоенной практике в Кракове. Растерянный человеческим обращением после всего увиденного, сжимавшийся в комок в предчувствии пыток и истязаний, Поречный терялся в догадках, боясь даже в мыслях представить себе самое страшное. Что означает эта неделя отдыха? Почему такие поблажки? Может, это подготовка к новым, ещё более изощрённым издевательствам над ним, узником? Но он же по-честному рассказал этому страшному главарию всё о своей ускоренной учёбе на пулеметчика, о считанных месяцах фронта, пока не угодил в плен к немцам после первого боя и касательном ранении в плечо. О побеге из плена с группой Савина. Он же сдал запрятанный у села пулемёт. Чего ещё хотят эти косматые бандеры?

Ярый выстраивал свою тактику. Сразу поняв, что Поречный – это не Савин, не из разряда стойких противников (уж больно плескался ужас в глазах пацана при виде расправы над его дружками), референт сменил подход от жестокого к внезапно мягкому. Именно такая метода обычно эффективно действует на трусов, не управляющих своей волей, смятенных и паникующих предателей. Нужно только расчётливо, не перегибая, поводить его ещё немного на кукуане, на удочке, а потом выждать момент – гаркнуть что есть силы и сломать. Чтобы в дальнейшем удерживать без труда под своей опекой. Хороший пулемётчик нужен боёвке всегда, нужен он сейчас, сегодня. Ведь краснолапые прут на немцев косяком, прут неудержимо, значит, и УПА наступит амба, конец, кранты. Куда тикать, как спасти документы, боёвку?

Ярый наконец вызвал Поречного на вопрос. И вёл его мягко, без крика и рукоприкладства, лишь изредка просверливая обмякшего пленника угольными буравчиками. Колька, вечерами и ночами мечтавший при первой же возможности сбежать и, пользуясь тем, что свидетелей его трусости не осталось в живых, рассказать и ротному, и взводному, и особистам всё так, как сочтёт нужным. Авось проскочит. Вот только Ярый... Он требует вновь и вновь давать письменные показания, переписывать их трижды в день. Видимо, пытается поймать на разногласи-

ях, нестыковках. Но нет. У Поречного в ответах всё вроде сходится. Значит, не врёт малый. А коль не врёт – получай жратву и прогулки под присмотром.

И Колька Поречный хлебал сытную лесную похлёбку, видел свет в щелях сарая и слушал пение птиц, считая дешёвое своё существование, купленное ценой измены, всё-таки жизнью. Пройдёт ещё несколько дней, и, пряча глаза от иронично посматривающих на него лесных братьев, Поречный получит из рук Бурового полуавтоматическую винтовку, к ней двадцать патронов, отдельно штык и две гранаты. До зброи! Колька начнёт осваивать особенности боевых действий в лесных условиях при наличии малых подвижных сил. Без артиллерийского прикрытия.

Ярый тем временем поручил Марте подшить в отдельную папочку все показания и конечное обязательство «курсанта» Поречного, написанное под диктовку референта: «Желаю работать совместно с Украинской повстанческой армией до полного разгрома москалей, поляков, жидо-большевистских оккупантов и всех врагов Украины и создания Украинской Свободной Державы».

С того самого дня настоящая фамилия пулемётчика была забыта. Кличку ему дал образованный Савка. Кличку убийственную: Задерживост. Бандиты гоготали, а играющий желваками, сумрачный Савка пояснял Ярому: «От ты побачишь (Савка единственный из приближённых, точно так, как Гесс у Гитлера, наделён был привилегией обращаться к главарю на «ты»), смотается от нас этот сучонок. Зря ты пригрел гада большевистского, его ж по роже видно – Задерживост».

Вот так имя маленькой безобидной птахи стало бандитским псевдо нового боевика Николая Поречного. Позорное для человека имя. Но... Как народом сказано: «По шерсти и кличка».

Из инструкции для боёвок СБ на территории Калушского округа:

«Боевики являются охраной для руководителей и одновременно выполняют различные поручения руководителей. При встрече с врагом боевик должен быть отважным и достойным собратьев в бою и не покидать своих друзей, а стоять отважно в обороне. Боевик не должен оставлять раненых во время боя, а оказывать им помощь. О работе, которую боевик выполняет, он не должен говорить никому, лишь своим руководителям. Боевик не должен даваться живым в руки врагу. Такой боевик перестаёт быть членом организации и одновременно становится изменником Украинской нации».

Глава 3. Финиш эстафеты

Как ни бесшумно крался лазутчик по предутренним еловым посадкам, натренированный слух сержанта Балуева засёк его шаги. Солдат тут же вскинул ладонь, подав условный знак командиру. И руководитель оперативной группы – следователь районной милиции майор Боруля – резко выскочил на лесную стёжку, на перехват. Но тут же, не столько услышав, сколько почуяв близкий посвист

встречной пули, он с фронтовой сноровкой бросился за сломанный буреломом пень и оттуда прокричал: «Сдавайся, бандюга, все равно не уйдёшь!»

Но лишь треск хрустящих под ногами сучьев был ему ответом. Прожжённый бандеровец Савватий Фецюк, посланный с небольшим засургучованным пакетом – «штафетою» – в главный провод, удирал от красноармейского истребительного батальона, «ястребков», что есть мочи. Ветки кустарников наотмашь хлестали его по чёрным, давно не бритым щекам. Сапоги, разъезжаясь, скользили по жухлому октябрьскому листу, едва прикрывавшему глинистую почву. В лицо из-под ног, бомбивших лужи, и откуда-то сверху, наверное, с верхушек деревьев, слетали за шиворот и неприятно обдавали холодом ледяные брызги. Но ничего этого не ощущал обуянный смертельным страхом вестовой.

Ему уже не хватало дыхания. Сладкий привкус крови обжигал жадно с хрипом хватающую воздух глотку. Пот, ручьями струясь из-под шапки, заливал глаза и липко растекался за воротом нательной рубахи. Ныло и просило отдыха, пощады измученное непосильным бегом тело. Но не было сейчас силы, способной остановить самого яростного боеваря из боёвки «Чёрные черти».

Савка сам достаточно напрактиковался в засадах на потайных тропах, чтобы знать, какой бешеный зуд охватывает тебя во время поиска, погони и поимки беглеца. Профессионалу-охотнику, настигающему зверя, и тому не подняться до таких вершин азарта, как тут, при ловле живого человека. Чего стоит хотя бы та сладость, когда убегающий, предвкушая спасение, вдруг никнет мордой в грязь, сбитый наземь из-под кустов твоей безжалостной подножкой. И ты крутишь ему, обессиленному, парализованному от страха, руки надёжной верёвочкой – мотузкой – и тащишь потом волоком на расправу – под могучие кулаки и сапожища опьянённых жаждой власти лесных братьев. Боялся Савка, что сейчас точно такая же расправа грозит и ему, убегающему. Вот-вот-вот, дышат в спину, настигают его след в след распроклятые москали. Хай бы молнии, нехай бы блискавки поубивали, повбывали кожного из них!

Но не только страх перед задержанием подгонял Фецюка. Он, во что бы то ни стало, обязан был, но не мог, никак не мог избавиться от невесомого и в то же время громадной тяжестью давившего на него пакета, той самой «штафеты» – эстафеты.

Лихорадочно, насколько позволяло расстояние – а оно всё сжималось между ним и преследователями, – Савка бросал взгляды по сторонам, высматривая мало-мальски укромное местечко – яму, балку, ложок, окопчик, заросли погуще, позволившие затаиться хотя бы на две минуты, достаточные для того, чтобы чиркнуть спичкой. И, к ужасу своему, не видел ничего подходящего.

Сибиряк Балугев, парень ловкий, сухой, поджарый, из вчерашних промысловых охотников, находился в азарте. Только не в том, зверском, чтобы изловить, затоптать, забить человека до смерти. Сержанта вели устав и присяга. И только во имя них рождался огненный пыл – не дать уйти беглецу бандиту.

Не восстановившийся после недавнего ранения командир «ястребков» Боруля безнадежно отстал. Привалился к сосновому стволу, приводя в поря-

док прерывистое дыхание, приложил руки к груди и, отчаянно рванув крючки майорской шинели, хрипло благословил Балуюва: «Андрюха, если не догонишь – стреляй, он, подлец, всё равно вне закона».

В драке с таким многоопытным верзилой, как Савка, навряд ли мог положиться на себя Балуюв – обладатель незавидных физических кондиций. Не сказать, чтобы совсем уж щупленький был солдат – дома, в красноярской тайге, ого-го сколько, бывало, с отцом на лыжах отмахивал! Но ведь для драки дышалки мало, тут особая дюжесть кулакам и проворность телу нужна. То, чего ему, мастеру по стрельбе – хоть навскидку, хоть прицельно – сейчас не хватало.

Выскользнув на пересечение двух мшистых тропинок, Балуюв распластался под мохнатым кустом бересклета. Заученно укрепил в изумрудно-мшистой расщелине у корней ствол родненькой десятизарядной СВТ, безотказной снайперской «Светланки». И, едва выплыла из сумеречного полумрака согнутая фигура Савки, перебежавшего край обрыва в направлении непролазной чащи, хладнокровно, как на учениях, захватил его в прицел. «Стой, стрелять буду!» – крикнул он бандиту. Топот не замедлился ни на шаг. Прищурившись, Балуюв плавно повёл мушку по ходу движения бандеровца. Выждав неуловимое мгновение, когда цель появится особенно чётко, снайпер уверенно потянул на себя спусковой крючок. И Савка тут же, как подкошенный, плюхнулся, взмахнув руками, в мокрый после дождя рыжий песок. Два шага не добежал до кромки спасительного увала...

Только гнавший на полонину стадо коз пастух встретился на пути небольшому отряду. Труп Фецюка, завернутый в плащ-палатку, затащили в здание милиции. Там обыскали, подробно запротоколировав всё обнаруженное в одежде. На застеленный пожелтевшей газетой стол майора Борули легли немецкий пистолет «Вальтер» с удлинённым стволом, две обоймы к нему, две гранаты «лимонки», обязательный для боевиков двухметровой длины шнур, пара чёрных сухарей... В нагрудном кармане обнаружилась фотокарточка улыбающейся белозубой дивчины с виньеточной надписью «Марта». А само секретное послание – «эстафету» – нашли с внутренней стороны исподней бязевой рубахи убитого. Мелко исписанный химическим карандашом листок из школьной тетради в клеточку содержал то ли характеристику, то ли биографию некоего референта Ярого.

Подойдя к забранному толстой решёткой окну, откуда падало больше света, тяжело дышащий Боруля, болезненно потирая левую сторону груди, читал вслух рукописный текст – биографию, похожую на анкету, нескладно изложенную от третьего лица:

«Окончив начальную школу, записался в Станиславскую 1-ю гимназию, потом работал до прихода большевиков. Когда они пришли, бежал за кордон, в Германию, где ходил в их школу. Позднее работал в Кракове в гестапо. Там и работал до войны между немцами и большевиками. С приходом немцев во Львов уехал домой, потом в Галич, там работал в книжном магазине при окружном проваде в “безпеке”. В 1942 году женится. В 1942 году к нему приезжает домой Мытор и читает приговор о снятии его с поста за уклонение от активной работы.

Три месяца он находился без дела, его пост занимает проводник Яр. Потом он получает приказ от своего шефа ехать в Белую Подлеску на работу на свой пост. Но фронт приближался, и на работу он туда не поехал, оставался ещё два месяца дома. В 42-м году, в марте, получает приказ от своего проводника явиться к нему и находиться у него в боёвке. Потом с боёвкой едет в Карпаты, уничтожает большевистские отряды и военнопленных.

Там был до перехода линии фронта. Потом уходит в Чёрный лес, становится проводником боёвки и одновременно секретарём Скалы. При большой облеве большевиков на Чёрный лес погиб Мытор, Ярый отбился от отряда, попал в боёвку Резуна. Скоро сам стал проводником этой боёвки. Потом находился в Галицком повите, где скрывался в бункере. Переждав приход большевиков, снова приступил к активным действиям».

Дочитав последнее предложение, Боруля тут же кинулся накручивать ручку ящика-телефона, вызывая Станиславское управление государственной безопасности. К вечеру человек с чекистским удостоверением прибыл, как было условлено, час в час. Почти не задавая вопросов, выяснил все подробности утренней операции. Сам позвонил своему начальству. А затем, аккуратно касаясь трофеев носовым платком, сложил их в небольшой чемоданчик, взял в сопровождение сержанта Балужева и отбыл на поджидавшем его полевом «газике» в сопровождении ещё двух автоматчиков в обратный путь.

Оперативные данные по розыску особо опасного преступника

Ляхно Ярослава Трофимовича

Уроженец села Семикивцы Жовтневского района Станиславской области Ляхно Ярослав Трофимович из крестьян, гражданин СССР. В данное время находится на нелегальном положении. С 1942 года – участник банды ОУН-УПА. Под организационным псевдонимом «Ярый» занимал положение сотенного. С весны 1943 года Ярый был направлен как руководитель боёвки СБ в бывший Перегинский район для ведения борьбы против советских партизан, разведчиков и местных активистов.

Будучи членом организации украинских националистов, он со своей боёвкой преследовал цель отторжения Украины от СССР и создания так называемой свободной Украины с буржуазной формой правления.

С целью конспирации и личной безопасности Ярый вооружён огнестрельным оружием и действует под другими псевдонимами: Ярослав, Черемшина, Беркут, Тай и цифровым – 903. Задержанных в засадах во время бандитских вылазок советских партизан, бежавших из плена узников, в том числе мирных граждан, а также красноармейцев-парашютистов и местных активистов Ярый допрашивал лично, о чём составлял машинописные протоколы. После допросов большинство задержанных им же физически уничтожалось.

Глава 4. Под глухими мундирами СС

Задумываясь над бандеровской политикой, целями и средствами достижения этих целей, поневоле приходишь к выводу, что вся эта изощёренная структура была позаимствована у фашистов «от» и «до». И не просто позаимствована, а жадно прихвачена как наиболее устраивающая форма управления подчинёнными на всех уровнях.

Слепое копирование «образца» начиналось со штатной иерархии. Различия с фашистской Германией среди нижних чинов шли таким образом: беспартийный немец, нацист, штурмовик, эсэсовец. Среди руководителей: блоклейтер, ортсгруппенлейтер, крейслейтер, гаулейтер. Нечто подобное поспешили внедрить у себя и бандеровские главари, едва успев в начале войны ворваться во Львов, чтобы провозгласить там своё «Украинское государство». Кстати, эта спешка не была одобрена штабистами немецких войск и фюрерами СС, как слишком уж «самостоятельный» шаг пусть и добровольных, но всё-таки чуждых арийцам по духу «помичныкив» – помощников. Хозяин – он ведь знает, на какую длину можно отпускать поводок, накинутый даже на послушного пса.

Чины и посты у бандеровцев зависели от степени угодничества и количества осуществлённых кровавых дел. Удивляться профашистской сущности бандеровцев не приходится. Ведь кто, как не гитлеровский обер-палач Генрих Гиммлер, направлял движение ОУНовцев, этих предателей Украины, сущих выроdkов-головорезов? Гиммлеру подчинялись все формирования жовто-блакитных (жёлто-голубых), он был их высшим персональным фюрером. А трагический парадокс между ничтожеством «фюреров», духовно плюгавых пигмеев, и гигантскими жертвами убитых во второй мировой войне, очевиден. Жаль только, что особенно очевиден он становится не сразу, а по истечении времени, с высоты прожитых лет, когда история находит возможность выставить свои объективные, неоспоримые оценки.

Знала их нынешняя Украина 2020-х годов? Конечно, знала. Но не прислушалась, не захотела прислушиваться. Более того, с остервенелостью нацистов кинулась в драку с подарившей ей пространства Россией. Расплачивается.

Посмотрим же, кто был Гиммлер – тот самый фюрер кучковавшихся под жёлто-голубым флагом «защитников и радетелей свободной Украины». Грегор Штрассер, у которого, как одного из первых главарей штурмовиков в 1930-е годы, Гиммлер был в услужении в качестве секретаря, так писал своему брату Отто о ближайшем помощнике: «Гиммлер – из семьи ревностных католиков... Профессии никакой, зато есть мотоцикл». Проступающий сарказм совершенно прозрачен. Только неизвестно, прочитал ли Гиммлер эту краткую, но исчерпывающую характеристику на себя. Известно иное: в скором времени услужливый секретарь Грегора Штрассера по указу Гитлера распорядится застрелить своего шефа, у которого верноподданнически служил адъютантом.

Тем самым Гиммлер в точности повторит действия обожаемого Адольфа Гитлера, который тогда же, в «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года, приказал

расстрелять в числе неугодных и пастора Штемпфле, в некотором роде своего учителя, познавшего умственное убожество автора «Майн кампф», редактируя, а точнее, бесконечно правя бес-связную мешанину гитлеровских идей.

Возможно, сын мюнхенского учителя, баварец до мозга костей Генрих Гиммлер и сам привёл бы приговор по отношению к своему вчерашнему шефу Штрассеру в исполнение. Но дело в том, что Гиммлер – идеолог Третьего рейха и архитектор воображаемой «Великой Германской империи» – отечества чистопородных арийцев, которому стоять тысячу лет и больше, – сам лично смотреть на казни не мог. Убивал из политического расчёта столько, сколько стоял у руля, но смотреть непосредственно на процедуру убийства не мог. Такая вот слабость и такое извинительное несовершенство.

Бедняге Гиммлеру всю жизнь, начиная с отрочества, всегда в чём-то не везло, чего-то существенного не хватало. Мальчишка как мальчишка, но близорук. Примерный ученик, но имеет плохие отметки по физкультуре. Вырастает в юношу, а попить с приятелями пива не может: страдает желудком. А ведь жить в Баварии – и не пить пива... Нет, это далеко не пустяк, это сразу же заставляет окружающих задуматься: кто же перед ними? И очень подозрительными оказываются такие размышления. Бывшего владельца птицефермы Генриха Гиммлера поначалу в нацистской партии всерьёз не воспринимали. Когда у него было лишь двести человек в отряде, нацистские бонзы могли подшучивать над неудалым баварцем, порой даже называя его «Гиммлер-навоз». Но всему своё время...

Германию всё больше окутывала мгла. Марши, флаги, штандарты, свастика, дикие воззвания, факельные шествия, рёв специально наняемых молодчиков и зывающие к тёмным инстинктам, накаляющие до исступления речи человека с перхотью на голове, воротнике и плечах, с ниспадающей на лоб косою чёлкой. Человека, который в течение семи лет, с 1925 по 1932 год, жил в Германии без паспорта и германского гражданства, – Адольфа Шиккльгрубера. Беззастенчивая, дикая ложь, пропаганда человеконенавистничества под камуфляжем помпезности и грандиозности – всё будет пущено в ход этим самым человеком без паспорта – Гитлером – и его сворой.

Его идеологическая банда деловито переверёт философию Ницше, который не был закоренелым антисемитом и не восхищался пруссачеством, переверёт Артура Шопенгауэра... И философия нацистов будет обращена не к человеческому разуму, а к звериным поступкам, мрачному подсознанию. «Ненависть более длительна, чем неприязнь», – заявит «наци № 1» в своей книге «Майн кампф». «Наша влада повинна бути жорстокою владою!» – «Наша власть должна быть жестокой властью!», – надрывался, кликушествуя, Степан Бандера.

Исходя из Гитлеровской логики, в середине двадцатых годов в Германии будет создана мобильная нацистская армия под названием «Шутц Штафель» – «Охранные отряды» (СС), обряженные в такую же форму, как у штурмовиков, только чёрного цвета, который приглянулся Гитлеру в отрядах итальянца Муссолини.

«Я знаю, что есть в Германии и такие, кому при виде наших чёрных мундиров делается дурно, мы можем их понять», – сыронизирует Гиммлер. К этому времени он будет идти по стопам своего шефа Штрассера.

Квёлый баварский парень займет место наставника по партийной работе в Ландсхуте, войдёт в первый контакт с Гитлером, когда тот отберёт у Штрассера пропаганду. И до 1930 года сам будет её вести, а потом передаст колченогому уродцу Геббельсу. Некогда Герман Геринг – «наци № 2» – мог откровенно издеваться над Гиммлером, считая его помешанным. Баварец стоически терпел уколы всемогущего командующего германской авиацией, «Люфтваффе». Он ждал, верил, надеялся, что взойдёт его звезда. И дождался! Это ему, а не кому-либо другому фюрер поручил в «Ночь длинных ножей» ликвидацию некогда близких людей. И каких высоких людей!

Первооткрывателя Гитлера, гомосексуалиста и ближайшего сподвижника фюрера – Рэма. Всемогущего покровителя СА Рэма убили в камере тюрьмы два ээсовца после того, как он сам отказался застрелиться. Между прочим, тогда же высказывание Гитлера о том, что людей, отсидевших в тюрьме, лучше убивать, Гиммлер примет к исполнению сразу же и навсегда. И никому из попавших в гестаповские тюрьмы даже по ошибке возврата не будет. Практика не должна расходиться с теоретическими воззрениями «наци № 1».

Через двадцать дней после «Ночи длинных ножей» блестяще проявивший себя «Гиммлер-навоз» сделает головокружительную карьеру: станет подчиняться лично фюреру. В свою очередь, ему – уже рейхсфюреру СС, члену кабинета, то есть министру, – станет подвластна вся служба безопасности нацистской партии, вся сеть осведомителей и шпииков внутри страны. Ещё через два года Гиммлер – начальник полиции, в его руках сосредоточена вся полицейская власть Германии, где на 470 квадратных километров проживало более 65 миллионов человек.

Гиммлер создаст два огромных управления: полицейское, во главе с Далуе, действующее внутри Германии, а с началом войны вобравшее в себя ещё и карателей на фронте; и службу безопасности во главе с Гейдрихом, включающую тайную полицию – гестапо.

В годы войны СС – «охранные отряды» – достигнут одного миллиона человек. Сюда войдёт известная дивизия «Мёртвая голова», прославившаяся охраной концентрационных лагерей и карательными акциями крупного масштаба. На службе в полиции будет 140 тысяч человек, в службе безопасности (СД) – около 70 тысяч, в гестапо – 40 тысяч служивых.

На зависть Йозефу Геббельсу – министру пропаганды и народного просвещения, ведающему печатью, радио, литературой, искусством, общественными науками, решающему генеральную задачу – нацифицировать все округа Германии – сбылась мечта «Гиммлера-навоза»: он получил государство в государстве! Новые питомцы Генриха Гиммлера – бандеровцы – на свои жовто-блakitные стяги тоже поднимут, как девиз, гитлеровскую идеологию с её ложью и невиданным коварством, бесчестностью и невероятной хитростью.

Слепок сегодняшнего дня со вчерашнего. Многие очень зримо угадываются в малом, чётко характеризую суть вещей. Вот актёр комического амплуа, криворожский шутник-самоучка Володя Зеленский, по странной кривой вознёсшийся до президентского трона. Участь комедианта чётко можно предсказать по судьбе гончара Теренция из фейхтвангеровского романа «Лже-Нерон». Но сегодня

ня он же «с булавой», он гетман, он –вчерашний персонаж третьесортных фильмов – «ручкается» с владыками континентов, вон с кем и вон с кем... Могло ли ему это даже в самых сладких снах присниться?

Недоучка Адольф Гитлер мог без стеснения проставлять в анкетах «профессиональный художник» или «писатель». Без всякого преувеличения собственной персоны, он считал себя лучшим архитектором Германии. И кто бы посмел ему противоречить! Под статью фюреру образовывался и «приход». Председатель гитлеровской «Имперской палаты по делам литературы» драматург Йост заявлял: «Когда я слышу слово “культура”, мне хочется выхватить револьвер». «Заика от культуры и искусства» – одно из любимых выражений фюрера. С помощью вот такой, красноречиво говорящей самой за себя «идеологии» гитлеровцы пытались изменить саму систему мышления, логику и моральные критерии людей, действуя с дьявольской изощрённостью и приучая к этому своих наймитов и сателлитов.

Нет, не просматривается ли подобное в новом веке в стране-соседке со столицей, раскинувшейся над Днепровской кручей?

Гиммлер был больше всех соратников фюрера посвящён в его истинные планы. Сатрап доверял сатрапу, надеясь на полное взаимопонимание. Гиммлер знал, что расовая теория, проповедуемая «наци № 1», сводится не только к абсолютному господству фюрера над всем немецким народом и над каждым немцем в отдельности, а и к покорению остальных народов, рабству одних и безраздельному господству других.

Гитлер не скрывал: «Антисемитизм – самое сильное оружие в моём пропагандистском арсенале». Гиммлер, не раздумывая, претворял слово своего божества в дело, создавая гетто по всем оккупированным областям, обрекая миллионы безоружных, несчастных людей на ужасную смерть. Верный подручный Гитлера по его прямому указанию перешёл со своим воинством в Европе к физическому уничтожению целых народов и этнических групп. В этом людоедстве, форменном каннибализме Гиммлер в свою очередь нашёл полную поддержку в среде таких же хищников, националистов-бандеровцев. Жертв своих палачи никогда не жалели, проявления какого-то там гуманизма были им совершенно чужды. Они жалели... себя. Жаловались, что им выпадает непосильная тяжесть при проведении карательных акций. А жертвы? Что жертвы! Гиммлер совершенно определённо интерпретировал идеи фюрера на свой лад: «Русские – это рабочий скот, у которого нет никакой культуры». Ясно, доходчиво, что называется, по-гитлеровски!

Фюрер, нагло не считавшийся ни с какими пактами и мирными договорами, мог позволить себе пофилософствовать, заявляя: «Когда начинаешь войну с Советским Союзом, кажется, что открываешь дверь в тёмную незнакомую комнату, не зная, что там, за дверью». Рейхсфюрер СС Гиммлер в своей берлинской резиденции на Принц-Альбрехтштрассе, размещавшейся по соседству с Министерством иностранных дел («Канторой Риббентропа»), не философствовал, а действовал.

Полновластный шеф слал конкретные указания своим подчинённым. Начальнику имперского управления безопасности СС, своему верному помощнику обергруппенфюреру СС Эрнсту Кальтенбруннеру: «На Урал нужно забросить диверсантов, чтобы они распространяли там инфекционные заболевания и срывали поставки боеприпасов, продовольствия, вооружения». Следом пунктуальный Гиммлер приводит длинный список рекомендуемых заболеваний. Позже, с такой же хладнокровностью, Гиммлер отдаст своё распоряжение о Варшаве, красавице-столице: «Каждый дом взорвать, каждый дом сжечь дотла». Читают ли документы истории в сегодняшнем польском сейме?

Таков был стиль главного полицейского дьявола, сущей гитлеровской сатаны! Двоеженец, живший на две семьи, махровый фарисей-желудочник, не потреблявший в соответствии с уставом СС ничего, крепче лимонада (даже шампанское), Генрих Гиммлер, весь путь которого – чудовищная ложь, измена, трупы, будет клясться Гитлеру: «Унзере Эре хайст Фройе!» – «Наша честь – это верность!» И фюрер до последних дней жизни будет верить своему любимцу, так обожаемому «Верному Генриху». Именно ДО последних дней жизни...

Гитлер в написанном им за день до смерти завещании предаст анафеме главного нацистского палача, практика всех кровавых репрессий и министра внутренних дел: «Накануне моей смерти я изгоняю из партии бывшего рейхсфюрера СС и имперского министра внутренних дел Генриха Гиммлера и лишаю его всех постов...». Вот такая расплата за переговоры крысы о сепаратном мире с американцами, про которые узнала разведка и доложила фюреру.

Но Гиммлер не попадёт ни под полевой суд, ни под суд гестапо. Избежит он и праведного суда над главными нацистскими военными преступниками в Нюрнберге, который начнётся 20 ноября 1945 года. «Наци № 3», которому в зачёт многочисленных злодеяний идёт и прямое руководство бандеровскими зондеркомандами, главарь формирований СС, публично осуждавший самоубийство эсэсовцев, сам примет яд, когда вконец убедится, что созданное на крови и костях здание Третьего рейха рухнуло, и его уже не восстановить.

Самоубийство – это было, пожалуй, единственное, в чём баварскому зверю повезло, иначе плакала бы по нему намыленная в руках американского сержанта Джона Вуда верёвка – верная исполнительница Нюрнбергского трибунала!

Глава 5. «Искра» и пламя

Нам нужно всё-таки вновь вернуться в дни войны, рассказать о некоторых негромких делах советских бойцов и героях, чьи имена удалось восстановить из прошлого, пройденного, но не забытого.

В первой половине сентября 1943 года по приказу штаба партизанского движения при Военном совете Воронежского фронта был сформирован отряд «Искра». Партизаны успешно действовали в тылу противника на территории Киевской области. Через полгода приказом командования 2-го Украинского фронта «Искра» была направлена на диверсионные операции в занятую фашистами и

бандеровцами Станиславскую область. Командовал отрядом лейтенант Георгий Кулагин.

Партизаны пешим порядком перешли линию фронта в районе Богородчан, что в семнадцати километрах юго-западнее бывшего польского королевства Станислав, и вышли в тыл врага. О ходе выполнения задач командир отряда сообщал по радиации. Но недолго. Внезапно связь прекратилась, что внесло беспокойство и тревогу в штаб фронта. Что случилось? Ведь всё, запрашиваемое партизанами, было отправлено самолётом в точно обусловленное место, в точно назначенное время. Так почему же молчит «Искра»?

Как впоследствии выяснилось, самолёт «У-2», посланный для выброски груза в намеченный район партизанских действий, своё задание выполнил. В полном соответствии с координатами были сброшены питание для радиации, топографические карты, продовольствие и другое нужное отряду имущество. Но «Искре» забрать посланное фронтом подкрепление не удалось. Тесно давила блокада гитлеровцев и бандеровцев. Любимец партизан, бесстрашный и самоотверженный лейтенант Кулагин трижды организовывал попытки прорыва, но все они оказались безрезультатными – так плотно охватили кольцом бандеровские шайки все пути отхода яростно ненавидимых ими «ковпаковцев».

И всё-таки зажатая врагом маленькая «Искра» не сдавалась, продолжала сражаться как могла. В том бою осталась навеки девятнадцатилетней медсестра Тамара Яковлевна Белякова, уроженка, по её тогдашним документам, села Верхний Икорец Верхне-Икорецкого сельского Совета Бобровского района Воронежской области. До войны после школы-семилетки Тамара поступила в педагогическое училище, которое успешно закончила. Мечта сбылась – с дипломом учительницы девушка увлечённо вела занятия в младших классах. А когда началась война, решила идти на фронт добровольно. Войсковую специальность не сообщала, известила родных лишь о номере полевой почты.

По пять-шесть месяцев не приходило от неё весточек домой. Потом мама получала коротенькое долгожданное письмецо: «Прости, родная, что не писала, была на боевом задании». Где именно приходилось выполнять боевые задания, какая роль в них отводилась дочери, девушка по вполне понятным соображениям не сообщала. Со второй половины 1944 года писем от Тамары не приходило совсем. Ждали их мама и брат Володя день за днём, неделю за неделей, месяц за месяцем... Встретили День Победы. А Тамара Белякова, судя по официальным ответам, так и продолжала числиться пропавшей без вести.

Пройдут годы, сомкнутся круги десятилетий. Только тогда узнают Беляковы очень далёкое от их родного дома место гибели дочери и сестры. Это чекисты, стремясь быть скрупулёзно точными в расследовании большого и малого, помогут восстановить сквозь призму ушедших десятилетий все подробности того последнего трагического боя...

Отряд «Искра» был окружён в лесном массиве между сёлами Майдан и Слуква. Бойцам противостояло две сотни врагов. Опыт лесных боёв немцы к тому времени приобрели немалый. Их соединение заученно разделилось на две

равные части: одна приступила к методическому прочёсыванию чащи в направлении дорог, другая, рассредоточившись засадами, перекрывала все возможные пути отхода.

Сжались бойцы в кулак вокруг своего командира, за лихость и отвагу носившего дружескую кличку «Жора золотой». На головных уборах каждого искровца пришита справа налево красная полоска: надо различать своих, если вдруг врежутся в массу отряда бандеровцы. Несмотря на отчаянность положения, ни у кого на лице не прочитаешь ни паники, ни трусости. Бледны, насторожены, но не смятенны: теплится у партизан зыбкая надежда на то, что и в этот раз всё обойдётся – уйдут от врага.

Некому тут произносить громкие слова, бойцы сами прекрасно помнят и о присяге, и о клятве на верность Родине. Нужное слово может сказать только командир. Подбадриваемые им, ребята сражались с удвоенной яростью, различая среди наступавших фашистов и патлатых бандеровцев. Но всё же силы противника были подавляющие. От нашего разгромленного отряда осталось только семнадцать бойцов.

Убили фрицы комиссара Василия Телешко. Никогда не гнушавшиеся мародёрством бандиты сноровисто обшарили его труп и наткнулись на список бойцов рядового и командного состава «Искры». Затаившись в кустах, бандеровцы громко, нарочито гнусаво выкрикивали фамилии наших бойцов, живых и павших, развлекаясь тем, что кто-то из них же, бандитов, каждый раз отвечал «по-русски»: «Здесь!»

Тамара Белякова старалась далеко не отходить от заболевшего накануне боя малярией начальника штаба Сергея Артамонова. Угрозило же его, синеглазого спортсмена-здоровяка родом с Тамбовщины, схватить опасную хворь. Начальник штаба бредил. В минуты просветления резко вскидывался, хватался за оружие. А Тамара кусала губы от беспомощности: на нехватку медикаментов в походной аптечке грех было жаловаться, разных лекарств доставало, но вот хины – ни грамма. Только и могла девушка в секундные передышки прикладывать платок к потному лбу Артамонова, да ещё всовывала сквозь его плотно сжатые зубы противовоспалительную таблетку.

«Искра», маленькая бесстрашная искорка погибала, но не сдавалась. Бил смертельными для врага рваными очередями установленный на сошках пулёмёт Дегтярёва. Пусть разрозненно, а всё же резали по фашистам автоматные, винтовочные и пистолетные выстрелы. Одна из трёх отрядных санитарок, маленькая и ловкая, как акробатка, Ольга, забралась повыше на густую ель. Чтобы не сорваться, пристегнулась к дереву широким ремнём. За густыми ветками, хорошим прикрытием, высмотрела цель – фашистского офицера – и по-снайперски точно, выстрелом прямо в лоб свалила его наповал. По-детски вскинула руки, ликуя от удачи, да так и повисла на дереве, изрешечённая десятками вражеских пуль.

Командир отряда Георгий Кулагин, смертельно раненный в живот, слабел от потери крови до сплошных чёрных кругов под глазами. В затмевающей взгляд дымке он всё же сумел различить двух набегавших бандитов. Поймал на мушку

и не выпустил одного из них. А второй через мгновение навис рядом, пытаюсь захватить командира живым, как было приказано боевкам в начале операции. Но последняя пуля, выпущенная Кулагиным себе в висок, не дала врагам возможности поглумиться над советским командиром.

Бой стих. Бандеровцы оттащили от Артамонова убитую Тамару Белякову, а умирающего начальника штаба понесли на плащ-палатке к своим главам, вместе с немцами, угодливо хихикающими после благополучно завершившейся для них схватки. Среди скудных трофеев боевкам обнаружили полевую сумку командирского образца, принадлежавшую Кулагину. Вытащили сшитый суровыми нитками блокнот, испещрённый карандашными записями. Выбрав удобный пенёк, Ярый устроился на нём, внимательно вчитываясь в потёртые от времени строки походного дневника Кулагина – боевого командира, окончившего краткосрочные офицерские курсы, не дававшие, естественно, широкого образования. Потому с грамотностью у Георгия было не всё в порядке, над чем и хмыкал даже грамотный недавний директор книжного магазина Ярый.

«По заданию правительства отправляемся на передовую, – записывал Кулагин, трясясь, видимо, в вагоне товарняка на стыках военной железной дороги. – Всё время едем весело, с аккордеоном и хорошим настроением. Как-то радостно встретиться с людьми новыми и незнакомой природой.

24 апреля. Наша разведка с начальником штаба наскочила на засаду мадьяр. Одного мои бойцы убили, двоих ранили, взяли хороший трофей – пулёмёт. В тот же день при выходе из поста на диверсию наткнулись на дозор бандер. Поймали всех троих, обезоружили, поговорили с ними и отпустили (это была политика), чтобы передали там своим – сдавайтесь.

25 апреля. Бой с бандеровцами. Результат: у них два ранено, три убито, забрали мы одного коня и лагерь со всем имуществом, наших потерь нет. А бандеры, я теперь понял, открытого боя не выдерживают, они мастера из засады нападать, а ещё на раненых и безоружных – настоящие бандиты!

2 мая. Отказала походная рация, и похоронили мы пожилого воронежца Фёдора Ивановича Марчука под Грабовкой. Я у него учился хладнокровию, никогда не теряясь. Бесстрашный был солдат, троих уложил и... если бы не граната...

9 мая. В 10 вечера пущен под откос немецкий эшелон, шедший с Долины с живой силой, а главное – с техникой, танками. Убито до 45 немцев, выведено из строя семь танков...».

Это была последняя запись «Жоры золотого». Не мог знать лейтенант Кулагин, что жить ему остаётся совсем немного. Что ещё целый год отделяет бои Красной армии в Прикарпатье от полной победы над фашизмом и водружения победного знамени над поверженным Берлином. Что дневник советского героя-офицера прочитают враги. Но прочитают и потомки, за свободу и счастье которых командир «Искры» сражался, как настоящий патриот, до последнего патрона.

Окончание следует...

Надежда МИРОШНИЧЕНКО

Из правды жизни

Стихи

* * *

Дмитрию Самоварову

Ну, вот и закончились белые ночи,
А я их так сильно люблю,
Как русское поле, как синий платочек,
Как берег вдогон кораблю.
И Север, давно разучившийся плакать,
Давно научившийся ждать,
Помашет вдогонку сосновою лапой:
«Мол, помню, вернётесь опять».
Ах, Север мой, Север, ромашки и клевер,
И колкие искорки звёзд!
Да будь не таким ты, мы б разве сумели
С тобой подружиться всерьёз?!
Разливы черёмух, истерики лета
И осень – рубины и ржа.
И белые ночи – вместилища Света.
И зимушки – Тьмы сторожа.
Характер – не сахар, но свой, между прочим.
И небо – размером с зарю.
Но только закончились Белые Ночи.
А я их так сильно люблю.

02.08.2025

* * *

Когда я доберусь до горизонта,
Увижу там и маму, и отца.
И погляжу, к кому заходит солнце
И где конец, который – без конца.
И где живут утраченные грёзы.
И счастливы ли сорок сороков.
И будет пусть ни рано и не поздно,
А вовремя в сумятице веков.

10.10.2023

Россия, ты стойбище клевера с горстью репья

Россия, ты стойбище клевера с горстью репья,
Ты гавань, достойная только больших кораблей,
Ты юность мечты. Ты раздольная песня моя.
Вставай! Поднимайся! Уж враг стоит у дверей.

Он так и не понял, что Господом выбрана ты,
Что нет тебе сносу. И в пламени жарком побед
Уже ты возводишь грядущего мира мосты,
Где врагу больше ни места, ни выгоды нет.

Россия, ты выход из замкнутых в узел идей.
В тебе бесконечна энергия солнечных сфер.
Ты горница мысли. Ни эллин и не иудей.
А Данко бессмертен и скучен душе Робеспьер.

И русские заново свой начинают Поход.
И в сердце уже возвращается слово «Ура».
А с горстью репья ты управисься – верит Господь!
И будут на Севере вечно цвести клевера.

02.11.2025

* * *

От русского шатало, как от спирта
Английского. Всех одурманил смог.
В народе русском таинства и смысла
Истеблишмент переварить не смог.

За все века сквозь сотни инородцев,
Сквозь блеск монет и вековую тьму
Из русских ни царей, ни полководцев
Они не признавали на миру.
Жила Мария – в просторечье Машка,
Чудил Петрушка – ярмарок бунтарь.
И насмерть бился с Чудищем Ивашка,
И становился звёздами букварь.
И вот в Конце концов на всей планете
Осталось это слово, как Залог.
Мы, русские, – одни на белом свете.
За что ты нас такими выбрал, Бог?!

02.05.2024

* * *

На войне покажется: жили в раю.
На войне покажется ласковой смерть.
Но, когда напали на землю твою,
Всё уж неважно, что будет там впредь.
На войне не выжить надо, а жить,
Чтобы смерть боялась тебя найти.
Мирной жизни прошлые этажи
Кажутся высотками на пути.
Только нам не верится: как они там,
Где война? И воины – не из книг.
А глядишь, по своим, жизнь да смерть, местам.
Всё в веках рассчитано – на двоих.
У войны безжалостный аппетит,
Коль она на золоте и крови.
Там и воздух, словно вода кипит,
А вода, как пар, над землёй стоит.
Но вернутся воины-то с войны
Посмотреть:
а что здесь сделали мы?

14.01.2024 – 10.05.2024

Из правды жизни

*Хранителю и Служителю Русской Истории
Аркадию Елфимову*

Мне не хватает ни образов, ни вдохновенья,
Чтобы наполнилось правдою стихотворенье.
Чтобы все чувства, что с детства метелили сердце,
Стали энергией Родины, сутью – не средством.
Чтобы за щедрость Её я сполна отплатила.
Чтобы не счёты сводила, а благодарила.
Чтобы сейчас, когда наше подтаяло Слово,
Стала я Русской в понятии этом Основы.
Чтобы и дети, и внуки, и деды, и бабы
С фронта вернулись, оставшись такими ж, хотя бы
Как они нынче прекрасны в бесстрашье своём и любви
Там, где мы пролили столько Отечества крови.
Эти, другие, которые нас ненавидят,
Разве они нашу Родину могут увидеть?!
Разве они хоть однажды смеялись, не ведая драмы,
Как наши дети смеются в объятиях папы и мамы.
Разве они наших войн и трагедий хлебнули?!
Что нам, бессмертным, сегодня их бомбы, и пули?!
Эти, другие, которые нас ненавидят,
С торжища Ада на небе нас с Богом увидят.

17.07.2024

Не завидуйте!

Не завидуйте этим, в парадных мундирах, Героям!
Ведь за ними Война и песок, перемешанный с пеплом.
Но отдайте по праву им честь: они большего стоят,
Чтобы Родина наша и выстояла, и окрепла.
Не завидуйте мамам Героев, ушедших навеки.
Эти мамы – из стали и нежности. Наши молитвы
Им помогут окрепнуть, коль совесть крепка в человеке,
Коли наши молитвы любовью и верой повиты.
Не завидуйте нам! Нас самих ещё ждут испытанья:
Нам придётся проверить себя на отвагу и силу.
Но нам выпала Честь на высокое это страданье –
Жить, а если придётся, и жизнь положить за Россию!

17.06.2021

* * *

Памяти Николая Коновского

Уходят лирики, а мне без них поэзии не надо.
В них русской грусти тёплый свет, любви незавершённый том.
В них отблеск солнечных лучей в зеркальных гроздьях винограда.
В них чувство к матери, нигде не повторённое потом.
Уходят лирики подряд и не желают объясняться
(Что это – чувства перекал или событий водопад?),
И слово ёжится впотьмах и не умеет возвращаться,
А им теперь уж всё равно, что после них наговорят.
Уходят лирики, а мне без них поэты однокрылы.
И горше счастья сладкий миг, острее предвиденья тоска.
А мне и Бродский – не о том, и не точны славянофилы,
Как без Табидзе Тбилисо и без Есенина Москва.

09.12.2024

Я – русская

Я – русская. Я родилась в России.
Я – русская. Но цвет мой глаз – не синий.
Не пепельный, но – голубое с пеплом,
Чтоб поняла всё, но чтоб не ослепла.

Я – русская. Я родилась в столице,
Когда её украсть хотели фрицы.
Но надолбы и русские солдаты
Её не сдали, веря в Сорок Пятый!

Я – русская. Но тяжелеют веки:
Мы что-то проглядели в прошлом веке.
Но и сейчас на перекрёстке узком
Мне сын сказал: «Я счастлив, мам:
Я – русский»!

02.10.2023

* * *

Памяти Анатолия Федулова

Любовь должна быть пламенной и чистой,
Хотя она такой бывает редко.
Об этом знает русская рулетка,
Надеясь на один счастливый выстрел.

И я везде любви встречаю знаки,
Разбросанные в росах и в зарницах.
О ней тоскуют узники в темнице.
О ней щебечут солнечные птахи.

Любовь должна свобода быть и клетка,
И я точнее выхода не знаю.
Но в сердце у меня её отметка:
И у меня она БЫЛА такая.

17.10.2023

Марина СТРУКОВА

Председатель Тамбовского Губисполкома Михаил Дмитриевич Чичканов

Из биографического исследования

Первые решения Михаила Чичканова

20 марта 1918 года Председателем Тамбовского Губернского исполкома избрали Михаила Дмитриевича Чичканов. Также он являлся Председателем Совдепа. Чичканову было 28 лет. Незадолго до этого он вернулся из зарубежной командировки от Главного артиллерийского управления – в 1915–1917 гг. на военных заводах Нью-Йорка и Вудбери проверял качество боеприпасов, заказанных для Русской армии.

До этого учился в Политехническом институте. Летом работал слесарем и помощником машиниста в Борисоглебске и Лисках, зимой сотрудничал с газетой «Правда» в Петербурге, управленческого опыта не имел. Какими были первые решения «большевистского губернатора», как называли его тамбовчане?

Культура вместо кабаков

В ГАТО и ГАСПИТО сохранились почти все протоколы заседаний Губисполкома. За кратким содержанием можно увидеть картину происходящего в Тамбове весной и ранним летом 1918 года. Горсовет был распущен, и до 24 сентября Губисполком исполнял его функции, отвечая не только за губернию, но и за губернский центр.

Прежде всего Чичканов решил навести порядок. Он организовал уборку улиц Тамбова, вывоз мусора, обеспечение города дезинфекционными средствами. Обошли дворы и оштрафовали нерадивых хозяев, которые устроили свалки.

Вскоре началось строительство бань для улучшения гигиенических условий. Это было важно, поскольку людям угрожали то тиф, то «испанка», то оспа.

Порядок следовало навести и в умах. Судя по документам разного рода, приходится сделать вывод: Тамбовщина сильно пила. И началось это не в продразверстку, когда назло властям стали изводить зерно на самогон, а гораздо раньше.

4 апреля 1918 года состоялось одно из первых заседаний под председательством Чичканова. Принято обязательное постановление, которое должно быть опубликовано.

«Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики Тамбовский Губернский и Городской советы объявляют:

Всякое приготовление и продажа опьяняющих напитков (самогона, бражки и т. д.), а также появление на улицах в пьяном виде строго воспрещается. Также воспрещаются публичные азартные игры в нарды, кости, лото, лотерею за исключением благотворительной и другие виды азартных игр. Виновные в этом будут наказываться штрафом до 3000 рублей или тюремным заключением до 3 месяцев».

Борьба с пьянством и азартными играми станет постоянной – видимо, это была настоящая проблема старорежимной провинции. В сёлах было по несколько кабаков, а карты закупали возами. Такая атмосфера способствовала преступности.

Но Советская власть не только запрещала, она предлагала альтернативу – в сёлах начали открываться многочисленные Народные дома, которые позже станут ДК и клубами. Там создавались творческие кружки, выступали лекторы и работали курсы по ликвидации безграмотности.

Большевики содействовали организации театров и библиотек при школах, военных частях и других организациях. Культурный досуг должен был заменить кабацкое времяпровождение.

Губисполком признал желательным устройство передвижных кинематографов: для пропаганды социалистических идей в деревне, для ознакомления крестьян с культурой сельского хозяйства, для популяризации сведений из области санитарии, – и выделил на это средства. Настаивал, чтобы даже для военнопленных оставляли не менее 20-ти мест в кинотеатрах.

Кадры и контроль

Проблемой, которая преследовала Чичканова с первых дней работы, было отсутствие квалифицированных кадров для учреждений губернии. По крайней мере, возглавлять их должны были люди, достойные доверия. Но такие, если и были, не имели образования. До революции на Тамбовщине было мало коммунистов, а после их победы в партию начали вступать не только сторонники, но и те, кто хотел, прикрываясь партбилетом, набить карман.

В сентябре 1918 года, на открытии 3-го Съезда Советов в Тамбове, один из докладчиков оповестил: «Публично расстреливается Комиссар продовольствия Сермягин. Сейчас доложили, что приговор приведён в исполнение. (Шумные аплодисменты) Сермягин, облечённый доверием и широкими полномочиями Центра, занимался пьянством, кутежами, разъезжал на автомобилях с проститутками, присвоил и растратил 70 тысяч народных денег».

И.А. Гаврилов в своих мемуарах относит расстрел к марту, описывая арест в распутицу, но возникает вопрос: тогда почему о нём не сообщили на 1-м или 2-м Съезде, а только на 3-м, в сентябре? Возможно, приговор вынесли только осенью. Но, независимо от даты, события развивались так.

Продкомиссар, судя по его званию, явился проводить продрозвёрстку. Помимо этого, столичный гость решил развлечься на всю катушку. Он получал неплохую зарплату 500 рублей, но при этом присваивал казённые деньги. Автомобили, на которых он катался с гулящими девицами, кстати, были предметом роскоши: их в городе было несколько, а бензина не хватало и для серьёзных поездок.

Своим поведением Сермягин восстановил против себя тамбовчан и был арестован вместе с несколькими друзьями; они попробовали сопротивляться, но были переловлены на улице в ходе перестрелки, причём на одном загорелась шинель. После этого продкомиссар был приговорён к смертной казни.

Его доставили к Нарышкинской читальне (ныне картинная галерея на Советской улице), которая была местом народной политической жизни. У стены этого исторического здания Сермягин получил пулю. Присутствовавший при казни представитель Губернского Совдепа произнёс перед собравшимися прохожими короткую речь о том, что так будет с каждым партработником, нарушившим закон. Преступника не спасло даже то, что его прислал Центр.

В компартию перебежали немало контрреволюционеров, чтобы избежать недоверия властей и по мере возможностей мешать переменам. Такие люди саботировали указания сверху или осознанно нарушали закон. Раньше я считала это домыслами, но убедилась в обратном. К примеру, в книге эмигранта А. Окнинского «Два года среди крестьян» есть эпизод, где его коллега – сотрудник совета на Тамбовщине – указывает «белоказакам», куда направился отряд «красных», что приводит к гибели последних.

Деятельность советских работников нуждалась в контроле. 1 мая 1918 года по постановлению Губисполкома сформирована Контрольная коллегия по Тамбовской губернии, одним из членов которой стал Сергей Алексеевич Клоков.

В дальнейшем он возглавит деятельность этой организации. Клоков был товарищем Чичканова по Реальному училищу, пользовался его доверием. В 1919 году они вместе погибли на охоте.

Контрольная коллегия (позже комиссия) следила за работой советских учреждений. Её интересовали вопросы соблюдения законов чиновниками, разумное расходование бюджетных средств, борьба с коррупцией и бюрократической волокитой, коммунистическая этика.

Конечно, в данной статье освещены не все перемены, которые происходили в губернии. Например, шла национализация предприятий. Создавались новые органы правопорядка.

Но с чекистами у Чичканова разлад, причина которого неясна, начался с первых дней. В ГАТО сохранилась жалоба – Председатель Губчека сообщает в Губком: Председатель Совдепа не выделяет автомобиль Чрезвычайной комиссии, что «тормозит работу её».

Помощь неимущим

Следствием Первой мировой войны стало обилие беженцев, пленных солдат и инвалидов. Это наследие досталось большевикам. На том же заседании 4 апреля постановили создать Комиссариат призрения – организацию, которая должна заботиться в том числе об искалеченных солдатах Первой мировой, о стариках и сиротах. Для инвалидов существовали и снабжались приюты в нескольких уездах: в Тулиновке под Тамбовом, а также в Спасском, Кирсановском, Шацком уездах. В том же году открыли протезную мастерскую.

Кроме того, в Тамбове создали филиал организации по делам пленных и беженцев, сокращённо Пленбеж: кому-то из подопечных она помогала вернуться домой, кому-то – найти кров и работу. Бывших пленных приглашали в Интернациональный отряд. Желающим предоставляли русское гражданство, тогда не говорили «российское».

Местным безработным тоже требовался источник существования. Уже на 2-м съезде Советов Тамбовской губернии, в мае 1918 года, Васильев, выступая от Комиссариата труда, сообщил: «...ни одна кухарка, ни один рабочий из Тамбова не остались без социального обеспечения. На бирже труда числится 3000 человек. Для 500 нашли работу».

В начале июня Дом подкидышей, существовавший до революции, реформировали, теперь неимущие женщины могли отдавать туда младенцев на время, поступая в учреждение кормилицами на зарплату. В дальнейшем они могли найти другую работу и забрать детей домой. С женщинами проводили консультации специалисты-медики, обучая уходу за детьми. Кризисный центр для матерей – современное решение. Впоследствии появилось ещё пять подобных учреждений, где женщины могли находиться два месяца до родов и два месяца после.

Но как большевики решили проблему финансирования своих начинаний, если бюджет в марте 1918 года был пуст?

Прогрессивно-подоходный налог

По словам Бориса Васильева, соратника Михаила Чичканова, первое время «Москва ассигнований не отпускала», в Тамбове средств тоже не имелось. Это была общая для революционной России ситуация. Идеолог эсеров В.М. Чернов ещё в 1917 году писал: «Аппарат взимания прямых налогов давно находится в состоянии полного паралича, явочным порядком страна практикует безмолвный заговор неплатежа каких-либо податей и повинностей». Люди не доверяли властям и не знали, кто будет править ими завтра.

Но к Чичканову то и дело приходили посетители с прошениями и жалобами. Зарплаты, пособия, деньги на ремонт учреждений, на медикаменты и еду для приютов нужно было где-то брать. И большевики взяли.

25 апреля 1918 года был принят Декрет об единовременном налоге на имущие классы на организацию общественных работ, летнего отдыха для детей и иные общественные нужды. А был он прогрессивным – напрямую зависел от дохода граждан. С каждой группы – своя сумма¹. При этом вкладчики банков и разного рода кредитных учреждений облагались налогом в следующем размере: вклады от 20 до 40 тыс. рублей – налогом в 10 %, далее цифры постепенно росли в прямой пропорции к сумме вклада и самый большой налог взяли со вкладов от 700 тыс. до 1 млн рублей – 50 %.

Рестораны и кафе первого разряда облагались налогом в 5 тыс. рублей, второго разряда – в 2 тыс. рублей, третьего – в 1 тыс. рублей. Владельцы фабрик и заводов с числом рабочих не менее 15-ти уплачивали 2 тыс. рублей за каждую группу в 15 рабочих. Также налог брали с владельцев торговых заведений, банков и банковских контор, домовладельцев, чья недвижимость стоила более 20 тыс. рублей.

Позже тамбовские большевики были вынуждены собрать налог с урожая, опять же прогрессивный. Он зависел от двух аспектов: размера надела и урожайности². Например, лица, убравшие с 1 до 2 десятин, при хорошем урожае платили 20 рублей, при среднем – 15, ниже среднего – 10.

Теперь большевиков не забывают упрекнуть этими налогами. Но деньги, взятые с населения, и тратились на население.

Университет, консерватория, театр

Губисполком в первый же месяц поддержал несколько важных проектов. Прежде всего культурно-образовательных, из которых знаковое – создание Тамбовского университета.

9 апреля 1918 года на заседании заслушали ходатайство Е.И. Бунина, председателя «Общества Тамбовского Университета», и постановили: «Признать необходимым существование Университета в Тамбове». В соответствии с реше-

1 ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 38.

2 ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 43.

нием от 12 апреля 1918 года началась подготовительная работа: ВУЗ получил денежные средства, несколько зданий, участок земли и другое имущество, открытие состоялось 27 октября. Сейчас пишут, что были только агрономический и педагогический факультеты. Но на заседании Губисполкома 22 июля 1919 года утверждена смета по приспособлению здания для 2-го курса медицинского факультета. Планировали создание лесного.

На трёх факультетах обучалось более 2 тыс. человек. «После телеграммы А.В. Луначарского о переходе Тамбовского университета с 1-го сентября в ведение Комиссариата по Просвещению, по словам организаторов, “как Тамбовское Общество, так и представители Советской власти с этого момента имели все основания считать, что Тамбовский Университет становится государственным учреждением и может рассчитывать на финансирование из общегосударственных источников”. Однако это финансирование ещё нужно было получить. А в сентябре еще не закончилось оборудование кафедр, работы по приспособлению здания для агрономического факультета, началась покупка мебели, предстояли значительные затраты»³, – пишут историки В.В. Канищев и Н.Н. Будюкина.

А следующий документ я нашла в Протоколах Губисполкома, который не бросил ВУЗ на произвол судьбы: «6 сентября 1918 г. Президиум Губисполкома предлагает выдать аванс в размере 73000 рублей для Правления Общества Тамбовского университета из сумм, внесенных Губпродкомом со специальным назначением на Университет, выяснив у сообщества и получив от него указания, на какие статьи будут расходоваться выданные деньги. Председатель Чичканов».

26 октября на заседании Губисполкома было озвучено условие Центра, что тот принимает смету финансирования университета, если 30 % будет оплачивать Тамбов. Губисполком согласился.

Москва утвердила создание университета только в январе 1919 года. А после ухода Чичканова ВУЗ потерял поддержку – его разделили на два института, потом превратили в рабфак. Прозябание длилось десятилетия до 1994 года, когда ТГУ возродили и назвали в честь Державина. О Чичканове в перестройку не вспомнили – большевик.

В 1918 года Тамбовское музыкальное училище, уже существовавшее до революции, было преобразовано в Народную консерваторию, в структуре которой были созданы всевозрастные просветительские Курсы общего музыкального образования. Затем Народная консерватория была трансформирована в Государственную консерваторию. А Курсы стали трудовой школой при ВУЗе, которая могла обеспечить начальное и среднее профессиональное музыкальное образование. Но после ухода Чичканова консерваторию не стали развивать, она скатилась до статуса техникума. И только в 1990-е ВУЗ возродился, училище было преобразовано в Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С.В. Рахманинова. Курсы тоже не исчезли: они носили разные названия, а в декабре 1992 года стали Колледжем искусств.

---

³ Канищев В.В., Будюкина Н.Н. Трудный старт: к истории Тамбовского государственного университета 1918–1921 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2013. – Вып. 4 (120). – С. 10.

Что касается среднего образования, произошли реорганизация старых учебных заведений и открытие новых. Судя по протоколам заседаний, порой на школьное образование Губисполком выделял до миллиона единовременно. Школьников из бедных семей обеспечивали не только учебниками, но и питанием, одеждой.

Тамбовский театр в предреволюционные годы переживал не лучшие времена. «Звёзды» здесь появлялись заезжие, репертуар состоял из водевилей и комедий. Актёр В.И. Качалов, гость города, назвал театральное здание «сараем», отметив, что прежнее было не лучше. В 1917 году от безденежья театральная жизнь заглохла.

В марте 1918 года к Чичканову пришёл некто Григорий Гаррис. Он заявил, что является артистом, предложил проект создания нового советского театра и попросил финансирования. Проситель предъявил мандат от эсера Евфорицкого, возглавлявшего местный Наркомат. Но Чичканов постарался узнать о том, что представляет собой Гаррис и дал отповедь его покровителям – вежливую, но категоричную: «Уважаемые товарищи! Просим Вас отозвать Вашего уполномоченного по Театральным делам гражданина Гарриса, так как отовсюду получаем сведения про его пьяные выходки и выклянчивание денег. Предупреждаем, что в противном случае нам придётся принять соответствующие меры для ограждения престижа Советской власти»⁴.

Престиж, репутация, доброе имя – эти понятия всегда имели для Чичканова огромное значение, шла ли речь о Советской власти, о местных партработниках или о нём самом.

В апреле 1918 года к Михаилу Дмитриевичу пришёл другой человек, который тоже ратовал за создание театра, и на этот раз отказа не последовало. Тамбовский режиссёр А.Н. Смирнов пишет: «Именно в это время, в первые дни по формировании Губисполкома, во главе которого встал Михаил Чичканов, в Тамбове оказался заброшенный перипетиями Гражданской войны профессиональный актёр Алексей Артуновский, человек инициативный и энергичный. Он обратился к Чичканову с предложением создать в городе театр драмы.

Михаил Дмитриевич Чичканов принадлежал к той редкой категории революционеров, которая умела не только разрушать, но и созидать. Он был достаточно образованным человеком, обладал живым умом, сильной волей, развитым вкусом и искренним желанием усовершенствовать жизнь в соответствии с высокими идеалами. Предложение Артуновского он поддержал самым действенным образом. Несмотря на вполне объяснимые бюджетные трудности, средства на создание театра были выделены. Была создана специальная общественная комиссия под председательством директора Музыкального училища Соломона Моисеевича Старикова. В неё вошли педагог Суханов и Артуновский. По решению Губисполкома было национализировано помещение частного кинематографа. Артуновский, командированный в Москву для формирования труппы, заключил контракт с режиссёром Василием Бардиным. Совместно подобрали на

4 ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 27.

бирже очень неплохой коллектив. Первого мая 1918 г. спектаклем “Власть тьмы” в городе открылся Первый Советский Свободный театр, названный так в соответствии со стилистикой тех лет»⁵.

Нужно уточнить, что поначалу театр назывался Народным. За один сезон там поставили 50 спектаклей, преимущественно по классике – Шекспир, Шиллер, Островский, Толстой, Чехов, Лесков.

Первые итоги

Поддержка творческих и просветительских проектов принесла свои плоды. Уже летом и осенью в Тамбове проходила масса мероприятий. Несмотря на трудности, на Гражданскую войну в стране, город жил насыщенной жизнью.

Вот только один выходной 4 августа 1918 г. По сообщению тамбовских «Известий», в Народном саду состоялось гулянье, где играл оркестр под руководством композитора Василия Агапкина, автора марша «Прощание славянки», пел народный хор, провели детский праздник. Кинотеатр «Модерн» представлял новую программу фильмов, а Народный театр – спектакль «Соколы и вороны».

В Городском общественном саду играл симфонический оркестр под руководством другого композитора – Фёдора Кадичева, выступали артисты. Но и в другие дни недели горожане не оставались без развлечений. Рубрика «Театральный отдел» «Известий» сообщает о гастролях в Тамбове певиц, куплетистов, музыкантов.

В те же августовские дни писатели и поэты обсуждали пролетарское искусство. педагоги проводили совещание в преддверии нового учебного года. Представители Университета читали лекцию медицинского характера.

«Подлинным театральным фестивалем была ознаменована первая годовщина великого Октября. Железнодорожный театр показал пьесу О. Мирабо “Дурные пастыри”, Театр при артиллерийском складе – “Ткачей” Г. Гауптмана, Театр Союза торгово-промышленных служащих – “Гимн нищете” С. Белой, Театр почтово-телеграфного агентства – “Гибель “Надежды” Г. Гейрманса, кружок любителей при центральном комитете учащихся – “На дне” Горького, студия Губпролеткульта – «Королевского брадобрея» А. Луначарского. Всего в этот день было показано в городе девять (!) разных спектаклей»⁶.

Думаю, тамбовским писателям и публицистам, которые время от времени рисуют Чичканова в своих произведениях, не помешает информация о том, чем занимались тамбовские большевики. Не только продрозверсткой, которую навязала Москва. Больше было созидательной и полезной работы.

---

5 Смирнов, А. Н. Театр и вся жизнь. – Тамбов, 2005.

6 Свешникова Н.И., Степанова Э.П. История театра // Тамбовский государственный академический орден «Знак почёта» драматический театр : [сайт]. – URL: <https://tambovteatr.ru/history.html> (дата обращения: 17.02.2026).

Источники

1. ГАСПИТО. Протоколы заседаний Тамбовского Губисполкома за 1918–1919 гг.
2. ГАСПИТО. Материалы 2-го и 3-го Съездов Советов Тамбовской губернии.
3. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 37; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 21; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 52; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 43.
4. Известия Тамбовского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – [Б. м.]: Типография губернских советов, 1918. – 4 августа. – 52 с. // Электронная библиотека Тамбовской области : [сайт]. – URL: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=7626> (дата обращения: 17.02.2026).
5. Канищев, В.В., Будюкина Н.Н. Трудный старт: к истории Тамбовского государственного университета 1918–1921 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2013. – Вып. 4 (120). – С. 9-22.
6. Окнинский А.Л. Два года среди крестьян: виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии. – М.: Русский путь, 1998. – 239 с.
7. Смирнов А.Н. Театр и вся жизнь. – Тамбов: Юлис, 2005. – 424 с.

**Елена
ЛУКАНКИНА**

Подвенечный лес

Стихи

До встречи, друг

Евстахию Начасу

К такому подготовиться нельзя –
что с каждым годом смерть подходит ближе,
и ничего не скажешь, не попишешь,
когда уходят старые друзья,

учителя, стоявшие с тобой
в одной раздаче радости и горя.
И вот теперь в холодном коридоре
ты просишь Бога: душу упокой.

Мы все там будем живы и равны
перед Всевышним, Временем, Отчизной.
И новый человек по нашей жизни
начнёт учить историю страны.

До встречи, друг. И кто подумать мог,
что я спустя почти что четверть века
пишу слова – не стало человека.
Пишу стихами другу некролог.

Революция - мать

Да, беспощаден русский бунт.
Знамена вьются,
и дыбом площади встают
от революций.

Собрался поднятый народ.
Читай стихи им
не про царя – про честный труд.
Народ – стихия.

Стихия, от которой боль –
ножом по сердцу.
И сколько сердце не неволь –
на волю деться.

Лежит огромная страна,
страна сырая.
Не видно этой силе дна,
не видно края.

И что там рвётся впереди...
Крест да рубаха.
И то ли – Господи, прости,
а то ли плаха.

И ни царей, и ни вождей
не приголубит.
Она своих родных детей
ещё погубит.

* * *

Дрожит ночная высь –
весь город в паутине
серебряной повис.
Под небосводом синим
захватывает дух,
и снег сегодня длинный,
летит, как перья, пух
из облачной перины.
Кружится высоко,
как грусть, как утешенье.
Ах, как ему легко
земное притяженье.

Подвенечный лес

Мы шли – и в том не видели чудес,
но подошла небесная минута –
когда не мы – за нас решил как будто
и расступился подвенечный лес:
он полон был семейного уюта,
и всё вокруг теряло прежний вес.
Здесь свадьба шла – вот белая посуда,
а это искры снежного салюта –
они на ветках или вовсе без.
И я с тобой из всех лесных невест
шла к алтарю. И это было чудо.

* * *

В лесу у нас не только лес,
ещё у нас здесь небо есть,
и для ушей у нас работа –
упало, захрустело что-то,
и кто-то колобродит там.
Над головою есть вигвам –
его нам сколотили звёзды.
Колечками выходит воздух.
До космоса подать рукой.
Он обитаемый такой,
когда летит на лица самый
далёкий синий свет вигвама.
Здесь по-другому – ход вещей,
и сами вещи, и вообще.
У нас есть лес. У нас есть небо.
Есть вкусный чай. Немного хлеба.
Вигвам на небо вознесён –
у нас есть дом. У нас есть всё.

Звезда

Я тебе привезу из Голландии Lego.

Борис Рыжий

Я подарю тебе звезду
с засохшей новогодней ёлки.
А через год, как подрасту,
уюду в город из посёлка.

Но будет у тебя звезда –
обшарпанная, дорогая.
Светить везде, светить всегда:
от края Севера до края

страны – и, может, повезёт.
Когда в суровые години,
звезда на плечи упадёт,
и звёздами пойдут мужчины.

А не свезёт – так подрасту
в твоём посёлке в этом внуке.
От ёлки положи звезду
ему в распахнутые руки.

* * *

Мне был велик твой шерстяной рукав,
я грела в нём оставленную руку
и ощущала странную разлуку,
ещё разлуки этой не познав.

Ты рядом был, и памятник плечам
я на себе без памяти держала,
забыв, что я уже принадлежала
и рукавам, и всяким мелочам,

как хмуришь бровь и медлишь краем глаз
на шее жилку углядеть украдкой
о том, что сердце бьётся в беспорядке,
и в рукавах я потеряла лаз.

А голова несёт колокола,
что рукава от рук отнять придётся,
и выбор мне в прихожей остаётся –
не отнимать руки от рукава.

* * *

Вода держала на весу,
и птиц завидел я.
Проснулся дятел, треснул сук.
Плыла моя ладья.
Я в дерево ногами врос,
река меня несла,
но поспешил – реке нанёс
двойной удар весла.
Я воду так разворошил –
что зарябила гладь.
Проснулись рыбы – три души –
попробуй с ними сладь.
И, возвращая тишину,
я – человек, я – волк,
на сердце глупое вину
взял и, как есть, умолк.
Ладья свернула в поворот,
я пересёк черту
кувшинок и замедлил ход,
впадая в красоту.

* * *

Немеют губы – надо бы слова
освободить. Рот – та ещё темница.
И засмеётся надо мною птица.
Она сидит в засаде и права.

Что говорить, а главное – кому.
В лесу сутуло, осень вытряхает
травы и листьев старую суму.
Невысказано сердце трепыхает.

И губы будут синие неметь
на холоде. Скажи чего – озябнет.
И за рукав сухая ветка цапнет,
одёрнет, как блуждающая смерть.

Окно Блока

Матисов остров. Пряжка. Церкви.
Над краем леса фабрик дым.
Треноги мачт и краны верфей.
Туман над городом и стынъ.

Река под Банный мост в изломе.
От моря пряность. Чаек крик...
Всё – в том окне в доходном доме.
Там жил поэт. Там запах книг.

И тень его, и папироса.
И пламя в небе над водой.
Городовые и матросы.
И призраки на мостовой.

Лихое время – не угнаться.
Где царь, где вождь? Кто мёртв, кто свят?
Лист. Лампа. Руки. Стол. «Двенадцать».
Санкт-Петербург и Петроград.

...На Декабристов – солнца знамя.
На Офицерской – тихий снег.
В окно на Пряжку в чёрной раме
Серебряный впадает век.

* * *

Вышел в дождь – горемычен и жалок.
У церквей наклонились кресты.
У Фонтанки чугунных русалок
на мосту поддержки за хвосты.

Где моё непутёвое сердце?
Расскажи, если ты – человек,
о бедовой стране – поусердствуй –
и дотронься глазами до век.

Что тебе, одинокому, видно,
может, сверху тебе и видней –
смелый мальчик, из бронзы отлитый,
укрощающий буйных коней.

* * *

У буквы «Ё» тяжёлая судьба –
изгоя, нелегала, диссидента:
с издательствами жёсткая борьба,
за право места в сводках, инфо-лентах.

Мы передохнем – не передохнём,
покуда все и всё – сравнивали в главном.
И это не забвение огнём,
а остракизм, гонение и травля.

Вот и живём, как «Ё» – шалтай-болтай –
в стране, где ударение не гневай.
Горбачевы и Хрущевы – читай.
Гражданок паспортуй как Королевы.

Фотоальбом

*Не возвращайтесь к былым возлюбленным,
былых возлюбленных на свете нет.
Есть дубликаты – как домик убранный,
где они жили немного лет.
Андрей Вознесенский*

В фотоальбоме копии живут
у памяти по датам на прищепках.
Что было в прошлом – остаётся тут,
как снимки, черепки, фрагменты, слепки.

И кроме эха нечего терять.
Остались не слова – инициалы.
А это раньше были ты и я.
Не копии людей – оригиналы.

И как смотреть в их светлые глаза –
из прошлого глаза. Ретроспектива.
Что можем мы тем людям рассказать,
пока они – не копии архива.

Как горько мне, что мы с тобой без слёз
глядим на них, которых в прошлом знали.
Вот ты и я. Где целые. Где врозь.
Как мы смогли и копиями стали?..

Петербургский ангел

В пальто долгополом, примятом
и в шляпе своей старомодной...
Он жил в Петрограде когда-то,
в столице мятежной, дремотной.

Голодной зимой Ленинграда
считал крохи липкого хлеба.
В последнюю зиму Блокады
ушёл отвоёванным в небо.

Теперь он, похожий на чудо,
не мёрзнет. И летом не жарко –
покуда к нему отовсюду
приходят и кутают в шарфы.

В саду он – небесного ранга,
отлитая в бронзу фигурка.
Поверенный. Дедушка. Ангел.
Хранитель всея Петербурга.

Александра НИКОЛАЕВА

Сердцем объять беспощадный мир

Стихи

Ассоль

Есть у заветной мечты цена
Или мечта – это слепок горя,
Сможешь ответить лишь ты одна,
Вновь по ночам приходя на море.

И для чего твоё сердце ждёт,
Так преисполнено чудесами,
Лёгкий стремительный галиот
В солнце под алыми парусами.

С раннего детства изрядный срок
Тайное чувство тебе знакомо:
Спрятаться в маленький закуток
На корабле и уплыть из дома.

Бедность, бесправие и тоска
Неизлечимы в Каперне чахлой.
Солью и сплетнями на века
Улица каждая здесь пропахла.

В этой деревне убог и сир
Дряхлый старик, а дитя стремится
Сердцем объять беспощадный мир,
Морем обложенный на границе.

...Помнишь, мечта притупляет боль?
Ну, и держись за неё, покуда
Не надоело тебе, Ассоль,
Ждать над туманным простором чуда!

* * *

Всё толще снега одеяло,
Мороз – глаза и щёки жжёт.
Как электричка у вокзала,
Зима влетела в этот год.

Без промедленья и подсказки
Пришла не в гости – навсегда,
И даже шарфом крупной вязки
Не уберечься в холода.

Из жарких комнат на прогулку
Сбежишь и потеряешь след:
Среди дворов и переулков
Зимы необъясним сюжет...

Но вспомни о легенде старой!
Драконьим глазом – посмотри –
Сверкают огненные фары
И неземные фонари.

И, будто альфу и омегу
Времён, прочитанных тайком,
Ты принимаешь запах снега
С малиною и огурцом.

Вышивка

Сон уходит за ворота,
Будто с ниткою игла.
Рукодельная работа
К Благовещенью пришла.

Непоседливые пташки
Из-под маминой руки
Вылетают на рубашки,
Скатерти и рушники.

И я срываю наугад
От лиственной орбиты
Плодов пунцовый звездопад
В авоську и корыто...

Как людям далеко до звёзд!
Но, их лаская взглядом,
Смеётся птица Алконост
Над яблоневым садом.

* * *

Ты говорил, что хочешь мной напиться.
А я – пуста... Пуста уже давно.
Желанная студёная водица
В колодце гулком не скрывает дно.

Не воскресить и чудом сухостоя
В твоём саду: в песчанистый кисель
Журавль опущен в тяжком летнем зное.
Вода ушла за тридевять земель

В страну чужую к горному ущелью,
Где, извиваясь, как опасный змей,
Струится в необузданном веселье
Живительный родник среди камней;

Где, целую вселенную венчая,
Похожи скалы на высокий трон
И розовые стрелы Иван-чая
Душе усталой навевают сон;

Где человек на воле, словно птица –
Небесная отшельница, живёт...
И в этот край (так страшно оступиться!)
Иди за мной, и сможешь ты напиться
В источнике благословенных вод.

Угасают, медленно желтея,
Родственны уже с небытием,
Белые роскошные камеи
Некогда цветущих хризантем.

Но пока предгрозовую просинь
Небосвод в дожде не расплескал,
Я вхожу в задумчивую осень
Сквозь её магический портал...

Там, где время кажется печальным,
Под ногами смелой детворы
Светят листья золотом сусальным,
Будто новогодние шары.

* * *

*Под насытью во рву некошеном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая...
Александр Блок*

На части временем расколота,
Среди осеннего чертога
И вороха лесного золота
Лежит железная дорога.

И поутру одеты инеем,
Как шубой в зимнюю погоду,
Два рельса – две прямые линии,
Идущие до небосвода.

А ночью самой непроглядною
Осины, в страхе цепenea,
Зайдутся дрожью непонятною,
Встречая огненного змея.

Так стонет лишь Россия сонная –
Больная, «нищая Россия»...
Но обитатели вагонные
Смеются, обуздав стихию.

Да что им, чуждым и непрошеным,
В манишке с бабочкой крахмальной,
Та, тихая, «во рву некошеном»
На станции провинциальной?

Кому нужна её трагедия –
Цветка, погубленного штормом, –
И путь (не первое столетие!)
Навстречу поезду с платформы?

Дрофы

Над бесконечной стужей,
Морем неукротимым
Птицы степные кружат
У побережья Крыма,

Вытянув к солнцу шею,
Белые снизу крылья,
Лишь умирать не смея,
Падая от бессилья.

Здесь их ждало зимовье,
Здесь их ждала свобода
Только с огнём и кровью
Сорок второго года.

Мрачные пепелища,
Клёнов и пихт скелеты...
Птицу легко разыщет
Пуля из пистолета.

В чёрных погонах кто-то,
Следом за ним – другие.
Разве не для охоты
Их привели в Россию?

...Пусть не даются в сети
На побережье Крыма
Дрофы – степные дети,
Серые херувимы!

Мамаев Курган

В этих местах, говорят, навсегда
Всё проросло тишиною.
В узком пруду недвижима вода,
Птиц не услышать весною.

Или они замолчали с войны,
Или, как петь, позабыли –
Там на погосте у красной стены
Много имён и фамилий.

Только в душе бесконечно звенит
Громче иных песнопений
Стёртый ногами тяжёлый гранит
К небу идущих ступеней.

И высоко над великой рекой
Меч поднимая в ладони,
Благословляет свой город на бой
Женщина в лёгком хитоне.

Скорбная складка в изгибе бровей –
Туч вековая громада...
Сколько же ей провожать сыновей
Здесь у ворот Сталинграда?

Солнцем палящим, прохладным дождём
Пламенным небом закатным
Вечно их ждать над могильным холмом
И тишиной необъятной.

Наталия ДЖУРОВИЧ

Храни меня от инородных слов

Стихи

* * *

И пока замшелая Европа
Жгла, что нам не вновь, свои мосты,
Из утробы, будто из окопа,
Появился ты.

Вовремя пришел ты и не струсил.
Маме – радость, проводы – потом.
Пахнет койка болью, счастьем, Русью.
Пополняйся мир кричащим ртом!

Видно, этот год недаром хлебный,
Радость – вместе с молоком в груди.
И на благодарственном молебне
Батюшка с молитвою кадит.

* * *

Вот оттепель прошла некстати, как-то дико,
По без того бедняцким снегольдинкам –
Шуга в реке, в душе моей шуга.
А раньше были белые снега,
Уверенные в завтрашнем падении.
Теперь же падать – неизвестно, чем
Закончишься. Возможно – насовсем.

Питьём для одуванчика ли? Поздним соком?
Досадой девушки, что туфельки промокли?
Я всё ещё хочу в подтаявшую память,
Где, и не умирая, можно падать –
В конце концов получатся стихи.
Всё ближе оттепель. Спешит. К чему ей жалость?
В душе шуга, как и была, осталась.
А в сущности – снежинки, пустяки.

* * *

1.

Труха и прошедшего века зола.
Блуждает по сопкам Дерсу Узала:
«Туда не ходить мы!» –
Да кто его слушал?
Страна выживает не хлебом насущным.
Ввиду нагнетанья тревожных событий
Опять аналитики ставят на литий.

2.

Нырятся шпион в уссурийский урман,
Пополнить желая китайский карман.
Хитры олимпийские боги, как тигры.
Проводим мы русско-китайские игры.
Доверчив Иван, да надежда мала.
Вздыхает устало Дерсу Узала.

3.

А дети растут крепышами невинными.
Мой сын на кровати подставит мне спину:
Играючи, с песней уложим мы шпалы,
Протянем и рельсы (и всё-то нам мало!)
Телега, как прежде, скатилась в болото,
И вновь безнадежно просыпалось что-то.

* * *

Мне снится дорога, молота, багульник.
Как в ссылке, спеша, поприличнее угол
Себе выбираю. Он вместо подруги.
Зароюсь в плечо ему. Сердце как уголь.

Не смею сравнить, но поверивший сотник
Понятен и близок, и видим меж сопок.
Израненный край – не Израиль, но больно –
Всей кожей вдыхается зверская бойня.

О, как же гордилась страна урожаем!
Страна, нумеруя людей как планеты,
Летела взбесившейся вагонеткой.

В котле паровоза, что ездил по кругу,
Страна, как в аду, задыхалась в потугах.
И, плача, в табличку смотрел Иисус,
Читая: «Царь мира Советский Союз»

* * *

Храни, Господь, мой бранный интеллект,
Чтоб сыну я смогла ещё ответить,
Что не по Ньютону нисходит снег,
И не от секса в мир родятся дети.

Не допусти, чтоб вздумалось мне вдруг,
Что я не сплю ночами по ошибке,
Что строчкой не оправдан сей недуг
И что стихи мои добротны шибко.

Не допускай, чтоб на своём веку
Носила лишь оборки с каблуками.
Пусть лучше вновь картошку запеку
Обветренными женскими руками.

Храни меня от инородных слов,
Дешёвых песен и чужих привычек.
Побольше сжечь благослови мостов,
Построенных в манере заграничной.

Благослови помучиться ещё
Лет сколь-нибудь в бессонный час над книжкой.
...И, если строчки выйдут хорошо,
Ты дай тогда мне срок на передышку.

* * *

На пальцах кожа основа огрубела,
А тем рукам ласкать бы лён волос...
Вздохнуть бы, да картошку жарь к обеду.
Другой на руки вырос нынче спрос.

На погреб сбегать – сил на то не жалко,
Успеть бы только валенки надеть.
Узор стекла сродни мезенской прялке.
Привыкла ты, как ниточка, худеть.

На погребах – соленья и картошка.
– Посылочку собрать бы для родных!
Поди, в окопе мёрзнет мой Алёшка.
Мне б довязать носки на выходных...

Прядильщицы – здоровых ног предтечи,
Тепла мужского, крепких мужних тел,
Так тихо вы сидите каждый вечер,
Что кажется, как будто не у дел.

* * *

И не грустно больше, и не тошно.
Ты спокойна, словно дождь грибной;
Снова жаришь на двоих картошку,
Зная, что расхлёбывать – одной.

Перед сном привычную таблетку
Безнадёжно, по привычке, пьёшь.
Тихо, незамеченной, на ветке
Ты опять сидишь. И не поёшь.

* * *

Не всходят южной смоквы семена,
Им нужен юг, а я теперь вольна
Упасть, как пант, куда душе угодно.
Как коркой льда, душа защищена,
Чтоб не посеял кто-то семена,
Которые, как южный сувенир,
Привёз и в душу кто-то обронил
Мою. Он просто так его привёз.
Не принимаю! Русский жду мороз,
Как трепетный, старательный садовник.
Мне все твердят: «Плоды не те! Не те!», –
А я молчу, рощу иммунитет,
Своей души храня питомник.

* * *

Осы и сад, и арбузная мякоть. У сына
Щёки в соку, только сердце невольно саднит.
Тянет заплакать, так плачет украдкой мужчина.
Маленький мальчик, как принято, рядом сидит.
Лето от первого дня всё тревожит уходом,
Свой каждый день подбирая трёхслойный подол.
Стала душа боязливее с прожитым годом,
Пусть даже сад плодovit,
В погребах – разносол.
Ветер. На мне развевается клетчатый фартук.
Мысли – подальше, а сына – опять и опять под крыло.
Сад и оса, и арбуз, что безжалостно сладок,
Что-то закатное, что лишь казаться могло.

Словно хищный, безжалостный недруг, ворвётся ветер.
Ветер щиплет с ушей моих воображаемый жемчуг.
Он уносит слова, и, если мне даже ответят,
Остаюсь безответно рифмующей, слабой женщиной.
Ветер зоб свой мохнатый наполнит моей тревогой:
Вспоминаю привычку – в растерянности кричать по-сербски;
Как же долго, как беспощадно долго
Длилась эта ничуть не любовь, а просто соседство!
Жемчуг ляжет на дно, мне облегчив полёт и участь.
Иноречие, как иноводие, больше в ночи не снится.

Мне ничуть не мешает, что ты в этот миг задумчив –
Это я ложусь в виде строчек в твою страницу.

Здесь, в Беломорье

Здесь, в Беломорье, душе неизбежно ясно:
Участь моя – по заброшенным веткам скитаться.
В холодности бегущих дорог, безымянных станций
Нежно тебе трепала крыло, говорила «здравствуй»;
Друг ожидаемый мой, а значит – редкий,
Тот, кто «а можно ли?», в душу стучась, не спросит.
Здесь, на тепло надеясь, цветут манжетки,
Робко морошка, как девочка, морщит носик,
Дуется на ветра, душе уготовив рифмы.
Будем с ней вместе вплетать стихи в травостои.
Я закрываю окно и тихо-тихо
Сею неясное что-то и что-то густое.
Здесь, в Беломорье, московские зябнут крылья;
Только б найти ночлег для бездомной мысли.
Видишь, стихи стали ягодами от бессилья,
Видишь, они наливаются соком, а значит – смыслом.

Станислав ЧЕРНЯК

«Возьми мою руку...»

Любовная лирика

* * *

Широкий шаг... Ну, здравствуй, тишина.
Скорее обними меня за плечи
И расцелуй... Уютный зимний вечер,
В котором я один, и ты одна.

Снег маслянистый нынче не скрипит,
Боясь нарушить ход печальных мыслей,
Как будто он продукт молочнокислый,
Который приготовил общепит.

Я поднимаю взгляд. Окно темно
В квартире наших войн и примирений.
И только флёр былых стихотворений
Влечёт назад, в прекрасное «давно».

За шторой расставаний и потерь
Ты спряталась разумно и надёжно.
Смотрю наверх, ступая осторожно,
Не в силах позвонить в родную дверь.

Опять спешу навстречу тишине,
Укутываясь в чёрный бархат ночи...
И ты спешешь, надеешься, хлопчешь,
И, дай-то Бог, вздыхаешь обо мне.

Всё также

Всё также: снег и бесконечность ночи,
Готовой скрыть от глаз твои следы –
Святую драгоценность среди прочих,
Нить Ариадны в царстве чехарды.

Твои следы, тропинкой уходящей,
Так беззащитны, трепетно-легки...
Но это только в снежном настоящем,
А душу оттоптали каблуки.

Холодной аркой выгнутые вербы,
Гудки машин звучат наперебой.
Я точно не последний и не первый
В ряду навек покинутых тобой.

Спускаюсь на замки закрыть все двери.
Ушла, навеки утонув в ночи...
И всё-таки я в возвращенье верю
И не спешу выбрасывать ключи.

* * *

Через полсотни лет, когда не будет нас,
Да и вообще никто не ведает, что будет,
Остатки наших чувств, осколки наших фраз,
Примерят на себя совсем другие люди.

Такой же зимний день, такой же гололёд,
Такая же толпа в любое время суток.
Чего они все ждут? Возможно, звездолёт,
А может быть, внучат сегодняшних маршруток.

И не дай Бог дожить до роковых времён,
Когда уйдут все те, кто был с тобою рядом,
Оставив на Земле лишь звуки от имён,
И вроде жить и жить, а вроде и не надо.

Всё превратится в прах, всё, что вокруг, – падёт,
На матушке-Земле мы все в командировке.
Останутся: зима, привычный гололёд,
Толпа чужих людей и холод остановки...

Вчерашний день

Вчерашний день забытой акварелью –
Померкли краски, устарел сюжет.
И райских птиц загадочные трели
Затихли на полночном вираже.

Один рассказ из толщи фолианта.
Потрёпанной обложки нет грустней!
Мои находки и твои таланты –
Предания давно минувших дней.

Живёшь в дремоте тягостной и сладкой,
Навеянной шуршанием страниц...
Что позади? Не перескажешь кратко.
Что впереди? Мельканье новых лиц.

Где краски взять, чтоб освежить реальность?
И как хранить, чтоб всё не растерять?
Ведь новых дней печальную банальность,
Как ни старайся, не запустишь вспять.

А надо ли? Ушло и не вернулось
В тумане – серебрители волос...
Вновь тучи за окном, и мне взгрустнулось.
Так на секунду только, не всерьёз...

Балерина

На маленьких пуантах от беды
Спешат умчаться крошечные ножки.
Воздушные тревоги и бомбёжки
Ворвались в мир изысканной слюды.

Фуфайка прикрывает декольте,
Сползла посеребрённая корона.
Смотреть на мир из тонкого картона
Всё тяжелее с каждым фуэте.

А музыка в шкатулке лишь бодрей,
Но посмотрите на неровность пола –
Несовершенства, трещины и сколы,
Следы от ног вчерашних бунтарей.

Пуанты и шкатулка, как судьба,
И приговор – движение по кругу.
Ах, балерина, вечная подруга,
Любимица Дидло и Петипа.

Стоит шкатулка на краю стола,
И если к ней неловко прикоснуться,
На тысячу осколков разобьются
Нелепых стен кривые зеркала.

Ждут балерину веник и совок,
Отдельно – голова, отдельно – ноги,
Пуанты беззащитны и убоги.
Не убежать, когда приходит срок...

Сменяют фуэте на фуа-гра,
Приобретут шкатулку подороже...
Но вряд ли кто-то поименно сможет
Припомнить всех, разбившихся вчера.

Дон Кихот

Мадам, я лишь седеющий брюнет,
Мой белый конь – игра воображенья.
Победы? Что Вы! Чаше – пораженья,
И на доспехах не бликует свет.

Нет шлема и копья, но есть перо,
Которое строчит довольно бойко.
Дитя застоя, жертва перестройки,
Играя, чаше ставлю на зеро.

Скрип от кольчуги? Это ревматизм –
Напоминают о себе колени.
До возраста, когда скончался Ленин,
Всего два года – вот идиотизм!

А я, как прежде, – молодой поэт,
Взывающий, мечтающий, летящий.
Порой фальшивый, чаше – настоящий,
В своих стихах несущий людям свет.

Нет, печень мне не выклевал орёл.
Не льстите – Прометеи нынче редки.
Пора бежать и принимать таблетки
От всех недугов, что в пути обрёл.

А мельницам воздушным нет числа.
Несусь на них, от замыслов пьянея.
Мне машет вслед платочком Дульсинея,
Которая всю жизнь меня ждала...

Родник

Я жду тебя, мой друг, как прежде –
В глухом лесу, у родника,
Где силы черпает надежда, –
Там, где рождается река.
Здесь из песка на свет стремится
Энергия большой воды.
Рожденью радуются птицы
И славят жизнь на все лады.

Под тайным полумраком елей,
Где камуфляжем бересклет,
Бежит ручей и не мелеет,
Одолевая вечность лет.
В нём – жизнь и сила созиданья,
И ожидание чудес,
Больших садов благоуханье
И засухе противовес.

Ручьи соединятся в реки,
Что разбавляют соль морей...
Я смертен. А родник – навеки!
И с каждым годом – лишь бодрей.
Когда-нибудь ты в платье белом
Под стражей леса, здесь тайком,
О том, что так и не успела,
Поплачешь вместе с родником...

А осень гладит по щеке

А осень гладит по щеке
Рукой незримой и прохладной,
Лаская слух мой песней ладной
О замерзавшем ямщике.

Ах, ямки щёк – вы детства знак,
Хоть стал серьёзен и несносен.
Не вас разглаживает осень –
Неунывающий скорняк?

Не замечаю бега лет
И не слежу за циферблатом.
Мне талисманом – агератум,
Садов чудесный долгоцвет.

Что ценно в жизни? Теплота,
Любовь и капли вдохновенья.
А новый день – стихотворенье,
Он начат с чистого листа.

Всё остальное вдалеке –
Потери и метаморфозы.
Маяк стихов над морем прозы,
Твоя рука в моей руке...

...А осень гладит по щеке.

Минута

Возьми мою руку,
В сплошной темноте прошепчи
Красивую сказку,
Где встреча сильнее разлуки.
Развей мою скуку,
Вручи от пространства ключи,
Шепни мне подсказку –
Как верить волшебному звуку.

Граница миров здесь
Сплетение света и тьмы,
Лёд прошлой обиды
И пламя грядущей надежды.

Я буду с тобой весь,
Ты рядом! И, значит, есть – мы!
Куски Атлантиды,
Плывущие вместе, как прежде.

Не знаем, что будет,
Но помним, что было и есть,
Обычные люди,
В толпе мы – обычные люди...
Возможно осудят,
Возможно закутают в лесть...
А счастье – в минуте
Без фальши всех слов и прелюдий!

Поверь мне, девочка

Поверь мне, девочка, ты зря в него влюбилась.
В нём нет ответов на твои вопросы,
Глаза пусты, а речи мёда слаще...
Он будет целовать тебя без спроса,
Но как узнать, какой он настоящий,
Когда сердечко трепетно забилось?

Он Бог и раб, проклятье и награда,
Звезда театра одного актёра.
В кулисах пыль. Чихаешь? Будь здорова!
Ты ему веришь? Вот же ты умора.
Оставит и без денег, и без крова,
А ты, дурёха, этому и рада.

Скажи ему три цифры с оборота...
Я вижу смутно тройку и семёрку,
Кто там с тузом под ручку? Дама вини?
Он высосет до дна и съест до корки,
Хоть с виду ангел – скромн и невинен.
Увы! Влюблять в себя – его работа.

Поверь мне, девочка, не будешь одинокой!
Поймаешь принца, как освоишь снасти,
Ведь в мире пруд пруди свободных принцев...
А годы статью наделят и властью
И вызубрить заставят грустный принцип,
Что ум превыше страсти и порока.

Я отвык от тебя

Я отвык от сигар, я отвык от вина,
Я отвык от тебя... Грешен. Каюсь.
Отвыкаю и пью злую горечь сполна.
Отвыкаю. Но не отрекаюсь.

Как разрезать любви путеводную нить,
Одинокó прожить долгий вечер?
Не любить, не мечтать, не писать, не звонить,
Не надеяться больше на встречу...

Моя глупая роль в этом пошлом кино –
Вечный пост у закрывшейся двери.
Дал рецензию ей Станиславский давно,
Прокричав, что артистам не верит.

Я отвык от сигар, я отвык от вина,
Без тебя неприкаянно маюсь.
Время есть у всего. У всего есть цена.
Отвыкаю, но не отрекаюсь!

* * *

А я хочу послушать тишину,
Твоё дыханье в полумраке счастья.
Клянусь тебе, что нынче не усну,
Пока не получу на то согласия.

Фонарь сквозь штору освещает дом
Дрожащим и немного робким светом.
И к чёрту звёзды, я не астроном,
Чтоб изучать созвездья и планеты,

Когда моя Вселенная со мной
Под стёганым лоскутным одеялом
Так манит ненасытной глубиной,
И как ни изучай, всё будет мало.

Навеки выбрал для себя одну,
Она – моя мадонна и икона.
А я? Храню любовь и тишину
Здесь – возле ножек сказочного трона...

**Скульптуры Виктора Острикова
Фотоработы Ольги Самородовой**

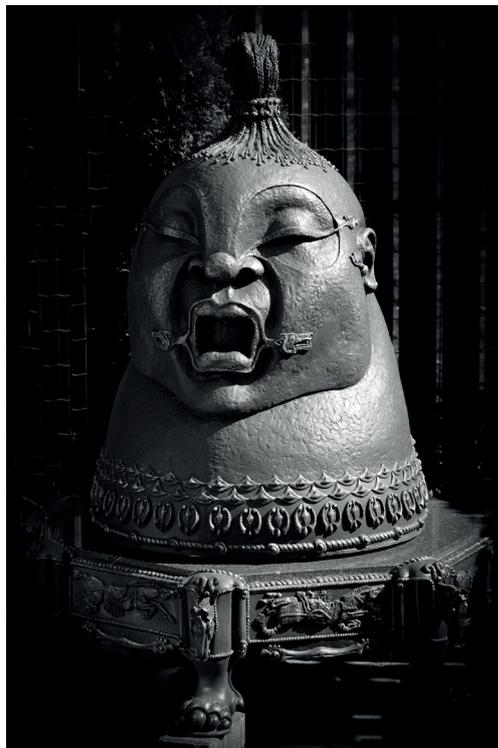
Автопортрет мастера

Скульптуры на подоконнике

Барельеф Елены

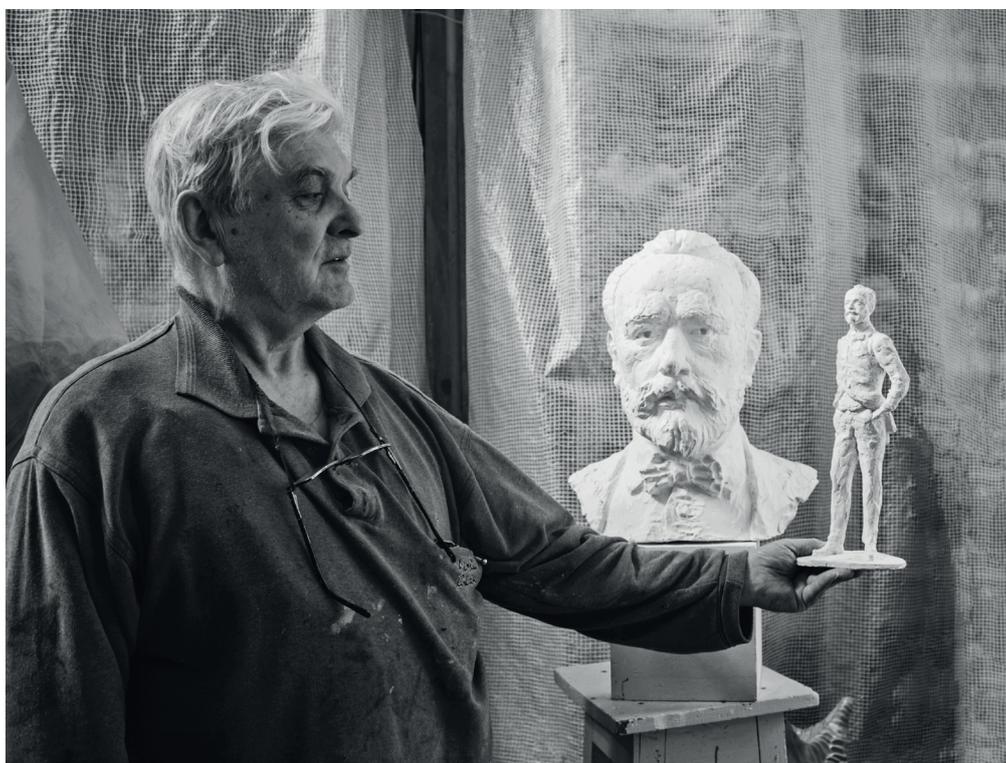
Колокол Азии

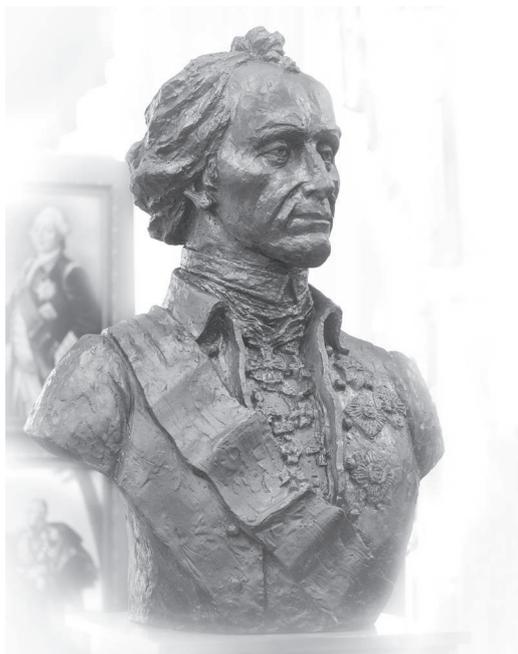
Герои и персонажи

Воевода Роман Боборыкин

Вместе с Петром Чайковским

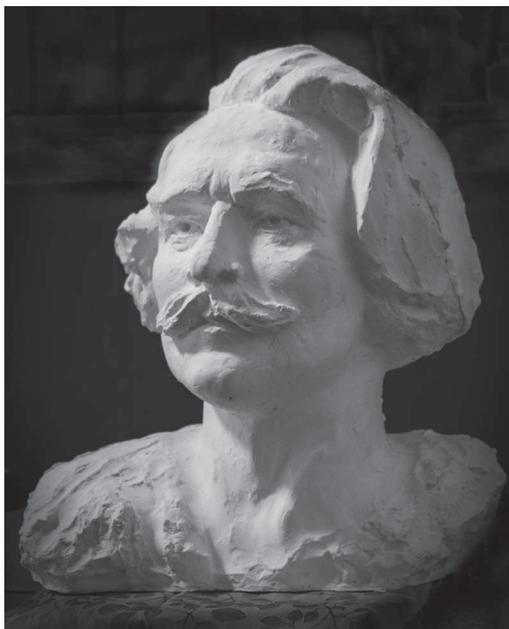
Александр Суворов

Сергей Рахманинов

Б.Н. Чичерин на лавочке во дворе усадьбы

С.Н. Сергеев-Ценский

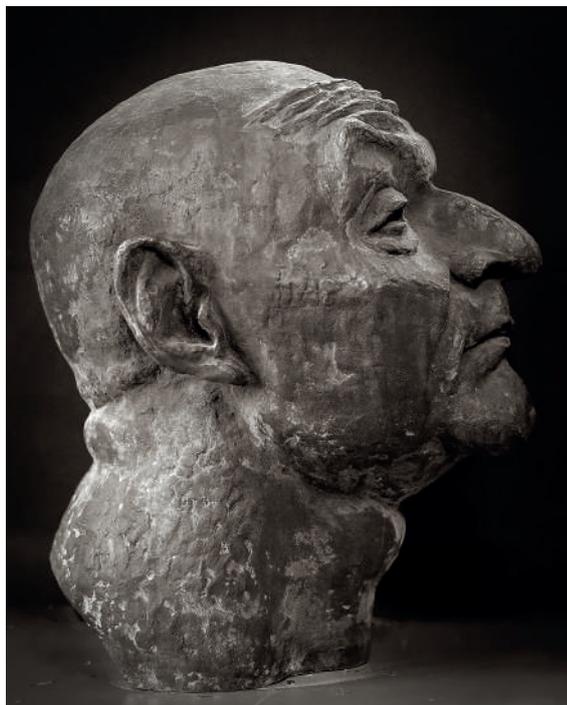
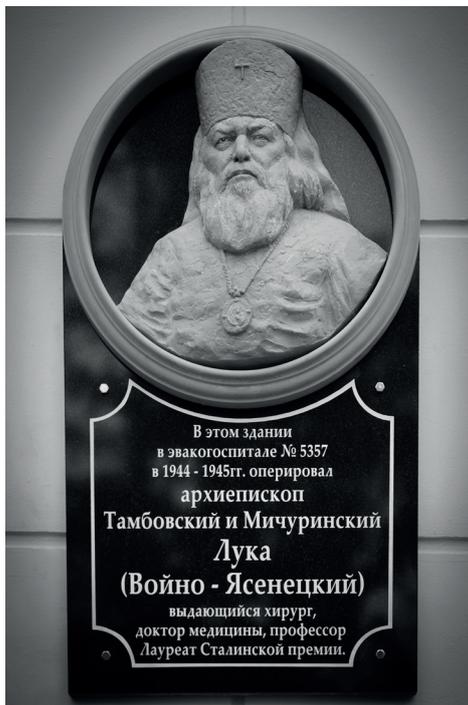
Барельеф Гавриила Державина

Мордочка

Экскурсовод Лариса Мешкова

Памятная доска архиепископу Луке Шарж на писателя Владимира Селивёрстова

Мастер и бюст Фёдора Плевако

Андрей КРУЖНОВ

Люди хаоса

Эпизоды из культурной жизни в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ШУМЯКИН АЗАП КАЛИНОВИЧ, директор филармонии, 50-55 лет;
КОРОБОВ ВИТАЛИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ, заместитель директора филармонии, 40-45 лет;
ПОДГУЗЛО НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, художественный руководитель филармонии, 65-70 лет;
ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА, главбух филармонии, 40-45 лет;
БОЖКО СЕМЁН АРКАДЬЕВИЧ, музыкант филармонии, 40-45 лет;
ДУГОВА КАРИНА ВИКТОРОВНА, певица филармонии, 45-50 лет.

Места действия: кабинет директора, фойе библиотеки – всё происходит внутри областной научной библиотеки.

Первое действие

Кабинет директора филармонии: вдоль стен шкафы с книгами в академических переплётках, в широких промежутках между шкафами на стенах висят всевозможные грамоты, награды в виде скрипичных ключей и бронзовые виолончели с застывшими на них смычками, золотой диск неестественных размеров, афиши известных музыкантов – звезд ушедших лет. Создаётся впечатление, что кто-то насильно объединил научно-образовательное учреждение и развлекательное. Так и есть. Филармония, в виду затянувшегося на несколько лет ремонта, обосновалась в областной научной библиотеке. Жалюзи закрывают окно, поэтому понять погоду снаружи невозможно. В углу, под длинным подоконником, стоит несгораемый сейф.

Возле полукруглого директорского стола сбоку притулилась Любовь Васильевна: это слегка полноватая женщина с широкими бёдрами, сейчас шея её вытянута, как у болотной цапли, которая прислушивается к тому, что творится вокруг. Она тянет руку к сотовому телефону, который лежит перед ней на столе, затем отдёргивает руку и смотрит на часы. И так несколько раз.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Господи, скорей бы всё закончилось.

Наконец-то из телефона раздаётся рингтон с популярной эстрадной мелодией Trololo в исполнении Эдуарда Хиля. Любовь Васильевна нарочито медленно поднимает трубку.
Говорит, растягивая слова.

Да, Азап Калиныч, слушаю вас... Всё хорошо?.. Ещё на год. Ну и слава богу... Да-да, будем ждать, как говорится, с флагами и цветами. *(Кладёт трубку и крестится.)* Господи, сколько ж нервов из-за этой!..

Любовь Васильевна достаёт из шкафа статуэтку поющего Орфея с кифарой, ставит на стол вазу с искусственными цветами, расставляет вокруг канцелярские приборы, но ей всё время что-то не нравится.

Да что ж всё гадость какая-то выходит?..

В приоткрытую дверь просовывается голова Коробова, заместителя директора. Коробов часто говорит скороговоркой, словно боится, что его перебьют или заткнут ему рот, но умственной энергии на длинный монолог не хватает, поэтому говорит с внезапными затыками. Он полноват и неряшлив. Любовь Васильевна, наоборот, старается говорить протяжно и завораживающе, будто пытается вас загипнотизировать или околдовать.

КОРОБОВ. Звонил?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Только что.

КОРОБОВ. Ну?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Всё хорошо. Договор продлили ещё на год. Просил встречать его с песнями и с флагом.

КОРОБОВ *(мотнув головой)*. Во как.

Коробов тут же исчезает. Любовь Васильевна достаёт спрятанный между книг портрет директора филармонии в рамке с подставкой и аккуратно ставит его на стол.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА *(напевая)*. «Дурманом сладким веяло, когда цвели сады, когда однажды вечером в любви признался ты...»

Снова входит Коробов, но уже с бутылкой шампанского и большим цветочным тортом в прозрачной коробке. Несколько секунд он молча смотрит на работу Любовь Васильевны.

КОРОБОВ. Люб, ты охренела, что ли!.. Ещё чёрную ленточку прицепи сбоку. *(Ставит торт с шампанским на стол и убирает портрет директора снова в книги.)* Директора, блин, назначили на место директора, в смысле, на старое место... Оставили, блин. А у тебя тут проводы генсека в кремлёвском зале.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Как-то вы быстро до магазина...

КОРОБОВ. Я заранее купил. Загадал – если куплю, значит, директора оставят... Не то что вы, пораженцы.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Витал Талыч, не обижайте меня.

КОРОБОВ. Ладно-ладно... Поставь торт куда-нить, попрохладней...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Попрохладней. Тут даже холодильника нету.

КОРОБОВ. А к директору библиотеки нельзя, что ли? Ты, как главбух, к ней...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. По-моему, она нас ненавидит.

КОРОБОВ. Блин, когда уже эту филармонию отремонтируют... (*Выдвигает ящики у стола и что-то ищет.*) Шесть лет в этом книгохранилище, как черви... Баянист говорит: «А где мне репетировать?» Библиотекари шипят как змеи – тиш-ш-ше! читальный зал! Додумались – филармонию в библиотеку всунули, лучше бы они палец в одно место... Люба, чё над душой стоишь?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Я хочу понять, что вы ищете в столе Азап Калиныча.

КОРОБОВ. Да папку ему приносил. Забрать забыл... Там проект об этом... эффективное использование площадей в новой филармонии.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Я думаю, Азап Калиныч скоро вернётся. В министерстве культуры сейчас не банкетируются.

КОРОБОВ. Какое министерство – управление культуры-мультикультуры драное. Как этого повара поставили начальником – всё! Трындец!.. Матом не могу при женщине... Может, в шкаф куда сунул?.. (*Открывает шкаф и смотрит между книг.*)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Витал Талыч, вы заместитель директора и должны держать себя в руках.

КОРОБОВ. Только и делаю, что держу в руках себя. Ни микрофонов, ни аппаратуры – не филармония, а прачечная.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ах, Витал Талыч, несдержанность вас когда-нибудь подведёт.

КОРОБОВ. О, нашёл, кажись!.. (*Достаёт из шкафа полиэтиленовую папку в цветочек. Смотрит внутрь.*) Ноты какие-то... Бумаги не мои, а папка моя.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Таких папок в школьных товарах – полно.

Во входную дверь просовывается всклокоченная голова Семёна.

Лицо у него имеет унылый вид, а глаза смотрят жалостливо, как у побитой собаки.

СЕМЁН (*зовёт Коробова*). Виталик. (*Замечает Любовь Васильну.*) Витал Талыч, можно вас на секундочку?

КОРОБОВ (*недовольно вскидывая брови*). Куда на секундочку – по углам шарахаться? Говори тут – в рабочее время я только рабочими вопросами занимаюсь... (*Взглянув на Любовь Васильну.*) Если по личному вопросу, в обед подойдешь.

СЕМЁН. Да я это... (*Мнётся.*) Может, перезвоню тогда, а?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Витал Талыч, я пойду яблочки порежу с лимончиком... (*Демонстративно здоровается с Семёном и направляется к двери.*) Добрый день, Семён Аркадич!

Любовь Васильевна уходит, а Семён плотно закрывает за ней дверь.

КОРОБОВ. Ты охренел, что ли?.. Блин, голову проверь... *(Подходит к двери и слушает нет ли кого за дверью.)* При Любе с такими вопросами лезешь. Ты знаешь, что её директор ...? *(Издаёт свистящий звук.)*

СЕМЁН. Да уж вся филармония знает. Главбух с директором – одно целое. У всех так.

КОРОБОВ. Не умничай. Дебилы...

СЕМЁН. Виталик, меня Дугова хочет из бригады выгнать. Помогите, а.

КОРОБОВ. Помочь выгнать?

СЕМЁН. Ты чё, куда ж я пойду с баяном – на паперть, что ли?

КОРОБОВ. А нечего пить в рабочее время. Ты почему концерт сорвал? Тебя утром автобус с бригадой музыкантов полтора часа ждал – ты чё трубку не поднимал, партизан хренов?

СЕМЁН. Виталик, ей-богу, в три часа только уснул. Всю ночь колотило. Нервы сдают.

КОРОБОВ. Зачем вечером бухаешь, если утром концерт?! Нетерпёж, что ли? Иди в наркологию, прокапайся.

СЕМЁН. Да я на нервах был. Со своей бывшей встретился... За квартиру стали перетирать, обмен там, трали-вали... Угрожать стала: ну, в суд подам, если не разменяешь квартиру, всё такое... Меня прямо вот так всего внутри затрясло!.. Заколотило прям...

Семён показывает, как его стало трясти от нервов,
на что Коробов смотрит с недоверием и усталостью.

КОРОБОВ. Семён, ты чё думаешь, мы баяниста не найдём? Я вон щас сви-
сну – пол-оркестра прибежит устраиваться. Ты уже задолбал пьянками, мать бы пожалел. Если б не тётя Клава, я б тебя уже давно выкинул к чёртовой матери.

СЕМЁН. Виталик, по-родственному, войди в положение. Просто жизнь как-то вот перевернула всё... не знаешь за что схватиться.

КОРОБОВ. За воздух держись. Чё там Дугова про директора говорит?

СЕМЁН. Да так...

КОРОБОВ. Ты не такай, говори, как есть.

СЕМЁН. Злится, что директор звание для неё тормозит.

КОРОБОВ. Грозилась?

СЕМЁН. А чего грозиться-то, у него через месяц контракт кончается. По-
дожду, говорит, другой директор заслуженную даст.

КОРОБОВ. Теперь не даст. Калинычу контракт ещё на год продлили.

СЕМЁН *(машинально)*. Ух ё!.. *(Спохватившись.)* Поздравляю.

КОРОБОВ. Так что смекай, чё шефу скажешь. Про своё будущее. Я тебе, Се-
мён, конечно, как родственнику, помогаю, но у меня уже аргументы кончились...
Знаешь, вот чувствую себя, как маленький засранец, который по карманам ме-
лочь натырил, а его застукали. И чего говорить – вообще непонятно!.. *(Смотрит
Семёну в глаза.)* Ну, чё у тебя глаза красные? Бухал вчера? Только врать не надо.

СЕМЁН. Клянусь – ни грамма! Могу даже дыхнуть. Хы!..

Семён дышит Коробову в лицо, тот морщится и отворачивается.

КОРОБОВ. Семён, блин!.. Ты чеснок лопатой жрёшь, что ли? Специально, блин?

СЕМЁН (*сдерживая улыбку*). Виталик, это я для профилактики. Осень, блин. Насморк.

Коробов взрывается и кричит Семёну в лицо, размахивая руками и краснея от натуги, но всё равно это выглядит как-то неестественно.

КОРОБОВ. Издеваешься, что ли? Да я тебя, гад, щас в порошок сотру! Ты у меня, падлюка, будешь землю носом рыть!.. Я тебя вышвырну с работы, блин!.. Ты у меня, блин, кверху какой скакать по улице Будённого будешь!.. Ты, блин, чё щеришься, Семён?!

Семён и вправду криво улыбается одним уголком рта.

СЕМЁН. Виталик, ты чё блинкаешь, как школьник? Заряди по полной, трёхэтажным. У тебя классно получается.

КОРОБОВ (*махнув на него рукой*). Да иди ты... в рощу! Материться отучаюсь. Жена говорит, я уже не замечаю, когда мат вставляю. Вот, блин, контролирую. Херня, конечно, полная...

Коробов достаёт из грудного кармана плоскую фляжку, отворачивает железный стаканчик в виде крышки, наливает туда из фляжки и быстро выпивает.

Очч классная штука!.. (*Стучит пальцами по фляжке.*) Весь день в тонусе, и никто знать не знает. Говорят, Николай Второй тайком от царицы тоже коньячок из фляжечки посасывал. Хочешь?

СЕМЁН. А чё же.

КОРОБОВ. Из моих рук только...

Коробов поднимает вверх фляжку и поит Семёна, который машинально тянет к ней руки.

Руки, говорю!.. (*Убирает фляжку.*) Хорошего помаленьку.

СЕМЁН (*крякнув от удовольствия*). Силён!.. (*Кивает на фляжку.*) У меня есть такая же.

КОРОБОВ. Только не вздумай – «такая же»! Мне перед зрителем не выступать. Я в кабинете могу закрыться и хоть спать ложиться. Мне баян не растягивать.

СЕМЁН. Понятно.

КОРОБОВ. А мне вот не понятно, что с тобой делать. Шеф придёт, пусть сам с тобой разбирается. Мне уже, честно говоря, вся эта бодяга во где сидит!.. (*Проводит себе по горлу ребром ладони.*) Иди давай.

Семён направляется к двери на выход.

В общем, я тебя постараюсь вытащить. Надо будет кое-какую реорганизацию состряпать. Только никому об этом... А если я что-то попрошу, ты, Семён, не сопротивляйся, а делай. Понял?

СЕМЁН (*улыбаясь*). Есть не сопротивляться. Побить, что ли, кого?

КОРОБОВ. Ага – убить. В новой филармонии проект буду продвигать. Очень денежный. На чужих людей полагаться опасно, а ты вроде как свой. Свой?

СЕМЁН. Конечно, свой. Тут без разговоров... Ладно, пока. (*Уходит.*)

Коробов делает глоток из фляжки, но тут же прячет в карман, потому что открывается дверь, и в проём просовывается голова художественного руководителя Подгузла.

Лысый, с крючковатым носом и выпученными глазами, острый подбородок торчит вперёд, – он похож на какого-то сказочного колдуна или чародея. Говорит быстро, но тоже часто тормозит во время речи, кружит на месте, словно лисица, потерявшая след.

ПОДГУЗЛО. Ой, я на секундочку. Хотел узнать у Азап Калиныча, как дела его многотрудные?..

КОРОБОВ. Всё нормально, контракт ещё на год...

ПОДГУЗЛО. Я сердцем чувствовал – всё будет замечательно.

КОРОБОВ. Да ладно – сердцем. У меня б жена в управлении культуры сидела, я бы все новости первый знал.

ПОДГУЗЛО. Ну что вы, это закрытая информация. Я подарочек прикупил, конечно. Приметы, знаете ли...

Подгузло протискивается в дверь, словно её кто-то держит снаружи.

В руках у него подарочный пакет.

Думаю, куплю – оставят директора, а не куплю... От художественного руководителя, как говорится, от чистого сердца и для больших надежд на будущее...

Худрук протягивает пакет Коробову. Тот заглядывает внутрь и вытягивает оттуда бутылку коньяка, а сам пакет ставит под стол.

КОРОБОВ. Армянский. Вери гуд. На видное место. (*Ставит коньяк на стол возле портрета.*) Как придёт, так и приступим... Чё у вас там с Божко случилось?

ПОДГУЗЛО. С Семёном? Он же от вас вышел... Я думал, он проинформировал.

КОРОБОВ. Ну, он мне свою версию рассказал. Вы свою расскажите. Я чувствую, этот клубок так просто не распутать.

ПОДГУЗЛО. Да нет, всё элементарно, Витал Талыч. Вчера бригада музыкантов с Мариной Дуговой ждала его час двадцать в автобусе. Все волновались, звонили ему, но он не брал трубку, понимаете, на звонки не отвечал... Что случилось – непонятно. В результате пришлось отменить концерт. Мда, неадекватная ситуация.

КОРОБОВ. Главбух говорила, сколько мы денег из-за сорванного концерта потеряли? Сколько зрителям вернули?

ПОДГУЗЛО. Я думаю, где-то около...

КОРОБОВ (*перебивая*). Не надо думать, надо точно знать. А вы что предлагаете?

ПОДГУЗЛО. По поводу чего?

КОРОБОВ. Инцидента. Чё с Семёном делать будем? Увольнять?

ПОДГУЗЛО. Ну-у... Ситуация, конечно, серьёзная, я бы даже сказал экстраординарная... Карина Дугова отказывается с ним работать. Говорит, это уже второй случай. Первый раз ему простили, скрыли, как говорится, а вот сейчас вся бригада музыкантов настроена очень агрессивно.

КОРОБОВ. Бригада музыкантов – не смешите меня. Певица, баянист, гитарист и ведущий. Из этой бригады можно только Дугову оставить как певицу и Семёна как баяниста – остальных на стройку!

ПОДГУЗЛО. Ну, они совершенствуются...

КОРОБОВ. Ага, пусть на сигарной фабрике пальцы совершенствуют! Гитаристу руки отрубить за такую игру. Пацаны в подворотне лучше играют.

ПОДГУЗЛО. Ну что вы, Игорь Иванович учебник написал о технике игры на гитаре. Доцент в нашем университете.

КОРОБОВ (*морщась*). Николай Васильч, давайте вот это фуфло здесь не будем... Все мы знаем, как это делается. Я могу профессором стать по игре в бубен. Легко. Просто время на это тратить жалко. И денег жалко всяким прохиндеям дарить.

ПОДГУЗЛО. Ну хорошо. Как скажете.

КОРОБОВ. А этот, ведущий, он же толще меня в пять раз. Как он может концерты вести? Ему надо на кулинарных шоу работать. Как зритель после такой ряхи может слушать лирическую песню? «Шеф-повар влюбился», да? Как хотите, это не бригада музыкантов.

ПОДГУЗЛО. Ну, Витал Талыч, на такую зарплату как бы не каждый покуется. Практически полставки платим.

КОРОБОВ. Слушайте, вы художественный руководитель... За такие деньги люди на стройке вкалывают – и в зной, и в стужу. А эти дармоеды в тепле на сцене ваньку валяют.

ПОДГУЗЛО. Нет, я просто говорю, если мы кого-то уволим, найти замену трудно...

КОРОБОВ. Зачем увольнять, всё гораздо проще, из одной бригады сделаем две. В одной – гитарист с ведущим, в другой – баянист с певицей.

Худрук явно шокирован услышанным, он вытирает платком лысину, кряхтит и покашливает.

ПОДГУЗЛО. Ну, как бы... Певица без ведущего... Народ не поймёт.

КОРОБОВ. Пусть баянист объявляет, язык у Семёна работает дай дорогу. А ведущий пусть с гитаристом на ложках стучит, какие-нибудь народные мелодии... Оптимизировать надо, деньги экономить.

ПОДГУЗЛО. А как с инцидентом быть?

КОРОБОВ. Никак. В связи с реорганизацией бригады уволить никого не можем. В качестве наказания выговор Семёну объявим – с занесением в грудную клетку. *(Делает удар в воздух.)* Шутка.

ПОДГУЗЛО. Ну да, уже как бы действенная мера... Но боюсь, Дугова начнёт бузить, они с Семёном на ножах.

КОРОБОВ. Ну, бузить начнёт, скажете, пусть одна ездит без баяна и без ведущего. Сольная программа – сама себя объявляет и поёт под минусовки – сама будет за кулисы бегать музыку включать. Посмотрим, как она закружится.

ПОДГУЗЛО. Витал Талыч, это может плачевно закончиться. Я имею в виду не для вас, конечно, для филармонии. Вы же знаете, Карина как бы человек конфликтный, несдержанный, чуть что может заваруху устроить. Вы же помните, как она в прошлом году коллективную жалобу грозилась написать в Москву, в министерство культуры. В коллективе её поддерживают как бы.

КОРОБОВ. Ключевое слово «как бы». Нет у нас никакого коллектива, есть сброд алкоголиков, недоумков и всяких истеричек, которые возомнили себя звёздами. Я прав?

ПОДГУЗЛО. Ну, в какой-то степени... Просто не хотелось как бы внештатных ситуаций...

КОРОБОВ. Николай Васильич, вы сколько у нас получаете?

ПОДГУЗЛО. Ну...

КОРОБОВ. Сорок тысяч. На полставки. А музыканты сколько на полной? Двадцать тысяч. У вас ещё грант от администрации пятнадцать тысяч. Потом премия. Льготы как заслуженному работнику культуры. Я уж не говорю, что вы в универе на должности профессора числитесь. У нас ещё как руководитель оркестра народных инструментов. Плюс почётный гражданин города – тоже надбавки и льготы. Лауреат какой-то там премии Министерства культуры. Депутат областной Думы... Ну? Стольник набегает? Двести? Больше?..

ПОДГУЗЛО. Какое это имеет отношение к данному разговору? Ей-богу, Витал Талыч, я всегда стараюсь быть объективным...

КОРОБОВ. Вот и старайтесь. Если музыканты узнают, что вы в двадцать раз больше их получаете, а в филармонию только раз в месяц заявляетесь, да и то в бухгалтерию за деньгами...

ПОДГУЗЛО *(перебивая)*. Витал Талыч, я не виноват, что филармония на капремонте.

КОРОБОВ. Они вас сожрут с потрохами. Не поперхнутся.

ПОДГУЗЛО *(вытираясь носовым платком)*. Хорошо, я поговорю с Дуговой. Поставлю её перед фактом, так сказать.

КОРОБОВ. И так поставьте, чтобы она даже не пикнула.

Открывается дверь и появляется Любовь Васильевна с торжественным выражением лица и с подносом, уставленным тарелками, где лежат яблоки, апельсины, сыр, ветчина, балык и другие кулинарные излишества.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Машина директора у входа. Вы все дела закончили?

Худрук заметался, будто пойманная лисица, и метнулся к двери.

Вы куда, Николай Василич?

ПОДГУЗЛО. Любовь Васильна, мне партитуру надо кое-кому передать. Дело безотлагательной важности. Я мигом. *(Выскальзывает в дверь.)*

КОРОБОВ. Врёт, как дышит. У него селезёнка болит, думает, мы тут всё выпьем, а он к финалу объявится... Пить не хочет зараза.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ради уважения рюмочку надо пропустить. Хотя бы одну.

КОРОБОВ. Вот и проследишь. Щас я пойду, руки помою. И кофту переодену, а то эту уляпаю...

Коробов выходит, а Любовь Васильевна с тихим азартом опытного официанта расставляет блюда на столе и что-то напевает. Дверь неслышно отворяется и появляется директор филармонии: невысокий крепкий мужичонка в светлом костюме с лопатообразным галстуком в горошек и с картофелеобразным красным носом на лице. Волосы жёсткие и седые, как проволока. Брови густые и расчёсанные немного вверх. Лапы большие и крепкие как у работяги. На первый взгляд он больше похож на конферансье из самодеятельности, чем на директора филармонии. Он подходит сзади к Любови Васильевне и хватает её за округлые бёдра. Она наигранно вздрагивает и медленно поворачивает голову.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, у меня от такой внезапности может сердце остановиться.

ШУМЯКИН. У тебя мотор, а не сердце... Что, сердечко трепещет, когда я рядом? *(Прижимает её к себе.)*

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, у всех сердечко трепещет, когда вы рядом.

ШУМЯКИН *(о чём-то своём)*. Если бы – клопы рояльные... *(Рассматривая пакеты на столе.)* Кто поздравлять приходил?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Коробов и Подгузло. Остальные ещё не успели.

ШУМЯКИН. Остальные думают, директору дали большого пенделя – на-кось-выкусь! *(Делает неприличный жест рукой. Его внезапно прорывает.)* Не дождётесь, морды протокольные! Я всех вас в узел скручу!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, миленький, всё уже позади. Давайте коньячку выпьем. За победу на фронте искусства.

Любовь Васильевна открывает коньяк и разливает его по рюмкам.

ШУМЯКИН. Люба, ты не представляешь, что эти мудососы натворили!.. *(Достаёт из-за пазухи письмо и со всего размаху кладёт на стол.)* Вот! Полюбуйся!..

Любовь Васильевна всё в таком же замедленном темпе протягивает рюмку Шумякину, не обращая внимания на бумагу.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, вы не передумали насчёт кругосветного круиза? На два месяца.

ШУМЯКИН. Люба, какие круизы! Проснись! После такого письма меня должны были в наручниках зафутболить прямо в камеру! Ты хоть прочитай, чё там написано.

Любовь Васильевна наконец-то берёт бумагу и начинает читать с самого верху.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Это в Москву письмо, а почему оно здесь?

ШУМЯКИН. Потому что в Москве, слава богу, не идиоты сидят. Когда Министерство культуры Российской Федерации получило это кляузное письмо от работников нашей филармонии, то оно поступило очень мудро и правильно! Оно направило его в наше управление культуры, а там, слава богу, сидит такой замечательный человек, как Евстахий Палыч, который меня вызвал сегодня и сказал: «Если ты, Азап Калиныч, хочешь и дальше возглавлять своё культурное учреждение, ты должен разобраться с этими заговорщиками и разогнать всё это осиное гнездо. Чтобы впредь мне таких бумаг из Москвы не поступало!» Вот: и тут все фамилии с подписями... на обратной стороне. И знаешь чья подпись первая?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (*переворачивая лист и читая*). Карина Дугова. Честно говоря, я не очень-то удивлена. Скорее всего, её инициатива.

ШУМЯКИН. Певичка позорная! Я тебе этого никогда... не прощу! (*Наливает себе почти полный стакан коньяку, сливает туда из своей рюмки и выпивает залпом.*) Никогда не прощу...

Дверь открывается и входит Коробов в светлом пуловере, из-под которого торчит красный галстук. В руке у него подарочный непрозрачный пакет, в котором что-то лежит.

КОРОБОВ. Кому не простишь? Евстахию Палычу?.. (*Кладёт пакет на стол.*) Это лично от меня. Набор этой... бритвенной косметики.

ШУМЯКИН. Спасибо, Виталик... (*Приобнимает его за плечи.*) Евстахий Палыч – человечисше! За четыре года весь город под себя подмял. Ты его поваром больше не обзывай.

КОРОБОВ. Да я от души, по-доброму.

ШУМЯКИН. Во-во!.. Если б не его добрая душа и большое сердце, я бы уже ту-ту паковал чемоданы. Я ему теперь по гроб жизни обязан.

КОРОБОВ. Ну, мы все ему обязаны. А чё за кипиш-то?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вот. (*Протягивает Коробову письмо.*) Наши бунтари филармонические накатали в Москву жалобку.

КОРОБОВ. Да?.. (*Осторожно берёт бумагу, словно она чем-то инфицирована.*) То-то я хребтом чую, целится кто-то прямо в спину... Я ознакомлюсь?.. (*Читает письмо.*)

ШУМЯКИН. Эти дебилы не понимают, что себе яму копают. Они же этим письмом, можно сказать, помогли мне! Евстахий Палыч сказал: «Если б не эта кляуза, я бы с тобой уже договор расторгнул, как с директором филармонии». Прямо так и сказал. «Но ты, – говорит, – доказал, что можешь отстаивать свою позицию перед всем коллективом. Что ты не слабак и не сбежишь в кусты от всяких там горлопанов. Нам, – говорит, – такие люди позарез нужны! Чтобы бороться с теми, кто хочет в стране посеять хаос! Вот ты и будешь бороться с людьми хаоса».

КОРОБОВ (*читая и одновременно комментируя письмо*). Вот суки... Не скупятся на эпитеты... (*Цитирует с издевательским пафосом.*) «Этот авантюрист заставляет нас покупать билеты на свои же собственные концерты. Нас, создателей культурных ценностей!» Да потому что вас слушать никто не хочет – бандуристы клубные! (*Читает дальше.*) «Хотя концерты стали редкостью, в основном мы ездим по детским садам со сказками». А вам что, по борделям хочется? Ей-богу, я бы сегодня всех уволил.

ШУМЯКИН. Я бы тоже уволил, если б это была моя личная филармония. А так – терпи и крихти. (*Разливает коньяк по рюмкам.*) Любань, давай за компанию...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, домой сами повезёте. На четвёртый этаж.

ШУМЯКИН. Да хоть на пятый. Давай за любовь и дружбу!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Тогда на брудершафт.

Любовь Васильевна и Шумякин пытаются выпить на брудершафт, хотя это и довольно сложно с его небольшим ростом и её пышной грудью. Это целый цирковой номер, на который директор пока не готов.

ШУМЯКИН. Ладно, давай без выкрутасов... по-простецки.

Просто чокаются и пьют. Коробов уткнулся в письмо и никак на них не реагирует.

КОРОБОВ (*продолжая читать*). «Мы так понимаем, что деньги на приобретение аппаратуры и инструментов украдены, и мы вынуждены работать без микрофонов со своими личными колонками от компьютеров, включать музыку со своих планшетов и телефонов»... Слушай, Азап, да за такое упрятать надо в тюрьгу!

ШУМЯКИН. Виталик, не баламуть воздух. Выпей.

КОРОБОВ. Да нет, я говорю, их можно упрятать за ложные обвинения. Они что за руку тебя схватили? У них что, доказательства есть? Микрофоны с аппаратурой у нас числятся в наличии, а если у вас их на концерте нет – уж извините, значит, вы сломали. Значит, вы ещё и порчу имущества будете оплачивать. (*Со справедливым негодованием.*) Что за моральные уроды! Крысы, блин!.. (*Внезапно его осенило.*) Азап, это уголовная статья! Ну да, за ложь и надругательство над государственным лицом. Давай щас нашего юриста вызовем и телегу на этих

тараканов накачаем – пусть в дерьме побарахтаются. Павлюку, нашему судье, отдадим, пусть им впаяет по самое не балуй – штраф тысяч на триста или пусть годик в тюрьге на баланде посидят. Враз поумнеют!

ШУМЯКИН. Не кипятись. Мстить на холодную голову надо. Люба, сама себя обслуживай – без этих давай, без церемоний.

Шумякин явно подобрел от выпитого коньяка и сел на стол.

С этими насекомыми потом разберёмся. Ты лучше скажи, что мне с худруком, с Подгузлом, делать?

КОРОБОВ. А что с ним делать – пусть несёт золотые яйца, пока задница не лопнула.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Да и жена в управлении культуры сидит как-никак. Вдруг пригодится.

ШУМЯКИН. Господи – в отделе кадров! Ты дальше, дальше читай. (*Тычет пальцем в письмо.*) Там и про худрука написано, и про нас с тобой.

КОРОБОВ (*читая дальше*). «Художественный руководитель филармонии Николай Васильевич Подгузло является депутатом, почётным гражданином, профессором университета, руководителем ансамбля...» – до хрена ещё перечислений – «...Он просто подставное лицо, на которое директор филармонии и его заместитель Коробов выписывают себе гранты, под его фамилию создают фальшивые проекты, как, например, “Вечер джазовой музыки с лучшими саксофонистами России”, о котором мы случайно узнали. Хотя в действительности такого концерта не было...» Люба, у тебя новая бухгалтерша не слишком часто курит в общей курилке, а?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Витал Талыч, об этом проекте никто не знает кроме меня. И нас с вами.

ШУМЯКИН. И Евстахия Палыча.

КОРОБОВ. И нашего яйценосного Подгузла.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, зачем вам этот якорь на шее? Он нас всех на дно утянет.

КОРОБОВ. Лучше часть денег потерять, чем свободу. Избавляйся от него, Азап, – я хребтом чую, когда трындец подбирается.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Евстахий Палыч вам первый спасибо скажет. И жена тут не спасёт.

ШУМЯКИН (*распалая себя*). Виталик, я в этой библиотеке заживо гнию зачем? Я, заслуженный работник культуры, зачем, как бомж, ючусь по чужим кабинетам? Вот мне это надо?

КОРОБОВ. Ради искусства.

ШУМЯКИН. Ради вас, идиоты! Чтоб вы подправили своё материальное положение. Люба, скажи, сколько мы лишимся в денежном эквиваленте, если уйдёт наш худрук.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Много. И возможностей много упустим. Но с другой стороны...

КОРОБОВ. С другой стороны, надо взять нового человека – и всё начать с чистого листа.

ШУМЯКИН (*вспыхивая и негодуя*). Виталик, ты себя слышишь? Да новый человек здесь таких дел наворачивает – будем в колонии разгребать!.. Да, Подгузло – мерзавец и слизняк, но уже прирученный, свой.

КОРОБОВ. Тогда пусть делает всё, что мы скажем – от и до!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Согласна с Витал Талычем. Пусть пожётче будет, понапористей.

ШУМЯКИН. Уговорили... (*Набирает номер на сотовом телефоне.*) Николай Василич, я вижу, вы совсем закружились... Говорю, в делах всё, в хлопотах... Не забыли обо мне?.. Ну, конечно. Мы уже, понимаете, на всю катушку отмечаем восшествие Николая Второго на престол... Ну да. Поэтому с нетерпением и благоговением ждём дражайшего нашего худрука... Ах, вы рядом? Ну и отлично. (*Кладёт трубку.*) Сейчас подойдёт. Говорит, в туалете сидел, живот прихватило.

КОРОБОВ. Врёт, как дышит.

ШУМЯКИН. Пусть врёт, лишь бы польза была.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, может быть, я уйду?

ШУМЯКИН. Нет, Люба, ты у нас в качестве этого будешь... специалиста по финансовым вопросам. Ах, чуть не забыл!.. (*Достаёт из дипломата папку с бумагами и протягивает их Коробову.*) Эти твои проекты по новой филармонии и близлежащей территории... Очень пригодились. Евстахий Палыч сказал, что в подвале под филармонией можно и ночной ресторан открыть. Каждый квадратный метр должен копейчку приносить... Смекаешь?

КОРОБОВ. А в фойе что, пивнушку откроем?

ШУМЯКИН. Фойе наше с тобой будет. Потом рядом гостиницу отстроят для гастролёров. Пятизвёздочную! С торгово-развлекательным комплексом. Там и аквапарк, и чёрта лысого там тока нет! Дай срок! Так развернёмся, соседи от зависти подавятся.

КОРОБОВ (*недовольно*). У повара понос от обжорства не случится?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Не к столу такие разговоры.

Слышен стук в дверь.

ШУМЯКИН. Не занято. Входите.

В узкий проём двери сначала просовывается лысина худрука Подгузло, затем плечи, грудь, а потом уже и остальное туловище, словно дверь шире не открывается.

ПОДГУЗЛО. Не помешал?.. Азап Калиныч, мои вам самые искренние поздравления!.. (*Жмёт руку директору.*) Как говорится, чтобы ваш талант руководителя принёс ещё много пользы нашей замечательной филармонии. Ура!

Любовь Васильевна подаёт худруку рюмку и бутерброд.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Здесь балык и сыр, Николай Василич, как вы любите.

ШУМЯКИН (*шутливо грозя пальцем*). Ох, Любовь Васильна, ухаживаете за Николай Василичем, как эта... Прямо шуры-муры у вас, смотрю.

ПОДГУЗЛО. Что вы, что вы, Азап Калиныч, у нас всё пристойно... Только я немножечко. Пригублю чуть-чуть.

КОРОБОВ. Мы все щас чуть-чуть пригубим...

Все берут рюмки и бутерброды.

Предлагаю выпить за бескрампра... (*Запинается и замолкает.*) Сейчас со второй попытки... За бескрампрам... Блин, что это у меня с языком!

ПОДГУЗЛО (*ехидно улыбаясь*). Вы сегодня явно перетрудились. Давайте просто выпьем за мир во всём мире.

ШУМЯКИН. Нет, давайте за летальный исход для наших врагов.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, не хулиганьте.

КОРОБОВ. Да погодите вы! Я пока не выговорю, я не успокоюсь.

ШУМЯКИН. Тогда не торопись.

КОРОБОВ. Давайте выпьем за принципиальность и...

ПОДГУЗЛО. И!.. (*Помогает ему, отбивая такт ладонями.*)

КОРОБОВ (*говоря в такт по слогам*). Бес-ком-про-мисс-ность! – в творчестве. Вот!

Все чокаются и пьют.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (*томно, Коробову*). Вы сегодня в ударе. (*Подгуз-ло.*) Это было гениально.

ШУМЯКИН. Люба, не совращай моих подчинённых.

ПОДГУЗЛО (*смакуя коньяк*). М-м, какой изыск!.. Французский?

КОРОБОВ. Гипермаркетовский.

ШУМЯКИН. Николай Василич, ты кушай как следует и пей. А то как неродной, понимаешь, цедишь коньяк сквозь зубы. Выпил хорошо – закуси борщом, говорил мой дед.

ПОДГУЗЛО. Вам уже отдали мой подарок? Самая брендовая фирма, как говорит молодёжь.

ШУМЯКИН. Ты погоди про подарки. Ты мне скажи, Николай Василич, кто из наших работников про «Вечер джазовой музыки» знает?

ПОДГУЗЛО. Ну что вы, Азап Калиныч, я ведь понимаю – информация конфиденциальная, как говорится, для служебного пользования.

КОРОБОВ. Сейчас не до шуток.

Коробов берёт письмо и суёт его под нос худрука.

Вот это вот гниды написали в Москву. Про «Вечер джазовой музыки» написали, что вы в филармонии только в день зарплаты появляетесь... Писатели хреновы. В нашем управлении письмецо оказалось.

ПОДГУЗЛО. Вы позволите?

Подгузло берёт письмо и садится в уголок, чтобы его прочитать.

ШУМЯКИН. Я, Николай Василич, честно скажу, если я с кем-то в команде работаю, я на него полагаюсь, как на самого себя. Без взаимного доверия нам никак нельзя.

ПОДГУЗЛО. Азап Калиныч, клянусь, жена ничего не знала. Видимо, это было в большом секрете...

КОРОБОВ. Это, конечно, не моё собачье дело, но я бы предложил Николаю Василичу разбить бригаду Карины Дуговой на две части.

ПОДГУЗЛО. Да-да, я согласен.

ШУМЯКИН. Это ерунда всё. Дугову надо увольнять.

Сразу же возникает пауза. Все переглядываются друг с другом кроме директора.

И увольнять за непрофессионализм, за то, что она разваливает работу своей бригады.

ПОДГУЗЛО. Ну, она как бы мастер сцены. По категории.

ШУМЯКИН. Певица она опытная, никто не спорит, но кроме опыта есть ещё руководительские способности.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (*подсказывая*). Руководящие.

ШУМЯКИН. Тем более. А работу бригады своей она полностью провалила.

ПОДГУЗЛО. Азап Калиныч, у них как бы грамоты есть от нашего Управления культуры. Как же мы их... это...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. И вы её денежными премиями поощряли.

КОРОБОВ. Азап Калиныч,дохлый номер. Мы Дугову даже с места не сдвинем.

ШУМЯКИН. А то как же – не просто сдвинем, а сковырнём! Чтоб никому не повадно было. А Управление культуры нам ещё спасибо за это скажет. И вы, Николай Василич, нам в этом должны помочь.

ПОДГУЗЛО. Я всегда рад помочь прекрасным людям. Как говорится, не имей сто рублей...

КОРОБОВ. А имей сто богатых друзей. С каждого друга по пять тыщ – уже машина.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Я согласна, профессиональные качества у плохого человека становятся оружием массового поражения. По мне – доброго музыканта гораздо приятнее слушать, чем злого.

ШУМЯКИН. Золотые слова. И мы как культурное учреждение вопросам человечности и морали должны уделять самое первое значение... то есть внимание.

КОРОБОВ. Так, господа, я предлагаю выпить за то, чтобы в следующем году мы въехали в новое отремонтированное здание филармонии в обновлённом составе.

ПОДГУЗЛО *(с тревогой)*. В смысле?

КОРОБОВ. С новыми музыкантами, с новым репертуаром – но! Со старым и опытным руководством.

ШУМЯКИН. Виталик, дай я тебя обниму по-братски. *(Обнимает Коробова так, что тот кряхтит.)*

КОРОБОВ *(не без удовольствия)*. Азап, кости сломаешь, блин!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА *(Подгузлу)*. Отец Витал Талыча служил в одной роте с отцом Азап Калиныча.

ПОДГУЗЛО *(расплываясь в пьяной улыбке)*. Замечательно. Как говорится, по-дружески в одном кабинете...

Слышен стук в дверь.

ШУМЯКИН *(благодарно)*. Люба, узнай, кому там чего отвесить...

Любовь Васильевна подходит к двери и приоткрывает её слегка.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА *(говоря тому, кто за дверью)*. Азап Калиныч на данный момент очень занят... Я ещё раз повторяю, Азап Калиныч не в том состоянии, чтобы разговаривать на личные темы... Зайдите завтра.

ШУМЯКИН. Кому там неймётся?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА *(говоря тем, кто в кабинете)*. Баянист Божко. Семён Аркадич. По личному вопросу.

ШУМЯКИН. Что – жениться собрался или в запой?

КОРОБОВ. У него с Дуговой конфликт вышел. Она его из бригады попереть собралась.

ШУМЯКИН. Ишь, какая шустрая. Кто ж ей позволит. А ну-ка, зови пострадавшего. *(Кричит в сторону двери.)* Семён Аркадич! Божко! Залазь.

Дверь полностью открывается, и входит Божко. Увидев в кабинете столько народу и накрытый стол, он начал пятиться, но тут же был остановлен мягкими и сильными руками Любови Васильевны.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Семён Аркадич, присоединяйтесь к нашему столу. Сегодня праздник, грех отказываться.

СЕМЁН. Ну да, я уже в курсе. *(Шумякину.)* Поздравляю!.. *(Жмёт ему руку.)*

КОРОБОВ. Выпить хочешь? *(Наливает рюмку.)*

СЕМЁН. Нет-нет, я в завязке, работы море.

ПОДГУЗЛО. Семён Аркадич прав, завтра у них выезд, ответственный концерт в районе. Нужно быть в форме.

ШУМЯКИН *(морщась как от кислого)*. Какой ответственный концерт, ей-богу! В детском садике сказку «Колобок» петь – вот и весь концерт.

ПОДГУЗЛО. Ну, всё равно ответственность. Воспитание молодого поколения. Передача культурных ценностей.

ШУМЯКИН. Николай Василыч, хватит жужжать, ей-богу. Мне эта ахинея

там надоела (*поднимает вверх указательный палец*), а ты мне ещё тут праздник загадить хочешь. Перенесут выступление на другой день, пусть детишки поспят побольше. Давай, Семён, пей, ешь...

КОРОБОВ (*подталкивая Семёна к столу*). Семён, ну что ты как неродной – давай налегай, директор разрешил.

Любовь Васильевна подносит ему полную рюмку.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Давайте, Семён Аркадич, за Азап Калиныча.

ШУМЯКИН. Не надо за меня. За процветание музыкальной культуры и нашей филармонии.

СЕМЁН. Ну да, за это грех не выпить.

Семён выпивает, и Любовь Васильевна тут же ему подсовывает бутерброд с колбасой.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Кушайте побольше мяса для мужской силы.

ШУМЯКИН. Любовь Васильевна, не развращай сотрудников... Лучше бумажку мне принеси.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. В смысле?

ШУМЯКИН. Господи, чистые листы бумаги и ручку мне можешь принести?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Так бы и сказали. (*Выходит из кабинета.*)

ШУМЯКИН. Виталик, поухаживай за братом, а то, вижу, он стесняется.

КОРОБОВ. Конечно. (*Наливает ещё рюмку.*) Давай, Семён, вдогоночку... Не отставай от общества.

ШУМЯКИН. Семён, скажи честно, ты знал про письмо в Москву?

СЕМЁН. Какое письмо?

КОРОБОВ. Дугова в Москву, в Министерство культуры, письмо накатала. Там полфилармонии подписей. Против дирекции.

СЕМЁН. Нет. Даже не слышал.

КОРОБОВ (*Шумякину*). Не будут они моему родственнику подмётные письма подсовывать – мало ли чего. (*Семёну.*) Ты пей давай, не держи тару.

Семён вливает содержимое себе в рот одним махом. Любовь Васильевна возвращается с несколькими листами бумаги.

ШУМЯКИН. В общем, облили всех дерьмом: Виталика твоего, меня, главбуха – всё начальство. Ну, типа, в новую филармонию въедем с новым начальством. Да и музыкантов, думаю, не всех с собой заберут.

СЕМЁН. Ничего не понял – кто не заберёт?

КОРОБОВ. Инициативная группа.

ПОДГУЗЛО. Я так понимаю, это несколько музыкантов, которые решили, что они лучше всех. Они будут решать судьбу филармонии и всех нас.

СЕМЁН. Кто это?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ваша любимая Карина Дугова.

СЕМЁН (*криво усмехаясь*). Скажете тоже – любимая. Я из-за неё уже вторую неделю на нервах... как заведённый.

ШУМЯКИН. Вот, Семён. И терпеть это не надо. Не надо унижаться перед Дуговой.

СЕМЁН. Я ни перед кем унижаться не буду.

ШУМЯКИН. Правильно, поэтому напиши письмо в поддержку филармонии и всего руководства.

СЕМЁН. Руководства?

КОРОБОВ. Про руководство можешь не писать. Просто в защиту филармонии.

ПОДГУЗЛО. Ну да, так патриотичнее.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вот здесь удобнее... (*Кладёт на стол большой кожаный фолиант, а сверху листок.*) На умной книжечке. Пишите себе в удовольствие. (*Протягивает ему ручку.*)

СЕМЁН. Как-то это...

КОРОБОВ. Не бойся, мы продиктуем, тебе голову не надо ломать.

СЕМЁН. Да я не об этом. Почерк у меня жуткий... Да и после этого дела (*щёлкает пальцем себя по горлу*) муть в голове такая...

ШУМЯКИН. Семён!.. Никто же не говорит, что это прямо сейчас нужно. Потом зайдёшь, вместе напишем.

КОРОБОВ. Да ну, зачем в долгий ящик откладывать! По-быстрому начиркаем...

ПОДГУЗЛО. Нет-нет, господа, тут нельзя скоропалительно. Надо всё обдумать, взвесить...

КОРОБОВ. Да что вы, ей-богу! Кого там взвешивать!..

ШУМЯКИН. Виталий, не кипятись, худрук прав.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Секундочку! Давайте сделаем проще: пусть Семён Аркадич подпишет внизу чистый лист, а мы потом впишем всё, что надо. И не будем у человека драгоценное время отнимать, и сами как следует подумаем – такие вещи впопыхах не делаются.

ШУМЯКИН (*гордо*). И кто скажет, что я плохой директор? Во какого главбуха нашёл!

СЕМЁН. Опасно.

КОРОБОВ. Чего опасно?

СЕМЁН. Да мало ли: кто-нибудь возьмёт и впишет «прошу уволить по собственному желанию». А внизу уже подпись моя.

КОРОБОВ. Семён, ты дурак, что ли?

ПОДГУЗЛО. Семён Аркадич дурачится. Он знает, так никто не может поступить.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Свидетелей слишком много.

ШУМЯКИН. Семён Аркадич, слово директора – как только напишем, сразу же тебя вызову, прочтёшь и утвердишь! Без твоих санкций использовать никому не позволю!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (*поправляя*). Без разрешений вы имели в виду.

ШУМЯКИН. Любовь Васильна, не мучай меня словами, я в этом не силен. Давай, Семён, выпьем на брудершафт!.. (*Наливает себе и Семёну.*) Любовь Васильна, не пожадничай, выпиши премию Семён Аркадичу. Прямо щас!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Выписываю. Пять тысяч. (*Достаёт из стола директора купюру и кладёт перед Семёном.*) Примите.

СЕМЁН. Ладно. (*Кладёт купюру себе за пазуху.*) Буду надеяться, Виталий Витальевич, не допустит никаких махинаций с моей подписью.

КОРОБОВ. Сеня, я за троюродного брата любого расшибу! С разбегу, как старый шифоньер.

ШУМЯКИН (*дрогнувшим голосом*). Виталик, ты человек. Если б у меня был такой брат, я бы с ним хоть в разведку.

ПОДГУЗЛО. Такие люди редкость. Мамонты.

КОРОБОВ. Семён, чего ты замер-то, блин?

Семён так и стоит над листом с ручкой, будто скульптура.

СЕМЁН. Да вроде как неприлично это.

КОРОБОВ. В смысле?

СЕМЁН. Вдруг клязу кто-нибудь от меня напишет?..

ШУМЯКИН. Семён, неужели ты обо мне так думаешь? О своём директоре?

СЕМЁН. Мало ли, кто-нибудь зайдёт и воспользуется.

ШУМЯКИН. Сейф видишь? (*Указывает на сейф.*) Как только ты подпишешь, я бумагу сразу туда спрячу, а ключ в сейф Любовь Васильны положу и опечатаю, потому что там деньги лежат. Видишь, я даже не побоялся тебе такую секретную информацию выдать.

ПОДГУЗЛО. Семён Аркадич, мне даже как-то неловко перед директором...

СЕМЁН. Ладно. (*Машет рукой.*) Если что случится, моя совесть чиста, как этот лист... Вот... в двух экземплярах!

Семён делает внизу две подписи на двух чистых листах – и бросает ручку об стол.

Всё! Забирайте.

Дальше возникает оживление в пьяной компании, бестолковые разговоры, хаотичное движение по кабинету, как это обычно бывает у пьяных людей. Какие-то выкрики, смех, обрывки фраз, скомканые разговоры, непонятные жесты, телодвижения...

Эта сцена полностью зависит от бурной фантазии актёров и режиссёра.

ШУМЯКИН. Так, я бы попросил налить Семён Аркадичу. Штрафную, он с нами не с самого начала...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Самообслуживание... Витал Талыч!..

КОРОБОВ. Агусеньки?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Говорят, после ремонта в филармонии будет три сцены.

ПОДГУЗЛО. Обязательно! Для оперы и балета, для симфонического оркестра, для эстрадников...

ШУМЯКИН. Какие на хрен три сцены! Мы на одной-то не знаем чего показывать. Они в управлении себе галочку поставят, в Москву отапортуют о завершении ремонта, а у нас элементарных прожекторов нету. Оперу они захотели! Эстраду! Семён, сыграй им эстраду...

СЕМЁН. Жалко баяна нет... Я могу на ложках постучать... *(Стучит ложками по бутылкам.)*

КОРОБОВ. Сеня, стекло кокнешь! И так денег нету.

ШУМЯКИН. Не ссы, Виталик, на столичных гастролёрах бабки заработаем – стёкла купим.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, не выражайтесь! Говорите «сикать».

ПОДГУЗЛО. Я могу вместо музыки себе по животу постучать... Смотрите, целый номер!.. *(Стучит себя по животу и издаёт ртом пукающие звуки.)*

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА *(напевая)*. «Я танцевать хочу, я танцевать хочу до самого утра!.. Как будто два крыла... тари-ра-ра-ра-ра...»

СЕМЁН. Я с детства мечтал на ударных играть... Чё мне этот баян сдался?..

КОРОБОВ. Завтра сам пойду концерты продавать... Я сам! Пусть смотрят, уроды тупые!..

ПОДГУЗЛО. Надо рукой, рукой вот так вот надо!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ай, я щас упаду!..

ШУМЯКИН. Хоп, хоп!.. Ножкой топ, топ!..

СЕМЁН. Ещё, ещё!.. Где, бли-ин?..

КОРОБОВ. Ничё уже нету...

ШУМЯКИН. Всё есть... всё есть...

СЕМЁН. Да там они...

ПОДГУЗЛО. Ничего не понимаю...

КОРОБОВ. Куда он хотел-то?..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Отстаньте...

СЕМЁН. Ну да, ну да... Прямо так...

Дальше уже слышатся нечленораздельные звуки, человеческие фигуры превращаются в тени, которые барахтаются в сером сумрачном кабинете, как мухи, которых бросили в банку с водой и плотно закрыли. Свет гаснет.

Второе действие

На следующий день. В фойе библиотеки на пуфике сидит Карина Дугова, слегка полноватая высокая женщина с красивым ожерельем на шее и пуховым платком на плечах, на коленях у неё раскрытые ноты; она что-то разучивает, открывает рот и беззвучно поёт, слегка дирижируя себе рукой. Из-за колонны, за которой находится коридор, ведущий к кабинетам дирекции, появляется Подгузло. Он несколько секунд наблюдает за женщиной, затем осторожно подходит к ней.

ПОДГУЗЛО. Добрый день, Карина Викторовна. Работаете?

КАРИНА. Здравьете, Николай Василич. Смех это, а не работа. Как я могу вокальную партию в библиотеке репетировать? Уж лучше б нас в баню переселили, там хоть и петь можно, и париться заодно. Сижу, как карась на песке, воздух ловлю.

ПОДГУЗЛО (*пытаясь шутить*). Куда заселился, там и сгодился, как говорится... Карина Викторовна, вам бы надо с директором почаще встречаться, оказывать на него, так сказать, творческое влияние...

КАРИНА. Интересно, что я могу бывшему директору горсада рассказать о классической музыке? Оно ему надо?

ПОДГУЗЛО. Карина Викторовна, вы уж себя так сверху позиционируете – к вам и подступиться страшно!

КАРИНА. Николай Василич, не юлите, скажите прямо, что от меня надо?

ПОДГУЗЛО (*сделав строгое лицо*). Карина Викторовна, ситуация накалилась до предела, так сказать...

КАРИНА (*перебивая*). В чём это выражается?

ПОДГУЗЛО. Это выражается в очень серьёзных вещах! Вы должны попросить у директора прощения.

КАРИНА. Здравьете! За что интересно? Они мне выпивоху в бригаду подсунули, денег недоплачивают, даже на бензин не дают – а я им, значит, простите меня, пожалуйста! Николай Василич, вы с ума сошли?

ПОДГУЗЛО. В таком случае... будет катастрофа!

КАРИНА. Мне Семён уже намекнул про вашу катастрофу – из одной бригады две хотите сделать? А вот это видели? (*Показывает фигу.*) Давайте я буду водителем, контролёром на своём концерте, могу микрофоном поработать...

ПОДГУЗЛО. Это ещё не самое плохое, Карина Викторовна. Вы не понимаете всю глубину последствий...

КАРИНА. Вы мне угрожаете, что ли? Может, уволить хотите?

ПОДГУЗЛО. Я пытаюсь...

КАРИНА. Ещё неизвестно у кого будут последствия. (*Заканчивает репетицию, собирает тетрадки и собирается уходить.*)

ПОДГУЗЛО (*тревожно*). Вы куда в рабочее время?

КАРИНА. К Евстахию Пальчу. Я буду делать последствия для директора.

ПОДГУЗЛО. Карина Викторовна, не делайте глупостей. Я чисто из уважения к вашему таланту... Пытаюсь помочь, понимаете ли... Вы только усугубите своё положение – вам туда нельзя!

КАРИНА. Это почему же?

ПОДГУЗЛО. Потому что ваше письмо там... Из Москвы письмо вернули Евстахию Пальчу. Вот.

КАРИНА. Ну, хорошо, что вернули. Значит, он в курсе.

ПОДГУЗЛО. Карина Викторовна, не бегите впереди паровоза. Всё не так просто...

КАРИНА. Зачем усложнять там, где всё просто и понятно. А если будете

усложнять, я доберусь до самого президента! Николай Василич, не путайтесь под ногами!..

Карина уходит, а Подгузло остаётся в растерянности.

ПОДГУЗЛО. Опять что-то не так сказал... что-то не то...

Появляется Семён Божко, за плечами у него висит баян.

СЕМЁН. Куда это Дугова полетела?

ПОДГУЗЛО. Семён Аркадич, вы бы остановили её.

СЕМЁН. Зачем вставать на пути у товарного поезда? Бессмысленно.

ПОДГУЗЛО. Ну что ж, если Карина Викторовна дров наломает... я сделал всё, что мог. Как говорится, силы оказались неравными...

СЕМЁН. Да вы не переживайте, Николай Василич, сейчас все, кто без правды живут, вымирают потихонечку.

ПОДГУЗЛО. В смысле?

СЕМЁН. Ну, говорят, пришествие скоро, сейчас божий промысел идёт. Все, кто врут, воруют, матом ругаются – они все умирают от онкологии или от непонятного вируса...

Худрук смотрит на Семёна, как на инопланетянина, не зная что сказать. Да и стоит ли?..

ПОДГУЗЛО. Ах, вон что!.. Вы серьёзно?

СЕМЁН. Серьёзно. В Интернете пишут – капец стране! Второе пришествие! Я так смотрю вокруг: думаю, может и правы они... Все как-то себя ненормально ведут, будто у многих сдвиг по фазе пошёл.

Семён видит бегущую в их сторону Любовь Васильевну.

Ладно, пойду закуток какой-нибудь поищу, порепетирую. (*Уходит.*)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Николай Василич, что такое с Кариной Викторовной?

ПОДГУЗЛО. А что с ней?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Я вот у вас и хотела узнать, что с ней.

ПОДГУЗЛО. Я выполнял поручение дирекции. Передал слова, так сказать. Всё в сдержанных тонах, культурно...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ворвалась в бухгалтерию, стала требовать финансовый отчёт за весь год! Я говорю, вы кто такая? Вы кто такая, чтобы требовать финансовые документы? Она понесла – всех музыкантов обманывают, недоплачивают, про какие-то фальшивые концерты кричала... Ужас какой-то!.. Как будто её науськали. Я уж грешным делом на вас подумала...

ПОДГУЗЛО. Ну уж вы из меня революционера не делайте. Я человек порядочный, культурный. К руководству лояльный.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Да нет, я подумала, может, сболтнули чего по неосторожности, мало ли.

ПОДГУЗЛО. А что я мог сболтнуть?..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Про письмо не надо бы... что Евстахий Палыч нам его передал.

ПОДГУЗЛО (*качая головой*). Ай, как нехорошо!.. Надо бы Азап Калиныча предупредить. Вы бы, Любовь Васильна, побеспокоились о своём... (*Осёкся.*)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (*вскинув брови*). Вы о чём?

ПОДГУЗЛО. О начальнике о своём побеспокоились бы.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Я уже не понимаю, как он все эти гадости выслушивает!.. И вот опять ему в уши всякие подлости вдвухать... Сумасшедший дом какой-то!.. (*Уходит.*)

У Подгузло в брюках звенит телефон, Он торопливо достаёт его, чуть не роняет.

ПОДГУЗЛО. Алло?.. Мусечка, я тебя прошу, не звони мне на работу в середине дня, у меня репетиции, совещания – ты меня ставишь в неловкое положение... Нет, у меня голос не дребезжит!.. Что говоришь?.. Евстахия Палыча увольняют?.. Но это не может быть!.. Кого-то из Москвы пришлют?.. Мусечка, я не могу вот так вот взять и уволиться отсюда! Без меня филармония просто рухнет!.. Я здесь единственный вменяемый руководитель... Всё-всё, родная, дома поговорим. (*Кладёт трубку.*) Слава богу, Дуговой про увольнение ничего не сказал.

Откуда-то из темноты появляется Семён с тем же баяном на плече.

Он трёт ушибленную голову.

СЕМЁН. Всё, Николай Василич, домой пойду.

ПОДГУЗЛО. Что опять такое?

СЕМЁН. Что-что – в библиотеке репетировать негде. Хотел в котельной поиграть, как саданулся об трубу, аж искры из глаз!.. Не видно ни черта...

ПОДГУЗЛО. Хорошо, хорошо. Вы только в журнале распишитесь, что были на рабочем месте.

СЕМЁН (*криво усмехаясь*). Это какое же у меня рабочее место? Даже интересно. На книжной полке, что ли? Или возле туалета?

ПОДГУЗЛО (*морщась, как от кислого*). Семён, прекратите! Что вы как ребёнок, ей-богу. Все находятся в такой нестандартной ситуации... Надо как-то с пониманием, что ли...

СЕМЁН. Надоело. Когда ко мне с пониманием будут относиться? Зря я тогда бумагу эту вашу подписал!

ПОДГУЗЛО. Ну уж!.. (*Разводит руками в стороны, словно говоря, теперь уже поздно что-либо отменять.*)

Семён, повыше и поудобней закинув на плечо ремень от баяна, пошёл в сторону служебного входа.

(*Мыслит вслух.*) Не знаю, может, и правда уволиться. Невелика потеря... да и здоровье как-то... (*Уходит.*)

Тот же самый кабинет директора филармонии. Шумякин, развалившись в кресле и вытянув ноги, насколько это возможно при его росте, разговаривает по телефону. На самом деле, сбоку кресла торчит только пузо и рука с телефоном.

ШУМЯКИН. Ты мне этого Тырамырова на кой чёрт прислал? Да мне попсовый эстрадник нужен, зачем твой поющий экстрасенс... Сейчас по телевизору каких только уродов не показывают – всех их на сцену, что ли, тащить?.. Народ уже плюётся от этих рептилоидов... Филармонию обещали после Нового года сдать. Сейчас только в Доме культуры площадку дам... С драмтеатром можно поговорить... Евстахия Палыча обижать нельзя, а то в следующий раз ты хрен куда сунешься у нас в городе.

Входит взбудораженная Любовь Васильевна.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч!

ШУМЯКИН. Люба, я работаю, ты не видишь?.. *(В телефон.)* Ну, это дураки только деньгами не делятся. Мы же не дураки.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, тут безобразия полнейшее!..

ШУМЯКИН *(строго)*. Любовь Васильевна! *(В трубку.)* Не могут без меня, хоть тресни! За каждым надо ходить и показывать, что ему делать, как ему делать... Ой, что ты, шагу без директора ступить не могут... Ладно давай. А насчёт фокусников подумай, народ на фокусы падкий, ему хоть дурацкий фокус давай – всё проглотят. *(Кладёт трубку.)* Слушаю, Любовь Васильевна.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, Дугова с ума сошла.

ШУМЯКИН. Что ж здесь удивительного? Она хоть и певица, но климакс у неё никто не отменял. Пора бы уж привыкнуть к её выпадам.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вы не понимаете, она собралась к Евстахию Палычу идти, в Управление культуры.

ШУМЯКИН. Замечательно. Евстахий Палыч умеет беседы проводить – долго, строго, обтекаемо.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Да что ж такое-то, Господи! *(В отчаянии всплёскивает руками.)* Ей Подгузло всё рассказал.

ШУМЯКИН. Что всё?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Про письмо рассказал, которое в Москву. Что оно теперь у Евстахия Палыча.

ШУМЯКИН *(пытаясь собраться с мыслями)*. Так, хорошо... И чем это мне грозит?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Конкретно вам, конкретно сейчас, может быть, и не грозит.

ШУМЯКИН. Уже лучше.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Но если она поймёт, что вы с Евстахию Палычем в сговоре, она может на вас обоих телегу накатать – туда! Самому! *(Поднимает указательный палец вверх.)*

ШУМЯКИН. Ну так она не поймёт.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Здрасьте, вы ж её увольнять собрались.

ШУМЯКИН. Люба, ты не тяни kota за уши! Что ты мне конкретно сделать предлагаешь? Наградить её? Денежную премию выписать? Или на своё место посадить?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, вам надо её своим замом сделать.

ШУМЯКИН. Люба, ты с ума сошла? У меня же Коробов всю жизнь в замах, ещё с горсада... Да ещё в клубе газовиков когда начинали вместе. Это ж моя правая рука и левая нога.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, я вам плохого никогда не желала. Интуиция у меня, сами знаете, бешеная.

ШУМЯКИН. Ну да, в тот раз от ревизии меня здорово спасла...

Дверь открывается и наполовину из двери появляется Коробов.

КОРОБОВ. Азап Калиныч, ты свободен?

ШУМЯКИН. Заходи, Виталик.

Коробов входит, по его настороженному лицу уже видно, что он в курсе чего-то нехорошего, но не в курсе, что именно произошло.

КОРОБОВ. Что за кипиш такой в бухгалтерии?

ШУМЯКИН. Да вон Дугова про письмо узнала. Худрук проболтался.

КОРОБОВ. Так ты её увольнять собрался.

ШУМЯКИН. Это надо всё стратегически, Виталик, надо момент подловить, потом – чик – и подсекай. Как на рыбалке.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Карина Викторовна обещала до президента добраться. Кому эта головная боль?..

КОРОБОВ. Ну, в таких случаях человека подкупить надо. Как это... деморализовать.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Предлагаю выписать ей премию. В тройном размере.

КОРОБОВ. Фигня. Премию она проест, а потом всё по-новой.

ШУМЯКИН. Что, каждый месяц ей отстёгивать?

Телефонный звонок – звучит знакомое уже Trololo. Шумякин поднимает трубку и сразу же его голос и выражение лица становятся подобострастными.

Да-да, Евстахий Палыч, слушаю!.. С Дуговой что делать собрался? Да ничего особенного. То есть – буду увольнять. Конечно... Как не надо?.. Худруком?.. Да, идея перспективная. Многообещающая... Нет, я в Иркутск не хочу... Сегодня же.

Шумякин кладёт трубку и опускается в кресло.

КОРОБОВ. Азап, внеси ясность.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Не тяните душу!

ШУМЯКИН. Евстахий Палыча переводят в Иркутск...

КОРОБОВ. Это же каторга!

ШУМЯКИН. Успокойтесь! Может, ложная тревога, он ещё сам толком не знает.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Из-за письма?

ШУМЯКИН. Не знает он. Может, и из-за письма. Поэтому разговоры об увольнении Дуговой прекратить. Вообще предлагает назначить её худруком, а Подгузло с почестями на пенсию.

КОРОБОВ. Дурдом на гастролях.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А с вами что? С нами со всеми что будет?

ШУМЯКИН. Уравнение с тремя неизвестными...

КОРОБОВ. Не паникуй... Пусть мне Любовь Васильна бумажку принесёт, которую Семён подписал.

ШУМЯКИН. Мы же там хотели эту... в поддержку дирекции.

КОРОБОВ. Детский сад всё это. Неси бумагу, Любовь Васильна!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Нести?

ШУМЯКИН. Ну, неси, неси.

Любовь Васильевна выходит, и действие опять переносится в фойе, по которому идёт Божко, на плече у него уже нет баяна, зато в руках он держит две маракасы.

СЕМЁН. Был баянист – стал маракасист. Блин! (*Трясёт маракасами.*)

Навстречу Божко выходит Карина Дугова и решительным шагом идёт ему наперерез.

КАРИНА. Запомни, Семён, если вы со своим братцем придумали развалить мою бригаду, я этого так не оставлю!

СЕМЁН. Карина, я вообще не в курсе, чего там у них в кабинетах творится!.. Думаешь, Коробов со мной советуется? Вон, маракасы всучили. Из-за тебя, между прочим.

КАРИНА. Со мной ты ездить не будешь – сколько можно твои пьянки терпеть! Гитаристу будешь маракасами над головой трясти.

СЕМЁН. Успокойся. Я завтра кодироваться иду.

КАРИНА. Делай что хочешь, хоть в монастырь иди. Я предупреждаю. Я пойду в Управление культуры. Если здесь все повязаны, значит, пойду выше.

СЕМЁН. А если и там повязаны?

КАРИНА. Ничего, божьего суда все боятся, даже цари.

СЕМЁН. Ты что, анафеме их предашь?

КАРИНА. У меня есть средства. Тебе не расскажу.

СЕМЁН. Ой, как страшно.

Мимо проходит Любовь Васильевна.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Карина Викторовна, зайдите в бухгалтерию. Я

вам за прошлый месяц премию забыла выдать. С этими отчётами голова кругом...

СЕМЁН. И у меня за прошлый месяц ничего не было.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Попозже чуть, Семён Аркадич, не всё сразу. Пойдёмте, Карина Викторовна.

КАРИНА (*Семёну*). Понял? В трудный момент мне даже судьба помогает.

Любовь Васильевна уходит первой, а следом за ней спешит Карина Дугова.

Семён озадаченно смотрит на маракасы в руках.

СЕМЁН. Ничё не понимаю – с кем репетировать? То ли я с гитаристом буду, то ли сам по себе... Бардак!..

Снова кабинет директора. Коробов сидит за компьютером и набирает текст.

Директор стоит поодаль и что-то обдумывает.

ШУМЯКИН. Думаешь, Павлюк заявление примет задним числом?

КОРОБОВ. Задобрим. Значит так: письмо это Семён написал ещё до письма Карины в Москву. Мол, худрук развалил работу в филармонии, директор с замом ничего сделать не могут...

ШУМЯКИН. Идиоты, раз не могут.

КОРОБОВ. Ну-ну... Худрука кто у нас назначал? Евстахий Палыч. Как же мы повлиять можем? Никак.

ШУМЯКИН. Евстахий Палыч, значит, виноват?

КОРОБОВ. Ты за повара не переживай. Он без хлеба с маслом не останется.

ШУМЯКИН. Тогда вот чё напиши: «Также у меня имеется афиша концерта «Лучшие саксофонисты России», которого на самом деле не было». Напечатал?

КОРОБОВ. С ума сошёл! Думаешь, Подгузло на себя всё возьмёт? Он нас с потрохами сдаст.

ШУМЯКИН. Не сможет. Мы его в кругосветный круиз отправим, на два месяца. К тому времени весь шум уляжется. Напечатал?

КОРОБОВ. Я тебе чё секретутка, что ли? У меня, блин, палец сразу две клавиши закрывает.

ШУМЯКИН. Сладкого надо меньше жрать, Виталик. Распустился!

Пристально смотрит на Коробова, отчего тот отворачивает лицо в сторону и морщится.

КОРОБОВ. Азап, не надо, а.

ШУМЯКИН. Чё не надо – ты ведь, как пить бросил, каждый обеденный перерыв себе торт заказываешь. В кабинете закроешься и жрёшь втихомолку. Мне, знаешь, нового зама искать не очень-то хочется.

КОРОБОВ. Почему нового?

ШУМЯКИН. Потому что от избыточного веса тебя удар хватит – и гуляй, Вася!..

КОРОБОВ. Азап, ёлки-палки, ну что ты!..

ШУМЯКИН. Ладно-ладно, я по-дружески... Ух, мальчишка!..

Шумякин по-отечески треплет Коробова по голове. Слышен стук в дверь.

Войдите.

Дверь осторожно отворяется и просовывается голова Подгузло.

ПОДГУЗЛО. Азап Калиныч, я по ситуации с Кариной Викторовной...

ШУМЯКИН. Карина Викторовна сегодня герой дня.

КОРОБОВ. Ни дня без героини.

ПОДГУЗЛО. Ситуация неприятная, как бы это сказать точнее...

ШУМЯКИН. Не без вашей помощи, кстати.

ПОДГУЗЛО. Ну да... Я как бы виноват... Вот. Поэтому прошу отпустить меня.

ШУМЯКИН. Куда отпустить?

КОРОБОВ. В отпуск без содержания.

ПОДГУЗЛО. Да нет, я совсем хочу уйти. Уволиться хочу. Вот и заявление даже написал. *(Достаёт заявление из папочки и кладёт на стол.)* Так что подпишите, Азап Калиныч. Буду, как говорится, обязан.

ШУМЯКИН *(глядя на Коробова)*. Чё делать-то?

КОРОБОВ. Как чего – подписывай.

ШУМЯКИН. Бились-бились, башку ломали, а тут раз – и на тебе! Само всё разрулилось.

ПОДГУЗЛО *(виновато)*. Вы уж простите, Азап Калиныч, что я вас в такое положение... Я могу вам порекомендовать кандидатов вместо себя.

ШУМЯКИН. Не надо. Сами уж... *(Подписывает.)* Забирайте своё заявление. Не хотел, конечно, вас отпустить, но насильно мил не будешь. Вот вам от меня лично!..

Шумякин достаёт с полки бронзовую фигурку Орфея с кифарой, сдувает с неё пыль и вручает уже бывшему худруку.

Это на память о нашем плодотворном сотрудничестве, так сказать. Давайте обнимемся хоть!..

Подгузло и Шумякин обнимаются. У Подгузло начинают дрожать губы от волнения.

ПОДГУЗЛО. Спасибо, Азап Калинович!.. Я искренне тронут... Глубоко, так сказать...

В это время открывается дверь и появляется Любовь Васильевна с папкой.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вот как. И Николай Василич здесь.

КОРОБОВ. Всё, Николай Василич уже не здесь.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. То есть как?

ШУМЯКИН. Да, Люба, покидает родные пенаты наш замечательный ху-
друк. Навсегда.

ПОДГУЗЛО. Увольняюсь, Любовь Васильна.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А как же?.. *(Показывает на папку в руках.)*

КОРОБОВ. Давай сюда!

Любовь Васильевна отдаёт папку Коробову, но тут в кабинет заходит Семён с маракасами.

СЕМЁН. Ух ты, народу сколько!

ШУМЯКИН. Чего тебе, Семён Аркадич?

СЕМЁН. Да я вот по поводу бумаги своей пришёл... Ну, которую подписал
тогда по пьяни.

КОРОБОВ. Семён, успокойся, никто бумагу твою не трогает. Она у меня.
Вот, видишь? *(Поднимает бумагу над головой.)*

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Семён Аркадич, никто вам плохого не сделает.

ШУМЯКИН. Мы тут осиротели, понимаешь, а он со своими бумагами...

СЕМЁН. Как осиротели?

ШУМЯКИН. Наш драгоценный Николай Василич решил нас покинуть.

ПОДГУЗЛО. Так что, Семён Аркадич, простите, ежели чего не так.
(Театрально кланяется ему в пояс.)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Господи, такого человека теряем! *(Вытирает
слезу.)*

ШУМЯКИН. Мда, такого днём с огнём!.. *(Обнимает Подгузло.)*

Открывается дверь и входит Карина. Она настроена агрессивно и воинственно.

КАРИНА. Я прошу прощения, что без стука, но ждать под дверью по пол-
тора часа я тоже не собираюсь!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Карина Викторовна у нас, как всегда, вовремя!

КОРОБОВ. На ловца и зверь бежит.

ШУМЯКИН. Карина Викторовна, если б вы только знали, как мы вас сей-
час все вспоминали здесь! Скажи, Семён.

СЕМЁН. Карину Викторовну захочешь не забудешь.

ПОДГУЗЛО. Кстати, Азап Калиныч, если бы вы у меня спросили о канди-
дате на своё место, я бы обязательно сказал, что Карина Викторовна очень даже
достойный, так сказать...

ШУМЯКИН. А я ваши мысли уже прочитал! Вы думаете, я зря, что ли,
тридцать лет на руководящих постах работаю.

КАРИНА. Погодите, Азап Калиныч, я пришла к вам по серьёзному вопро-
су, по поводу своей бригады...

ШУМЯКИН. Карина Викторовна, дорогая! Зачем вам бригада? Мы вам со-
бираемся всю филармонию вручить.

СЕМЁН. Опа! Интересная новость.

КАРИНА. Нашу филармонию? Ничего не понимаю.

ПОДГУЗЛО. Карина Викторовна, я решил, так сказать, покинуть свой пост...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А вас мы уже давно все знаем.

КОРОБОВ. Общий язык всегда найдём. Ну, а если не найдём, будем водку пьянствовать! Шутка.

ШУМЯКИН. Так что, Карина Викторовна, принимайте фронт работ и – милости прошу к столу!.. *(Приглашает Карину к столу.)*

КАРИНА. Я не пью.

КОРОБОВ. Там надо с бумагами ознакомиться.

ШУМЯКИН. Кстати, сейчас Любовь Васильна подготовит пакет документов, вы...

ПОДГУЗЛО. Ей-богу, вы меня уж простите!.. Мне пора о здоровье подумать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. На пенсии надо по миру путешествовать... *(Кладёт перед Кариной стопку документов.)* Здесь у нас штатное расписание...

ШУМЯКИН. Любовь Васильна, Карина Викторовна ещё успеет ознакомиться. Надо бы вопрос с Семёном решить.

КАРИНА. Ну... Сразу трудно сказать...

КОРОБОВ. Карина Викторовна, скажешь увольнять – уволим по статье!

СЕМЁН. Да что же такое! Вы же сами сказали!..

КОРОБОВ *(Семёну, вполголоса)*. Семён, не дёргайся, всё будет путём.

КАРИНА. Я рубить сплеча не собираюсь...

ПОДГУЗЛО. Я всегда говорил, Карина Викторовна тонкий дипломат и человечный, как это сказать...

ШУМЯКИН. Думаю, Евстахий Палыч обрадуется...

КОРОБОВ. Да уж. Напьётся с радости...

Звонит телефон и Шумякин поднимает трубку.

ШУМЯКИН. Да-да, Евстахий Палыч, мы вас все слушаем. *(Включает громкую связь.)*

ГОЛОС ИЗ ТРУБКИ. Ты Дугову хударком назначил?

ШУМЯКИН. А как же. Только подпись поставить.

ГОЛОС ИЗ ТРУБКИ. Отбой. В Москве новым зданием филармонии заинтересовались, Коробов там отлично всё расписал. Непонятно только, как его проект в Москве оказался...

ШУМЯКИН. Одобрели?

ГОЛОС ИЗ ТРУБКИ. Не то слово. Своего человека на моё место пришлют. И вместо тебя тоже. Так что пакуй чемоданы. Всё!.. *(Слышатся гудки.)*

ШУМЯКИН. Виталик, ты что же наделал, гад? Ты зачем проект в Москву отправил? Ты что, на моё место захотел?

КОРОБОВ. Азап, я не отправлял, ей-богу!..

ШУМЯКИН. А кто отправлял? Что, Люба отправляла, хочешь сказать?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (*тушуясь*). Это, конечно, безобразие!.. Просто бесстыдство. (*Многозначительно глядя на Семёна.*) Я бы сразу создалась.

СЕМЁН. Я у Любовь Васильны попросил посмотреть проект...

КОРОБОВ. Тебе-то зачем, Семён? Ты же там ни черта не поймёшь.

КАРИНА. Я попросила Семёна Аркадича.

СЕМЁН. Ну да, я должен был загладить свою вину после срыва концерта. Тогда ещё в первый раз.

КОРОБОВ. Ага, после пьянки. (*Карине.*) А тебе-то зачем?

КАРИНА. Все боялись, что вы отдадите площади в новой филармонии в руки частного капитала. Местным олигархам. Ну, и решили, что лучше будет проинформировать об этом Москву. Проголосовали на закрытом собрании, сделали копию и отправили...

ШУМЯКИН (*вне себя*). Идиоты! Дебилы! Клопы рояльные! Кто вам сказал, что в Москве живут архангелы, кто?! Да, у вас был свой угнетатель – я! Местное трепло, кому-то свой в доску, кому-то старый гоблин. А что теперь вам пришлют? Какого крокодила? Он ведь карманы себе набьёт, своих пригласит на денежные места. А вас всех бузотёров в муку смелет! И будет у вас не филармония, а музыкальный кружок при торговом центре и ресторане!

Снова звонит телефон, снова знакомое Trololo. Шумякин поднимает трубку рабочего телефона.

Да, Шумякин слушает... (*Прислушивается к тишине в телефоне, растерянно пожимает плечами.*)

Коробов показывает ему жестаи, чтобы он включил громкую связь. Директор включает громкую связь. На другом конце провода слышится женский приглушённый смех и какое-то шептание.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*полушёпотом*). Ну, говори уже... ты трубку держишь. Перестань уже!..

ШУМЯКИН. Азап Калиныч слушает.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Ах да, прошу прощения. Тут дел невпроворот, сразу по трём линиям беседую. Вы вот что, Арап Гаврилыч, подготовьте всю документацию, балансик там... по филармонии. Чтоб без долгов всё... Принято решение провести у вас Универсиаду. Международную. Ну и в дальнейшем инвестировать в культурно-спортивную отрасль, в туризм...

ШУМЯКИН. Извините, а-а как?..

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Полное обновление кадрового состава наверху. С простым народом разберёмся на месте. В общем, ждите. Аслан Кимыч, да?..

ШУМЯКИН. Мм...

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Всего доброго.

На том конце провода кладут трубку.

ШУМЯКИН. Всё...

КОРОБОВ. Кина не будет...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Божички мой...

СЕМЁН. Напиться, что ли...

КАРИНА. Напейся.

ПОДГУЗЛО. Мда, бились-бились – и на тебе!

Так же как и в конце первого действия человеческие фигуры превращаются в тени среди сумрака кабинета. Правда, они уже не барахтаются, как мухи, которых бросили в банку с водой, теперь они стали неподвижны, будто их засушили и плотно закрыли крышкой.

Свет гаснет.

Занавес

Юрий ГОРЕЛКИН

Игрок

Стихи

* * *

*Пей – не напивайся;
люби, да не влюбляйся;
играй, да не отыгрывайся!*

Я, по счастью, не азартен,
Я задумчив, я рассеян.
Не играю с детства в карты,
А точнее – не умею.

Я от них вполне свободен,
Но раскину, коли просят,
Если шесть тузов в колоде,
Или лучше, если – восемь.

Если тихо и негласно,
И на взводе парабеллум,
Если черное на красном
Или красное на белом.

Если бар с высокой стойкой
И крупье в игре толковый.
Если «туз», «семёрка» с «тройкой»
Или с дамою пиковой.

Если глупо ланч простужен,
Если полдень на исходе,
Прочь – обед, закончен ужин,
Если Герман не приходит.

Галатея

А дворец возьми себе, рыбка золотая
М. Г. Львовский

Я люблю одну девчонку
Долго-долго, очень-очень.
Я хожу, как заключённый,
А она любить не хочет.

У нее такая чёлка,
У неё такие ножки...
Сильно я люблю девчонку,
А она меня не может.

Я бываю с ней неточен,
А точней – не успеваю.
Я люблю её, и точка,
А она меня – не знаю.

Я девчонке позволяю
Посмеяться надо мною.
Я её благословляю,
Я привычный, я не ною...

Профиль у неё точёный,
Милый взгляд и тонкий юмор...
Не ищите ту девчонку –
Я её себе придумал.

Мои учителя

*И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.
А.С. Пушкин*

К чему стихи, когда есть мемы?..
Жалей нас или не жалей,
Сейчас везде одна проблема –
Хороших нет учителей.

Уйдём от нынешних реалий,
Оставим разговор пустой...
Меня к истории зывали
Катаев, Лермонтов, Толстой.

Да, я частенько был печален
И рад был часто... И позволь –
Меня в словесность посвящали
Марк Твен, Джек Лондон, Конан Дойль.

Мешались темы, слоги, стили,
Но покажи, ещё кого
К добру неспешно прирастили
Гайдар, Тургенев и Дефо.

Друзья мои, мои подружки,
Скажите, хвастаться кому?..
Меня воспитывал сам Пушкин,
Я так признателен ему.

В Риме

Что-то скучновато нынче в Риме:
Нет ни ликования, ни печали,
Никого позором не клеймили,
Никого с триумфом не встречали.

Всё спокойно, нет вестей тревожных.
Не ушли манипулы на север.
Очень скучно гладиусам в ножнах.
Много мест свободных в Колизее.

Где-то опьянённые скандалят.
Ночь. Плебей зевает и патриций.
Дремлют слухи, что рабы восстали
И идут вандалы от границы.

Император почивает гордо
На шелках и в шёлковом исподнем.
Спят непобедимые когорты,
Только Бруту не уснуть сегодня.

Зенитчицы

Бойцам 1077-го полка зенитной артиллерии

Рядовые Люба, Вера,
Надя, Соня-старшина –
Сапоги не по размеру.
Кто же знает, чья вина?..

Но «не жмут» и ног не тянут,
Не мешают бить врага
Потому, что пять портянок
У девчонок на ногах...

Надо, девочки, так надо!
В бой! За Родину! Вперёд!
У окраин Сталинграда
Спарка – важный пулемет...

Под простой звездой фанерной
На жестянке имена:
Рядовые Люба, Вера,
Надя, Соня-старшина.

Полынь

Косят избы бревенчатой углы,
Но снос и стройку я спешу отлынить.
Не знаю, от чего мне так милы
Кусты моей серебряной полыни?

Её колышет по всему двору.
Я горький вкус полыни долго славлю.
Возьму её, в букеты соберу
И в доме в лучших вазочках расставлю.

Полынь мне шепчет, что сметать пора
Замшелые устои мироздания.
Полынный запах моего двора
Зовёт, зовёт в далекие скитанья.

И я уйду с холщовой сумой,
И вслед за мной холодный дождик хлынет...
Лет через двадцать возвращусь домой,
Вздыхну, прилягу и умру в полыни.

Рубль

*Не стяжайте сокровищ на земли,
идеже червь и тля тлит, и идеже татие подкапывают...
Мф. 6:19*

В ржавом сейфе фирмы Круппа
Пыль, бумага и перо,
И тяжелый старый рубль –
Старой пробы серебро.

Я зажму его в ладони
И молчок, и ни гугу.
Кто меня с рублём догонит?
От любого убегу.

Мимо вёдер и колонки,
Мимо кошки и котят –
Только пыль взлетит вдогонку,
Только пятки заблестят.

Мне помашут белой гривой
С неба кони-облака.
Через заросли крапивы
Пробегу я с бугорка.

Заструится тропка к речке
Меж кустов и пустырей
Всё быстрее – моё сердечко,
Всё острее стерня, острее....

Ах, стрекозы! Ах, погода!
Над рекой тростник дрожит...
Старый рубль брошу в воду –
Пусть в песочке полежит.

* * *

Михаилу Паникахе

Нет лейтенантов и мало солдат,
Дизельный дым из воронки...
Мало бутылок и мало гранат,
Фронт исключительно тонкий.

В триплексы видит фашистский сержант,
Как из окопов узких,
Пламенем жарким смертельно объят,
В рост поднимается русский.

Факел качнулся к тяжёлой броне
(В общем-то безопасно).
Но как же жутко пылают в огне
Красные звёзды на красном!

Небо он сможет огнем распороть
Чёрное над собою...
И следом за ним отменённый Господь
Примет рубеж за спиною.

Мало бутылок и мало гранат,
И отступить бы, однако
Сплавился с серой бронёю солдат –
И захлебнулась атака.

Хочу в юнкера

Мне в отставку давно,
Если честно, пора.
Ну, а мне всё равно –
Я хочу в юнкера.

Я на Марсово поле
Хочу, на парад,
Я хочу в Петергоф,
Я хочу в Петроград.

В караул я хочу
И хочу на балы.
Я устав изучу,
Мне наряды милы.

Мне подайте тревогу,
И привалы в пути.
Я по Невскому в ногу
Желаю пройти.

И пусть барышни смотрят,
Будет сила и стать.
И неплохо б на смотре
Царя увидеть.

А когда «завиляю»
И не сгину в бою,
Пусть меня расстреляют
С юнкерами в строю.

По снежку

В тощей сумке только хлеб аржаной.
Ни гроша в мошне, да совесть чиста.
В лапоточках – по прямой, по прямой,
Помаленьку – от креста до креста.

У меня топор с собой – не замай.
Только сунься – промеж глаз попаду.
Мне февраль фартить получче, чем май.
Я к полудню до Тамбова дойду.

Покрещусь на купола, помолюсь,
Картузишко натяну на башку...
Что мороз? Мороза я не боюсь.
Полегоньку – по снежку, по снежку.

Николай ЛУГОВСКИХ

Отложенная встреча

Рассказ

Восемь десятилетий назад 28 апреля 1945 года близ небольшого чешского города Угерски-Брод в Злинском крае Моравии пал смертью храбрых мой дед – красноармеец Луговских Дмитрий Степанович. За свою недолгую жизнь прошёл он три войны: сражался с мамонтовцами в гражданскую, обморозил ноги во время финской войны и прошёл почти всю Великую Отечественную. Призван на неё был 28 августа 1941 года, а до Великой Победы не дожил всего 11 дней...

Мне вспоминается рассказ моей бабушки Марфы Васильевны о несостоявшейся встрече с мужем в начале войны. Разговор наш об этом случае состоялся в середине шестидесятых. Помню я, совсем ещё ребёнок, уютно лежу в кровати, бабушка сидит напротив, на своей койке, побалтывает ногами, расчёсывает свою седую косицу и говорит, говорит...

* * *

– Дойдём, дойдём, – убеждала свою подружку Марфа. – Ту итить-то менее ста вёрст. Что нам? Как до Грязей пяток раз. Сколь раз пешком туда хаживали.

– Никуды в таку пору: дело к осени, война накатывает, – сначала отнекивалась Лукерья. – А тут ещё бают – волки объявились в округе. Страсть-то какая.

– Ничаво, – настаивала Марфа. – Зато своих увидим, пирожков снесём, тёплой одежи какой...

Свёкр тоже отговаривал Марфу, но как-то нехотя, без усердия, видно, всё одно надеялся на этот бабий поход. Так и сговорились – пойти на фронт к своим мужьям, линия которого была уже совсем недалеко от родной деревни.

Сборы были недолгими: напекли пирогов, взяли хлеба да сала, воды бутыл, сложили в мешок носки шерстяные, варежки, бельё потеплее – и в путь.

В избе под присмотром свекрови и свёкра остались четверо ребятшек: погодки – пятнадцатилетний Василий, четырнадцатилетняя Татьяна, тринадцатилетний Иван, да совсем малая пятилетняя Манька, которая всё ревела, ни за что не хотела расставаться с матерью. Вот такая ватага.

– Васятка, ты за старшего остаёшься, – напутствовала мать. – Ты уж тут присмотри за ребятами, особенно за Ваняткой, дюже он у нас шепутной, как бы куды опять не встрял. Маняшку от дома далеко не отпускайте, пуцай за ней Танька в оба глаза приглядывает.

Дети, притихшие и немного растерянные, с опаской, но и с интересом поглядывали на мать. А Ванька и вовсе навязывался с ней идти, утверждая, что он уже совсем большой и может постоять за мать и за себя.

В ночь перед выходом не спалось, всё мысли в голове ворочались. Луна ещё, как нарочно, полная – прямо теста круг для лапши.

– Ишь, яиц-то не пожалели, – улыбнулась Марфа, глядя на ярко-жёлтое с серыми подпалинами ночное светило.

Но это была мимолётная мысль. В основном думалось о детях. Как их оставить, хоть и ненадолго, да всё же боязно! Ничего, Васятка справится, большой уже, да и Ванятка, хоть пострел и забияка, однако тоже парень смышлёный. Без еды не останутся. Вон, надьсь залезли на бахчи колхозные, что на том берегу реки, из засады стрелы, к верёвке привязанные, с лука пускали. Да и натаскали таким макаром арбузов да дынь. Сторож жаловался, но начальству ничего не сообщил – пожалел Марфу и четверых её деток.

А то нагребут речных ракушек – да на железный лист над костром. Сама не пробовала, но, говорят, вкусно, прости Господи. Так что и на подножном корму протянут.

Луна спряталась за облако, пару раз лениво брехнул соседский кобель, первый петух прокричал, но неуверенно, с хрипотцой, словно только готовился прокричать по-настоящему, в полный голос. Мысли Марфы побежали к мужу:

– Жили бы себе и жили, если бы не война эта проклятая. Что ж это людям в мире-то не живётся, да в покое! То гражданская война, то финская, теперь вот с немчурой фашистской воевать приходится. И ведь нигде без Митьки моего не обошлись, завсегда он в первых рядах. Четверых с ним нарожали, а было бы и шестеро: нешто выветрится из головы годовалый Колюшка – весёлый, круглолицый? Да только налетела болезнь неведомая, да и забрала с собой нашего касатика. А Варюшка? Та, вообще, чуток побыла на этом свете, да Господь прибрал... За думами этими Марфа и не заметила, как провалилась в сон, а когда очнулась, начала тихонько причитать: «Ой, Боженьки мои, светает уже, пора вставать». Собралась быстро, узлы взвалила на плечо – и в путь.

Лукерья уже ждала у своей калитки. До церкви дошли быстро, постояли – помолились, попросили благословения – и двинулись дальше – через речку Байгору по железобетонному мосту, а потом полями в сторону села Телелюй, да на Усмань – город на железной дороге. Куда не посмотри, налево и направо

без конца и края высоко колосились хлеба. В небе носились жаворонки, словно указывая путь и подбадривая одиноких путниц своим пением. На фоне этого умиротворяющего пейзажа совсем не верилось, что где-то – совсем недалече – идут бои, гремят взрывы и гибнут люди.

К полудню пришла усталость. Присели ненадолго в тени ивы на берегу небольшой речушки, умылись, развернули ручники, выложили нехитрую снедь: яички, лук зелёный, поплывшее от жары сало, немного ржаного хлеба. Перекусили, а после вытянулись на траве, даря короткий отдых натруженным ногам и пояснице.

К вечеру подошли к Усмани. Город обеим хорошо знакомый: много раз сюда приезжали на базар да на ярмарку. Бывало, и ночевали. Да было всё это в мирное время, мужья опять же были рядом, а с ними вообще ничего не страшно. На этот раз выручил один знакомый, дальний родственник Лукерья, у него и заночевали. Он тоже был выходцем из деревни, но уже много лет работал в Усмани на табачной фабрике. Хозяин дома порасспросил баб о делах в Байгоре, о ребятишках и общих знакомых, но, когда узнал куда они направляются, покачал головой:

– Ох, бабаньки, опасная эта затея. Самолёты фашистские летают часто, бомбят Грязи, джуге железная дорога их привлекает. Громовень-то уже и у нас слышна. Вот вы неумные, чего надумали...

Но, поохав немного, шумнул хозяйке, чтобы накрывала на стол. Разносолов, понятное дело, не было. Картоха в чугушке, капуста квашеная, сальца маленько, да хлеб ржаной. Попили чаю по-городскому. В Байгоре редко гоняли чай, но тут чай не Байгора. Постелили гостям на полу, заснули все быстро – усталость взяла своё.

На рассвете Марфа и Лукерья продолжили свой путь. Шли бодрые, отдохнувшие, да ещё радостные оттого, что разжились у родни махоркой и табачком. Митрий хоть и не курил (а там кто знает, может начал), да только давно известно: табак, равно как и соль, и спички, – товар стратегический, на него при желании можно что хошь выменять.

Держаться старались близ железнодорожных путей и не упускать их из виду, чтобы не заплутать. Держали в уме, что войсковая часть мужей расположилась в районе села Краснолесного, кое многим более известно, как железнодорожная станция Графская. В мирное время от Усмани до Графской поезд всего полчаса шёл, а вот, когда на своих двоих, расстояние словно растянулось до бесконечности. Погода стояла тёплая, на небе ни облачка, восток озарился ярким светом, птицы просыпались и начинали выводить свои трели. Шагали весь божий день, останавливаясь только на пару небольших перекусов.

Следующая ночь встретила их в пути. Заночевать решили в уютном стогу сена, костёр разводить не решились, перекусили наскоро, чем Бог послал, да и зарылись с головой в густое сено, запах которого одновременно пьянил и успокаивал. Однако среди ночи внезапно проснулись от того, что кто-то рядом

сопел и хрупал сеном. Испугались не на шутку, потихоньку выглянули – лошадь, стреноженная. Лукерья, баба отчаянная, взяла конягу за оброть. Та далась легко, видать, была смиренная.

– Марфуша, накось, держи, а я ей сейчас ноги развяжу, да проедем на ней верхом хоть сколько-то, всё нам полегче будет.

– А потом?

– А потом отпустим.

– Ох, Лушка, пропадёшь с тобой, – запричитала Марфа, однако послушалась подругу.

Забрались обе на лошадь, да и тронулись в путь по тропинке, благо Луна, правда, теперь уже больше похожая на слегка надкусанный блин, ярко освещала путь. Проехав версты три, слезли с лошади, но стреноживать не стали, дали ей свободу найти дорогу домой.

День выдался жаркий, светлый, по-настоящему летний. Прошли сёла: Новоуглянку, Девицу. Одноимённую речку перешли по мосту, потом спустились к ней умыться и отдохнуть в тени моста, чтобы с новыми силами продолжать путь.

Ночевали в Малой Приваловке, где постучались в крайнюю хату. Долго никто не открывал – хотели уже идти дальше, но тут за воротами кто-то зашевелился.

– Кто там? – заскрипел стариковский голос.

– Свои, дедушка.

– Свои все на печи сидят, только чужие шастают.

– Пусти, дедушка, переночевать. Солдатки мы, к мужьям на фронт идём.

После этих слов калитка открылась, и стал виден хозяин избы – глубокий старик с густыми бровями, внимательно разглядывавший усталых путниц. Дед немного поразмышлял и, наконец, пригласил их в дом, где поговорили пообстоятельнее. Рассказали о мужьях да о детях малых, дома оставленных.

– Эх, бабы, бабы, да куды ж вы намылились? Фашист не сегодня-завтра тута будет. И как вы? Куды вы? – дед глубоко вздохнул и вновь строго насупил брови.

Но всё же квасом напоил, огурцов с картохой дал, спать уложил на широких лавках... Уснули быстро, радостные, что быстро нашли место для ночлега, а хозяин-дедушка оказался лишь с виду суровый.

На рассвете уже были вновь на ногах и двинулись дальше. Эх, дальше, – дальше-то как раз и пошло всё не так... Где-то к полудню вдруг из-за кустов перед ними возникли военные. Два бойца с автоматами подошли вплотную, третий остался поодаль и держал Марфу с Лукерьей на мушке.

– Стой! Кто такие?

Бабы остановились, руки сами, без спросу, пошли вверх. Марфа и Лукерья скороговоркой, перебивая друг друга, начали тараторить о цели своего похода.

– Ну-ка, стоп, товарищи женщины. Вот уж воистину – две бабы – базар, а три – ярмарка. Давай по одной и с расстановкой.

– Сами мы с Княжей Байгоры, идём к своим мужьям, зовут мужей так-то и так-то, – Марфе удалось успокоиться и говорить внятно. – Может, знаете мужей наших?

Старший из троих военных покачал головой, улыбнувшись задумчиво и печально.

– Вот что, дорогие жёнушки. А ну, разворачивайте оглобли и валите домой, пока целы. Вы, девки, ей Богу, сдурели!

Марфа и Лукерья кинулись уговаривать бойцов, да куда там... Погоревали-погоревали солдатки, да ведь против автоматов не попрёшь. Деваться некуда, придётся возвращаться, не солоно хлебавши.

Передали ребятам пироги, махорку, ещё что-то в надежде – а вдруг наших мужей встретите – они с лошадьми, ездовые, таскают пушки... Да и поплелись восвояси.

Обратную дорогу обе запомнили плохо – настроения никакого, добрались без приключений, и то – слава Богу! Хотелось кинуться на траву и рыдать – как же всё нелепо и безрадостно получилось. И только мысли о доме и ребятишках заставляли шагать назад. И чем ближе оставалось до родной деревни, тем скорее становился шаг женщин, равно как у лошадок, которые, бывало, почувяв дом, со всей мочи устремлялись к родным местам...

* * *

Помню, окончив свой рассказ, бабушка Марфа перестала болтать ногами, лицо её стало грустным и задумчивым.

– Эх, Коленька, да кабы я знала тогда, что Митю своего никогда не увижу, поползла бы навстречу к нему. Кустами, оврагами. И никаким автоматам, никаким канонадам было бы не под силу меня остановить. Но мы пока живём, всё на чудо надеемся. Авось свидемся, авось повезёт. Вот всем вокруг не повезло, а мне повезёт... А теперь хоть бы на могилке моего соколика побывать...

Бабушке Марфе не удалось и этого. Через много-много лет, накануне 65-летия Великой Победы, это удалось сделать мне. 22 апреля 2010 года я стоял у могилы деда Дмитрия Степановича Луговских в чешском городке Угерски-Брод, таком маленьком, чистеньком, утопающем в цветущих садах.

Европейский город, старое кладбище, братская могила. Полная тишина. Проводившие меня к этому месту чехи вежливо отошли далеко в сторону. И в этой полной тишине я слышал только взволнованный стук своего сердца.

Ведь здесь, именно здесь навсегда обрёл покой мой дед, прошедший всю войну и сумевший вместе со своими товарищами отвести беду далеко от родного дома.

Если рассуждать спокойно, отбросив все эмоции, наверное, даже хорошо, что бабушке Марфе не дали подойти ближе к фронту. С высокой долей вероятности, не случись этого, не увидеть бы мне никогда и её. Битва за Воронеж была одной из самых кровопролитных в ходе Великой Отечественной войны. Она продолжалась 212 дней и забрала жизни около ста тысяч наших солдат. Слава Богу, тогда мой дед чудом уцелел.

25 января 1943 года в ходе Острогожско-Россошанской операции наши войска разгромили полумиллионную группировку противника, не только освободив Правобережный район Воронежа, но и надёжно перекрыв для фашистов подступы к Москве с юга. Помимо этого, наши войска в районе Воронежа отвлекли на себя мощь 30 вражеских дивизий, двигавшихся на помощь войскам фельдмаршала Паулюса у Сталинграда, но так и не увидевших город на Волге, обретя смерть под Воронежем от рук моего деда и его однополчан...

Я приехал в Чехию не с пустыми руками, привезя деду подарок – землю из его родного села Княжья Байгора. Я молча высыпал эту землю на могилу деда, потом прошептал слова молитвы, а он, в благодарность, на какой-то короткий миг возник в моём сознании. Крепкий, молодой, весёлый Дмитрий Степанович Луговских. Мой дед – моя боль и моя гордость!

**Лауреаты и дипломанты VI Всероссийского
поэтического конкурса имени Майи Румянцевой**

Победитель конкурса, лауреат I степени

Елена КОЛЕСНИКОВА,

член Союза писателей России

г. Воронеж

Единственное небо

*Посвящается всем
покинутым деревьям*

Всё предано воспоминаньям тут –
Изрыв дороги – узкий, крупновязый –
И сосен искривлённые балясы
У мостика, обрушенного в пруд.

Седых тропинок – реденький пучок
Под сваленным волосником осочным –
Судьбы моей забытое источье,
Души невосполнимый уголок.

Кругом былё – и есть ли кто живой
Среди домишек, дышащих на ладан,
Как Божий перст – для дней последних спрятан –
Чернеет храм с пробитой головой.

Осины чутко приклонили слух
Над чьей-то вытлевой от горя крышей,
Но слышен лишь невнятный скрип налишный,
Да от иконы – тихий святой дух.

Всё предано воспоминаньям тут –
Скривлённые сосновые балясы,
Просвет дороги – узкий, крупновязый,
И вспыхнувший прощальным блеском пруд.

Я оглянусь – и улыбнётся мне
Из пыльного оконного киота
Вечерним солнцем – изголуба-жёлто
Единственное небо на земле...

На освящение

Ночь в глуши беззвёздной породила
Слабую осеннюю зарю.
За калиткой ветрено и сыро –
Будет чем разжиться ноябрю.

Не дома – узорчатые складни,
Медной очеканены листвою.
Чей-то пёс – с надеждой безоглядной –
Заскулив, последовал за мной.

– Ну, пойдём... Вдали покрасневели
Бусами – кокошники калин.
Ветерок, напутствуя, повеял
И, не чаясь, солнце поразлил.

У Христа за пазухой пригретый,
Храм – столетье бывший не у дел –
Доживал, немоленный, непетый,
И сегодня духом оживел.

Голубям насущный хлеб искрошен –
Милостью соседских ангелков,
Светел звон – молитвами испрошен
Неприметных сельских стариков.

Жить да жить – но не единым хлебом,
Ожидая горького конца.
Знали б только вы, какое небо
Я в глазах видала у мальчика...

Моей бабушке

Крыльцо тревожат скрипное опять
Травы неодолимой заусенцы,
Родимый дух плывёт из тёмных сенцев,
Хоть некому давно меня встречать.
Лишь луговых некошенных цветов
Гудит лениво царство-государство,
И соснячка монашеское братство
Молчит вдали на сотню голосов.
И дышится по-юному легко –
Залётный дождь нет-нет да огорошит,

И снова летний день глядит погоже
Глазами измельчавших васильков.
Поют берёзки где-то в вышине,
Ветвями в полкасанья обнимая –
Должно быть, белоствольные, во мне
Свою былинку прежнюю признали...

Лауреат II степени

Виктория БЕЛЯЕВА

п. Темерницкий, Ростовская область

1945

*Когда из каждого окошка
Рябина да ольха видна...
Майя Румянцева*

Я выжил под Минском, в рязанских полях,
я выжил, где Дон целовала земля.
Я выжил под Мурманском, Брянском и Мгой –
здесь каждое дерево помнит свой бой.

Я выжил берёзой. Среди тишины
пожары и взрывы уже не слышны –
лишь я с тополями в подлесной степи.
Окажешься здесь: ляг в тени и поспи.

Я в сон твой приду, расскажу о былом –
о том, как по Родине целился гром.
Железные тучи тянули шторма,
и ливни из пуль поглощали дома.

Враги пробирались по русской земле,
мы лесом стояли на чёрной золе.
Нам птицы кричали: «Ни шагу назад!»
И каждое дерево было, как брат.

Я выжил берёзой. Иваном лежал,
а друг мой Расул через пули бежал,
тащил на плечах. Он не бросил меня.
И не было края у этого дня.

И солнце кровавое нас запекло,
но было уже от Победы светло.
Под Киевом, Мурманском, Проней-рекой
остался расти целый лес молодой.

Я выжил берёзой. А братья мои
под небом Кавказа дубами взошли.
Нас приняли прадеды в вечный отряд
деревьев: корнями за землю стоять!

Корни

*Силы русские крепнут...
Майя Румянцева*

Унеси меня, лес, унеси в свой народный шум –
я иду по тебе и снова дышу. Дышу!
Простота здесь чирикает и родником пульсит –
это памятью бьётся сердце лесной Руси.

Пробивается солнце сквозь длинноствольный ряд.
Мне берёза – сестрица, дуб – вековой мой брат.
Благодать такая, что миро и мир в корнях,
и зелёное солнце падает на меня.

И бреду по тропам, по чьим-то земным следам,
и по мне не колокол – лес весь звенит. И там,
под открытым небом, благословляет Бог.
От земли и до неба чувствую я любовь.

Я жив

*Солнце падает в спелую рожь...
Майя Румянцева*

Приснился брат и говорит: «Я жив.
Отец со мной. Костюм льняной пошил
и носит, носит, носит, не снимая.
И дед живой. И бабушка живая.
А ты, сестра, не плачь. У нас, учти,
от слёз твоих солёные дожди,
и деда ноги ноют в непогоду.
Отец ворчит – прошло четыре года,
а ливням нет ни края, ни конца.

Не плачь, не обижайся на отца.
Купи нам табаку, халвы, сгущёнки,
Сестра, тут с этим делом напряжёнка.
Здесь много рыбы, яблок и вина,
И здесь у нас другие имена.
Они со вкусом ладана и мяты
И благодатью вечною объаты,
Они легки и сизы, как дымы,
Как будто в доме у застепья мы –
завёл себе собаку и кота:
живые тоже. Тоже навсегда.
Садимся с ними в лодку на рассвете,
вдоль перистых потоков молча едем.
И в вашей отражаемся воде.
Пошёл. У нас до Дня Победы много дел.
Среди свободы черемши и ржи
Рукой маши. Я жив, сестра, я жив».

Лауреат II степени

Ольга КОРЗОВА,

член Союза писателей России

д. Степановская, Архангельская область

* * *

За деревнею где-то
кричат целый день журавли,
Будто небо кричит
и никак докричатся не может.
И страшит по ночам
ледяное дыханье земли,
И шепчу, просыпаясь:
«Спаси и помилуй нас, Боже...»
Ты, наверное, прав,
И судьбы мы не стоим иной.
У людского жилья
Вечно пахнет войной и разором.
Если б снова заснуть
И проснуться цветущей весной,
Чтоб сирень бушевала
И утро не веяло мором.
Чтобы настезь окошки,
Чтоб с другом сидеть у костра

И глядеть на огонь –
Не на дымные лики пожарищ.
Возвратится ли завтра
Всё то, чем мы жили вчера?
Так и тянет сказать
Позабытое слово – «товарищ» ...

* * *

Каждый век у России – солдатский.
Вспашешь поле – и снова в поход.
И, слезу вытирая украдкой,
Подорожники мать испечёт...

Постоишь у родного порога,
Поглядишь на задумчивый дом
И пойдёшь, может, той же дорогой,
Что и пращур.
Когда за холмом

Русь останется, близкие стрелы
Сердцем чуя, – война есть война,
Вспомнишь: мать на глазах постарела,
Онемела от горя она.

Ей с тобой на полях бородинских
Рядом быть, под огнём и во мгле.
Век солдатский и век материнский
Неразрывно идут по земле.

* * *

По снегам осторожно ступая,
проминаю дорогу вперёд,
а зима вслед за мной замедляет
и тропинку, и лето, и год,

словно лепит пространства иные,
где не будет случайного дня,
и тревожно былинки сухие
из-под снега глядят на меня.

Их пугает неясная доля –
переход в угасание, в тьму.
Чтобы зря не тревожилось поле,
наклонюсь и его обниму.

Буду гладить ладонями травы,
не расстанемся – корень один.
Не увёл меня век мой лукавый
от любимых российских равнин.

Ты со мной, моя вольная воля!
Угасает закат в облаках.
Дремлет поле, бескрайнее поле,
как младенец на женских руках

Лауреат III степени

Юрий ГОРЕЛКИН

г. Рассказово

Зоя

В самом сердце пахотной России,
Где-то лет семнадцати на вид,
С профилем княгини Евпраксии*,
Девочка на площади стоит.

Ветер снег по серым плитам кружит...
В жизни я таких не видел лиц.
Вечно ей смотреть сквозь зной и стужу
Взглядом древнегреческих цариц.

Без колечек, перстеньков и брошек,
Без серёжек тоненьких в ушах...
Я не видел лиц светлей и строже.
Взгляд на небо и на запад шаг.

Тихо, никого не беспокоя,
С жертвенной улыбкой неземной,
С постамента в бой уходит Зоя –
Девочка с винтовкой за спиной.

---

* Зимой 1237 года княгиня Евпраксия Рязанская, не желая отдать себя и малолетнего сына на поругание татарам, ворвавшимся в город, бросилась на землю с церковной колокольни с младенцем-князем на руках. Княгиня Евпраксия, её муж – князь Федор, принявший мученическую смерть в ставке Батыея, и их сын Иван Русской православной церковью причислены к лику святых.

Внукам героев

Не продавайте ордена –
Они горят не вашей славой.
Ни от нужды, ни для забавы
Не продавайте ордена!

В них отразилась вся война
Лучами треснувшей эмали,
Их в смертный час не отдавали...
Не продавайте ордена!

Их на груди своей несла
В бою убитая пехота, –
Сплав крови, стали слёз и пота...
Не продавайте ордена!

Не продавайте ордена!
Чтоб память вас не осудила,
Имейте стыд, найдите силы,
Не продавайте ордена!..

Лауреат III степени

Ольга ХАПИЛОВА,

член Союза писателей России

пгт. Темиртау, Кемеровская область

* * *

Неправда, что павшим достаточно памяти близких!
Доехать, дойти и коснуться рукою оградки –
В часы пред рассветом покрыты росой обелиски –
Солдатские судьбы страны в алфавитном порядке.
Где мокла пехота и двигалась техника юзом,
Теперь, погляди, забаюканы страшной годиной,
Спят тихо герои всех малых местечек Союза,
Прижавшись друг к другу, как братья в утробе единой.
Ты станешь бояться, что всё перепишут иуды,
И как-то иначе об этом расскажется в школах...
Но тысячи тысяч бойцов, погребённых повсюду!
Но дед мой, погибший в бою за деревню Вашково!

А дома всё так же, лишь чёрный платок наготове,
И век до могилы здесь мнится особенно длинным –
Ещё не однажды Сибирь обернётся по-вдовьи
На сдавленный клич новгородских полей журавлиных.

* * *

Тепло. Уютная кровать. Ватрушки с пыла...
Мы как-то склонны забывать, но это было.
И нас делили в веке том по цвету, расе.
Война. Берлин. Четвёртый дом, Тиргартенштрассе.
В суровой памяти тот след ещё не стёртый –
Спустя каких-то сорок лет я помню твёрдо.
Во снах теперь ещё кричу, кровь в жилах стынет.
Ты только вдумайся чуть-чуть, живущий ныне!

Откуда в головы проник, с иным до кучи,
Нечеловеческий инстинкт губить и мучить?!
Сжимаю гневно, чёрт возьми, кулак до боли:
О мир, о наш гуманный мир, как ты позволил?!
А мне без роду, без имён кричат: «Не верьте!»
Но помню памятью времён конвейер смерти,
И как стояли печи в ряд на самом деле...
Но кое-где они дымят ещё доселе.

Лауреат III степени

Елена ЧАСОВСКИХ,

*член Союза писателей России
г. Рассказово*

Родная кровь

Душа оставлена в Тамбове,
У Цны неспящей.
Я верю только волчьей крови,
В висках стучащей.

След в след ступаю по привычке
По старым тропам.
Тому, кто не боится стычки,
Не быть холопом.

С любовью к вольнице не сладить
Властям речистым.
Мятежником один был прадед,
Другой – чекистом.

И в них обоих кровью волчьей
Жила свобода.
Не истребить её ни порчей,
Ни поркой – сроду.

И пусть объеду, выбирая,
Хоть трижды Землю,
Другого логова и края
Я не приемлю.

Голос Родины

Скажи, ну разве это тишина?
Бормочет телевизор еле-еле,
Шумит дубравы тёмная стена,
Посапывает маленький в постели.

Как эстафету, с ночи до зари,
Передают собаки лай по кругу,
Шуршит мышонок; ветер говорит,
Что вербы исповедались друг другу.

Я думаю о Родине. Простор
Немереный. Чужие заплутают
В молчащих чащах, в коридорах гор,
Где только злые тучи обитают;

В степях они бы съехали с пути,
В седых солончаках сошли с маршрута.
Страна – конца и края не найти!
Но сердце замирает почему-то

Не от масштабов этих мировых
И не от впечатляющих дистанций –
От безымянных, маленьких, родных,
На карте не фиксируемых станций.

И стук колёс спешащих на восток,
Бессонных и стремительных составов
Так дорог, так понятен, так глубок...
Не требуется правил и уставов,

Чтобы любить вот эту тишину,
Которая отнюдь не молчалива,
Мою многоголосую страну,
Растущую от Финского залива,

Покрытую орнаментом дорог,
Начертанных рукою исполина,
До берега, что дорог и далёк –
До самой крайней точки Сахалина.

И шёпот верб, и шорохи в ночи
С годами мне понятнее и слаще.
Пожалуйста, родная, не молчи,
Со мною разговаривай почаще.

Дипломант конкурса

Евгений ХАРИТОНОВ,

член Союза писателей России

г. Белгород

По следам от дедовских сапог

Снова утро вздрогнуло от выстрела,
А в окно влетел сирены вой.
Боже мой, а если мы не выстоим,
Что же будет с нашей страной?

Неужели трубы крематориев
Вновь заполнят дымом города?
И народ с великою историей
Канет в Лету раз и навсегда?

Нет, не верю! Этому безумию
Никогда на свете не бывать!
И фашизм – воскреснувшую мумию –
Нам под силу в землю закопать!

Вновь идём войною против нечисти
По следам от дедовских сапог,
Чтоб спасти от смерти Человечество,
Для того и создал русских Бог!

На могиле солдата

Скоро май, и знамёна парада
Растекутся по русской земле.
Мне припомнилась нынче ограда
На могиле солдата в селе.

Неприметная вроде бы с виду.
Проржавела. А дед говорил:
«Если рыжая, значит, обиду
На кого-то солдат затаил».

А солдат, как нарочно, весною
Прикрывает могилу травой,
Чтоб его обошли стороною,
Не тревожили сон вековой.

Чтоб не клали на холмик конфеты,
Рукава перед тем засучив.
Лишь кукушка лесная всё лето
Прилетает к нему и молчит.

За Отчизну отдавший все силы,
Не просивший взамен ничего...
...И шагает парад по России
В честь Великой Победы его!

Мы русские, а значит, победим!

Домой пришёл я на исходе дня,
Поставил берцы молча у двери.
Никто встречать не бросился меня,
И сердце вдруг заёрзало внутри.

Проверил дом. Дохнуло холодком.
Нигде не встретил тёплое: «Привет!»,
И, взгляд направив в зеркало тайком,
Я понял, что меня здесь тоже нет.

Что всё вокруг – придуманный мираж...
А я на самом деле третий день
Лежу под грудой брёвен. Наш блиндаж
Снаряд врага поставил набекрень.

Подняться бы, да нету сил дышать.
Но чувствую, как шёпотом в груди
Твердит моя несносная душа:
«Мы русские, а значит, победим!»

Дипломант конкурса

Наталья ДАРОВАННАЯ,

*член Союза писателей России
г. Шебекино, Белгородская область*

Тишина

Ах, тишина, как ты нужна, как ты желанна!
Ты так вкусна, ну просто ложками черпай!
Стоит у дома, смотрит в небо тётка Анна,
За облаками разглядеть пытаюсь Рай.

Пока молчит сирена, нет прилётов,
Как будто оживает всё вокруг,
Но громкий звук – и больше нет кого-то,
Случайно... Вдруг... А может, и не вдруг...

Когда с утра промеж домов идёшь за хлебом,
Пересыхает всё во рту и дрожь в руках.
И ты, подобно тётке Анне, смотришь в небо.
Туда, где Рай скрывают облака.

Русский мир

Я росла на традициях мощного русского мира,
Где в семье выше всех почитают и мать, и отца.
Я не сяду за стол за один со лжецом и проньюрой,
И под крышу свою не впущу на ночлег подлеца.

Я за голую правду, за ту, что сейчас с автоматом
На границе стоит, защищая мой дом от беды.
Я из тех, кто отдаст все последние крохи солдатам,
Принесёт родниковой, как вера, чистойшей воды.

Я из тех, кто давно не сидит, не живёт в инстаграме *,
Не любит жизнь продажных уехавших шкур.
Я из тех, кто хранит о победе священную память
И кого не прельщает, как фантик, блестящий гламур.

Вы простите меня, те, кто стонет и бесится с жиру,
Вы ещё не видали воочию нашу войну.
Я из самого важного, лучшего русского мира.
Я из тех, кто скалою стоит за родную страну.

---

* Организация Meta, которой принадлежит Instagram признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Дипломант конкурса

Юрий КОРЧАГИН

г. Воронеж

В святом углу

У бабушки в углу иконка,
Лампадка тлеет фитильком.
А за иконкой – похоронка,
А рядом с Богом – Дед с Отцом.

От них как будто больше света
В избушке с низким потолком,
И верит бабушка, что это
Всё предназначено Творцом.

Одной лампадкою согреты
Все в мире братья на крови.
Прости ей, Боже, слабость эту,
Поскольку Суть твоя – в Любви...

Пехота, 1942 год

Война, мой милый мальчик, есть война...
Она грязна, убийственно грязна.
И холодна, когда лежишь в шинели,
Скукожившись, под ледяным дождём!
А вместо каши – котелок шрапнелью
Пробит. Да бес с ним, с этим котелком...
Вон перед нами взвод лежит у бровки,
Уже и стоны больше не слышны...
Их порцию «наркомовскую» водки
Потребуем поздней у старшины
И их помянем, душу согревая
И заглушая голод, холод, страх...
Мы боль потерь на ярость заменяем,
Кто помоложе... Старым дело – швах.
Они своё давно отвоевали:
Глаза не видят, ноги не несут,
В лихой замес войны сынов отдали
И Богу душу скоро отдадут.
В пехоте не сойдёшь с ума едва ли –
Навстречу смерти под огнём вставать...
Мальчишки милые,
Смогли вы, устояли!

Но как же страшно в двадцать умирать...

Дипломант конкурса

Николай МАКСИКОВ

г. Камышин, Волгоградская область

Родина моя

Край, откуда я родом, дорог чем – не пойму.
В нём не мазано мёдом отродясь никому.
В нём крестьянские веси, и намоленный шлях
Осень грустная месит в непрестанных дождях.

Ничего тут для дива не удастся найти,
Но сбегают ретиво в этот край все пути.
Жизнь тиха здесь, забита, но полней и свежей –
Нет в ней тухлого быта городских этажей.

Тут открыто и просто, по-отцовски светло,
Предки молча с погоста осеняют село.
И сюда вереницей год за годом назад
С юга дальнего птицы на гнездовье летят.

В упоённом тумане птичьим криком дразня,
Чем-то сладостным манит этот край и меня.
Все дела подытожив, кончив суетный бег,
Я когда-нибудь тоже в нём осяду навек.

Палач

В сорок первом, у Лобни, приказал мне комбат:
«Фрица этого – шлёпни. Упирается, гад.
Ничего, мол, не выдам, смерть ему не страшна.
Мне же с ним, паразитом, лишь морока одна».

По сугробам, к оврагу, скорбным тихим путём
Непонятым зигзагом мы понуро идём.
Не ищу оправданий, матерясь сгоряча:
Нет удела поганей, чем удел палача.

Я отмщения жаждал, был насуплен и строг:
Скольких наших сограждан он повесил и сжёг!
Но соплю очумело без особых отваг:
Вот в бою – это дело! А расстреливать ... как?

Перед самым оврагом ухнул громко фугас.
Мне подумалось: благо, что стреляли не в нас.
Только фриц тот – готовый – рухнул, бледный как мел.
Шельму всё-таки снова Бог пометить сумел.

Валентин БАЮКАНСКИЙ

Маньчжурский дневник

Исторический очерк

А что мы знаем о войне?

Сегодня, когда участников Великой Отечественной войны становится всё меньше и меньше, узнать об окопной правде того времени становится всё труднее. Именно поэтому возрастает значение фронтовых дневников, которые вели наши солдаты, офицеры и генералы, описывая происходящие события.

В Советском Союзе широко публиковались мемуары полководцев Великой Отечественной войны – маршалов и генералов. Но эти материалы увидели свет лишь спустя 15-20 лет после их написания. Не секрет, что в них вносились значительные коррективы, с учётом политической обстановки в стране.

Многие советские граждане помнят появление в 70-х годах минувшего века автобиографических «шедевров» Леонида Ильича Брежнева, генерального секретаря ЦК КПСС, прочитав которые, они с удивлением узнавали, что тяжелейшие бои на Малой земле имеют и другое значение. Известно, что неоднократно исправлялись воспоминания маршала Георгия Константиновича Жукова, других видных военачальников. Даже если не принимать во внимание существование цензурных ограничений, информация до сих пор остаётся неполной.

Спуститься с генеральских небес поближе к грешной земле возможно через фронтовые записи младшего командного состава и рядовых. Как ни талантливы были военачальники, но Великая Победа была достигнута, прежде всего, благодаря огромному мужеству и стойкости простых солдат. К сожалению, даже сейчас, когда повсеместно провозглашается идея сохранения исторической правды, не все российские архивы открыты для всеобщего ознакомления, а фронтовые дневники времён Великой Отечественной войны издаются крайне редко.

Однако мне повезло. Я смог воспользоваться потрясающей по своей правдивости и уникальности информацией и написал два материала: «Кому нужна

окопная правда?» – по повести белорусской писательницы Тамары Ковальчук «14 дней Бориса Эльпинера» – и «Семи смертям не бывать, одной не миновать» – о фронтовом пути гвардии сержанта Анатолия Блюмкина. Основой моих очерков послужили реальные дневники героев Великой Отечественной войны – пулемётчика и связиста, долгие годы бережно сохраняемые и передаваемые по наследству их родственниками.

Борису Эльпинеру судьба уготовила особую миссию. Для старшего сержанта Эльпинера, награждённого орденом Славы III степени и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», война превратилась в работу, от него во многом зависело сохранение не только его собственной жизни, но и жизней сослуживцев. Пройдя через горнило жестоких боёв, герой чудом остался в живых, но уже в мирное время получил тяжёлое ранение и потерял память. Очнувшись в 1949 году в госпитале, стал вести дневники, в которых описывал свою армейскую жизнь, в мельчайших подробностях восстанавливая происходящие события. Через две недели Борис скончался, так и не успев полностью восстановить хронологию пройденного пути.

Не менее потрясающей оказалась и судьба Анатолия Блюмкина, награждённого орденом Отечественной войны I степени, тремя орденами Красной Звезды (один орден Красной Звезды затерялся в военные годы, свидетельством этому – лишь вырезка из фронтовой газеты), медалями «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией», «За оборону Москвы». О его военном профессионализме свидетельствуют и знаки военной доблести «Отличный танкист» и «Отличный связист».

23 января 1945 года Анатолий Блюмкин был тяжело ранен в бою и отправлен в госпиталь. Было ему тогда всего 22 года. После демобилизации по инвалидности Анатолий Блюмкин вернулся в родной Орёл. В конце 1945 года молодой фронтовик был направлен на восстановление народного хозяйства Литвы в Вильнюс, где 52 года проработал на различных предприятиях республики. В 2007 году в возрасте 84 лет его не стало.

И вот – новая удача. Я случайно натолкнулся на книгу Виктора Митрофановича Кузубова «Маньчжурский дневник» о судьбе художников-фронтовиков, выпускников Орловского художественного училища. Один из них вёл дневник, в котором рассказывал о своей службе в Монголии и о войне с Японией.

Маньчжурский дневник

О войне с милитаристской Японией рассказывал мне отец, гвардии младший сержант, которому пришлось принять в ней участие. Наверное, поэтому я с интересом стал читать дневник и прочёл его за один присест. С первых страниц я понял: о нём должны узнать и другие люди. Меня заинтересовали жизнь и мировоззрение молодого художника, волею судьбы оказавшегося в экстремальных условиях жестокой войны. Звали его Георгий Михайлович Лашин.

Георгий Лашин родился в Ельце в 1914 году. Отец его был старьёвщиком:

собирал ветошь, бумагу, кости, металлолом. Узнав о намерении сына стать художником, огорчился, так как, по его представлению, таким ремеслом не обеспечить семью. После окончания елецкой фабрично-заводской школы Георгий работал в разных местах – и в художественной артели, и в сельском хозяйстве, – но не забывал о своей мечте. В 1935 году он поступил в Московское художественно-промышленное училище имени Калинина.

В 1939 году Георгия призвали в ряды Красной армии. Он попал в 61-й кавалерийский полк 39-й Дальневосточной армии. Служба проходила сначала в Маньчжурии, потом в Монголии. Условия были суровыми: выжженные безводные и безлюдные степи с частыми песчаными бурями и резкими перепадами температуры. Солдаты физически были истощены. Молодой боец Лашин давно не видел деревьев, отвык от травы и цветов и многого того, что для людей в России было привычным и обыденным. К тому же моральное состояние, когда годами ждёшь нападения врага, а он не появляется, угнетало. Лашин знал, что многие его сверстники сражались с фашистами, освобождая родную землю, а он и его товарищи вынуждены были находиться вдали от Родины.

С первых дней службы в Маньчжурии пограничники ожидали японцев. Ждали их нападения и в летние ночи, и в холодные зимние дни. Мокли под ливнем, замерзали в пургу. В Монголии каждый день происходили инциденты с нарушением границы. Солдаты жили в земле, рыли рвы, строили укрепления. Кое-кто, не выдерживая трудностей, пытался бежать. Таких ловили, отдавали под трибунал и расстреливали. Но большинство соотечественников, в том числе солдаты, воевавшие в Европе, о службе пограничников почти ничего не знали.

По воспоминаниям отца, которого после победы над Германией отправили на войну с Японией, отношение воинов-победителей к солдатам, простоявшим всю войну в ожидании нападения на страну японцев, было негативным. Многие рокоссовцы (а отец служил в армии прославленного Константина Рокоссовского) говорили: «Мы кровь проливали, а они столько лет сидели в тылу – ну и вояки!» Хотя понятно, что личной вины солдат в том не было. Был приказ – и те его выполняли. Так, на 1 декабря 1941 года из 5 млн 495 тыс. человек общего состава Вооружённых Сил Советского Союза на Дальнем Востоке и у южных границ находилось 1 млн. 568 тыс. И, когда я прочитал дневник Лашина, в очередной раз убедился: эти люди героически служили стране, только на своём боевом рубеже. И, как признавался Георгий Лашин, лучше воевать, идти в бой, чем годами находиться в таких нечеловеческих условиях.

Прежде чем перейти к цитированию рассказа о боевых действиях, зафиксированных в дневнике, хотелось бы добавить ещё несколько слов о самом Георгии. Интересно было узнать о мировоззрении и особенностях его творческой души, речь как-никак идёт о молодом художнике. Приведу две дневниковые записи.

«Много людей более талантливых, чем я, но у всякого человека есть самое дорогое, второе после Родины. Первое место – Родина. А второе – у одних женщины, вино, сытая жизнь, у других – наука, у третьих – ремесло, а у меня самое великое и дорогое – искусство. Так оно мне дорого, что мне кажется, что родина

и искусство для меня – одно и то же. Нет искусства без Родины, и я не завидую тому, у кого есть Родина без искусства. Пусть умрёт всё, пусть исчезнут все радости, всё дорогое, но останется искусство. Разве когда мир забудет Леонардо да Винчи, Анджело, Рафаэля? Разве мир забудет Репина, Серова, Левитана? И не забудет русский народ Верещагина, погибшего на русско-японской войне 1905 года. Он выполнил долг до конца – долг русского патриота и художника. Мне очень и очень далеко до Верещагина, но долг свой, долг русского, я должен выполнить до конца. Пусть не будет меня, но моя Родина и искусство должны будут жить».

Думаю, что так же рассуждал и сам Верещагин, и многие русские интеллигенты, защищавшие Отчизну.

«Для того, чтобы человек понял, что такое жизнь, его нужно пропустить через испытания жизни и смерти, через солдатскую долю, бои, огонь. Вот тогда он узнает цену жизни и её суть. А тот, кто не пройдёт этот страданный путь, тот душой обязан это понять, если душа у него есть. Для тех, чья жизнь в концертах и мамушкиной опеке, чья душа воспитана на литературе, – для тех не понять самую сокровенную глубину жизни».

Лашин уже шесть лет находился на территории Монголии. Наконец поступил тревожный и долгожданный приказ. 9 августа 1945 года он со своей воинской частью перешёл монгольскую границу. Бесчисленный поток советских танков, машин, орудий устремился на китайскую землю, захваченную японцами. За день наши воины преодолели 100 километров по непроходимой местности, противника встретили лишь на второй день. Несколькими выстрелами отогнали отряд японцев. Прошли ещё 60 километров. Продвижение замедлилось. Приходилось идти с горы на гору – и так без конца. В долинах между гор места были вязкие, а травы – выше машин.

В этой простоте весь ужас войны

12 августа Лашин записывает: «Говорят, что через час-полтора бой. Едем вперёд. Попадается первая машина с ранеными – она стоит под деревом, раненые лежат в разных позах, им делают перевязки. Впереди всё слышнее и слышнее орудийные выстрелы, треск пулемётов, ружей, автоматов. Показывается станция Болтан. Вокруг на горах дзоты, из них по колонне ведётся пулемётный огонь. Останавливаемся. По дзотам бьют наши орудия, пулемёты. Трассирующие пули красивым рикошетом летят по горам после удара о скалы. На станции горит разбитый нашими снарядами воинский эшелон японцев. Валяются разбитые вагоны, паровоз. Соппротивление подавлено, движемся дальше. Вокруг – трупы убитых японцев, под деревом наши бойцы копают могилу для наших убитых. А японцев много – от горящего эшелона запах горелого мяса, горы трупов около вагонов, развороченных нашими снарядами, и в самих вагонах. Это были курсанты японской офицерской школы, пробиравшиеся из Солуны по железной дороге в город Ваньмяо. Наши машины едут по трупам японцев

– вот одна кровавая масса, рядом ноги, вдавленные в землю до пояса, на поверхности только туловище. И запах гари и жареного мяса преследует нас – это война, ещё, правда, только её начало...».

«А вот наш боец – пуля пробила каску навывлет вместе с головой. Он лежит на спине, раскинув руки, согнув в последней судороге ноги. Раньше я думал, что война – это очень сложная вещь. А теперь вижу, до чего она проста. Но в этой простоте и заключается весь ужас войны... Всё весьма просто: жил человек, бежал, разгорячённый боем, вперёд – и вот он лежит, и для него кончено всё. Вся радость и горе жизни окончились – где-то осталась старушка-мать, где-нибудь на Украине или в Калининне ждёт его девушка, а он лежит, полузакрыв глаза на далёкой-далёкой чужой земле, и только его боевые друзья будут знать, где его могила, и никто не придёт на неё никогда».

Вот это и есть страшная, чудовищная правда войны. Для моего отца и миллионов солдат, успевших повоевать и дошедших до Берлина (отец закончил войну в латвийском городе Лиепая), эта апокалиптическая картина в самом начале боевого пути вызывала такие же эмоциональные чувства, как у Лашина, впервые столкнувшегося с массовой гибелью людей. Со временем солдаты воспринимали происходящее менее эмоционально, почти как должное. С ранимой душой нельзя воевать. Вольно или невольно человеку приходится этой самой душой черстветь. Моего отца в начале боевого пути опытные ветераны учили: «Хочешь жить – убей врага первым. Иначе он убьёт тебя».

В дневнике не раз ещё будут описаны смерти японцев и наших солдат. Не буду цитировать его полностью, чтобы не травмировать психику читателя, которому трудно понять, что такое война на самом деле. А она, как я уже говорил, не компьютерная игра – тут нет дополнительных жизней. Да и сам Лашин считал, что это грязная работа, далёкая от романтики и высокопарных слов. Ограничусь лишь несколькими эпизодами и общей информацией. Японцы, стараясь избегать открытого боя, нападали в темноте или выскакивали из травы, которая была выше человеческого роста.

16 августа. «Дипломатия японцев хитрит, выигрывает время. Пока идёт болтовня о капитуляции, их войска отходят на восток, к морю, хотят уйти к себе на острова. Цель – собрать войска и вооружение. Их командование приказа о сдаче не даёт – война продолжается. Сейчас вечер, солнце село за хребет Хингана. Тоска заполняет сердце. Там, на западе, – жизнь, люди, там мать, брат, сестрёнка. Скоро седьмой год пойдёт, как в чужих землях. Прошёл Монголию, Китай, сейчас в Маньчжурии. Душа устала, тоскует о человеческой жизни...».

Психологический прессинг и неизвестность – не знаешь, когда наступит твой последний час, – побуждают человека удивляться, казалось бы, обыденным вещам – цветам, глотку чистой колодезной воды, красивому закату, не говоря о музыке – целительнице души, и дорожить этим. Лашин ценил искусство. Встреча с прекрасным всегда доставляла ему радость. Так, услышав музыку Чайковского, он рассуждает: «У агитмашины установили радиолу. Играет скрипка – Чайковский. Какая-то маменькина дочка, избалованная, писала, что она умирает от му-

зыки – так она её чувствует. Ложь. Она, такое создание, не может её чувствовать. Чувствовать её может человек не под крылом у маменьки. Вот здесь, на чужой земле, кругом враги, льются звуки Чайковского – и как волнуется душа! Нет слов, чтобы это выразить! Вот здесь, среди трупов японцев, рядом со смертью, эти звуки вгрызаются в душу навечно, навсегда. В звуки врывается выстрел – от этого они ещё ярче, звучнее, волнующе. Разве это когда-нибудь забудешь!»

Шло время. Наши и японцы гибли во время стычек даже тогда, когда японское руководство объявило о прекращении огня.

17 августа. «На том же месте. Слушали сводку: японцы переходят в контратаки на всех фронтах. Гражданские лица в Союзе думают, что война уже кончена, а у нас жертвы, бои продолжаются».

Мало, вероятно, я видел крови

Со времени начала боевых действий прошло всего десять дней. Лашин за это время не смог полностью отрешиться от своих прежних идеалов и воззрений – известно, что искусство способствует раскрытию лучших качеств в человеке.

18 августа. «Поймали раненного в ногу японца, привели к машине. У него какое-то японское знамя, рана на ноге гноится, в ней уже ползают черви. Он бо-сиком, без оружия, сидит на земле и пишет по-русски на поданном ему листе бумаге. Отвечает на заданные вопросы, при этом путает – то ли от незнания, то ли умышленно. Называет себя солдатом второго разряда. Знамя белое с красным кругом посередине, всё знамя расписано японскими знаками – предполагают, что это росписи всего личного состава японского подразделения.

Допрашивают его долго, часа два, потом приказывают идти в кукурузу. Он понял зачем, не хочет идти, при этом поднимает вверх руки и показывает на ногу – “он раненый и сдался в плен”. Всё же его заставляют двигаться. Он идёт, сильно хромя, очень медленно – ждёт выстрела в спину.

На душе как-то давит, беспокойно, щемит какая-то тоска. Мало, вероятно, я видел крови и убитых. Или ещё не выветрилась у меня душа художника-гуманиста, душа до боли повышенной чувственности? Я спокойно и уверенно стрелял туда, откуда стрелял враг в меня, ловил его на мушку – но в этого пленного с наполненной червями тяжёлой раной, с просящими глазами я стрелял бы только по приказу командира, против желания своего организма. Представляю, что я тоже, вот так, в плену, сзади меня враги, и у меня такая рана – и я делаю с болью последние шаги, каждую сотую долю секунды ожидая выстрела. Нет, лучше смерть в бою, чем плен!

Японец всё идёт, подходит к кукурузе и обходит её стороной, мимо. Он хочет ещё пожить несколько секунд. Его вновь направляют в кукурузу. Наконец-то выстрелы – один, второй, третий, четвёртый. Наконец-то. Я понимаю, что это необходимо, что это война, иначе нельзя, отпустить тоже нельзя – он ночью приведёт из гор много своих, и нас перережут, как цыплят. Но всё же он человек – безоружный, тяжело раненный...».

Удивительный фрагмент боевого дневника! С одной стороны, солдат Лашин действительно видел мало крови и убитых. Например, вся семья и почти все родственники моего отца погибли в ленинградскую блокаду. То, что тогда ему пришлось пережить, трудно описать без эмоций. Настолько тяжело, что, когда окончилась война, мой отец не стал возвращаться в родной город – слишком много горя было с ним связано. Наверное, поэтому отец после эвакуации из Ленинграда, а тогда ему было 18 лет, рвался в бой. Его не пугала смерть, ему хотелось отомстить за близких. С другой стороны – в душе русского человека всегда присутствует христианское милосердие к поверженным врагам. Не к тем, с кем воюешь, а к тем, кто уже повержен и сдался в плен.

После демобилизации отец остался жить на Сахалине. В 1950 году в составе агитбригады впервые в истории острова обошёл на лыжах вокруг Сахалина. Во время этого лыжного похода случайно набрёл в тайге на лагерь рабочих. Оказалось, это были военнопленные из разных стран, воевавшие на стороне фашистов. Были среди них и японцы. Им повезло – они искупили свою вину ударным трудом и многие смогли вернуться домой.

23 августа. «Вчера наш десант высадился в Порт-Артуре. Сколько в этом имени значения для каждого русского человека! 40 лет назад (для Лашина это не так давно, а для современных читателей – дела давно минувших дней) из-за бездарности и измены генералов царской армии Порт-Артур взяли японцы. Погибли тысячи русских солдат, погибли героями. Но война была проиграна. В этих маньчжурских полях и горах воевал и мой отец. И вот сейчас, через сорок лет, мы, сыны наших отцов, сыны солдат маньчжурских боёв, сами с боями пришли сюда, чтобы вернуть России её город Порт-Артур, возвысить славу и величие Родины».

Оставшиеся записи дневника представляют собой рассказы о вылазках японских солдат, о гибели сослуживцев Лашина и его размышления о судьбе человека. Я ограничусь лишь двумя, на мой взгляд, наиболее значимыми.

А у нас, у победителей, всё по-старому

3 сентября. «Победа! Сегодня большой день в моей жизни. Вчера часов в 12 ночи раздались выстрелы. Стрельба всё разгоралась и, наконец, превратилась в сплошной гул, от которого дрожала земля и глохли уши. Небо всё было изрезано линиями трассирующих пуль, было светло, как днём, от бесчисленных ракет. Вначале думали, что нападение японцев, потом узнали: тов. Сталин обратился к народу с речью. Вторая мировая война во всём мире закончилась. Япония 2 сентября подписала акт о капитуляции, 3 сентября объявлено всенародным праздником Днём Победы.

Утро было прекрасное, тихое. Ярко светило солнце. Я лежал и думал о том, что где-то на Родине люди празднуют этот день, а у нас, победителей, всё по-старому. Правда, сегодня, в отличие от тех дней, выдали немного хлеба».

26 сентября. «Переехали границу Монголии и Маньчжурии. Подъезжаем к реке Халхин-Гол. Это легендарная река – здесь в августе 1939 года наши воины давали отпор японцам, перешедшим границу. Здесь была уничтожена целая 6-я армия японцев. Вот памятник нашим героям. Он сделан из гильз всех калибров оружия – от 155-миллиметровых орудий до винтовочных. Простой солдатский памятник тем, кто на чужой земле, за тысячи вёрст от родного дома, защищал нашу землю. Вокруг степь, ни единой души, только этот простой памятник. Где-то есть у этих похороненных здесь воинов родные. Помнят они их, погибших шесть лет назад? Помнят ли тех, кто ради счастья сегодня живущих навеки остался в этой чужой пустыне? Пусть знают все, кто сейчас живёт и радуется, что за их смех, за их улыбки, за их счастье, за их жизнь эти бойцы отдали лучшее и главное – свою жизнь».

Именно для того, чтобы мы всегда помнили о тех, кто ради нас отдал свою жизнь, и должна сохраняться историческая память, для того и нужны такие дневники, в которых честно, без прикрас, зафиксирована окопная правда.

Сергей БЕРСЕНЕВ

Начать бы с чистого листа

Стихи

Начать

Начать бы с чистого листа,
страницы прошлого не трогать.
И вновь пишу о поездах,
о непредвиденных дорогах.

Пишу, что не предвосхитить
ни пылких встреч, ни расставаний.
В пути рождаются стихи
под чай, сменивший спирт в стакане.

Куда-то вскоре приведут
поэта мысленные рельсы, –
на радость или на беду,
к тому, о чём я и не грезил.

И не подскажет проводник –
чьё имя носит полустанок...
И только звёздные огни
светить душе не перестанут...

И повезёт однажды мне
всю тяжесть недомолвок сбросить.
Начать бы... позабыв о дне,
когда Господь отчёта спросит.

Мой друг торопится куда-то...

*Как будто новая погоня
Нас унесёт в иную даль.
Василий Романенков*

Мой друг торопится куда-то,
за кем-то гонится опять...
Чего ему от жизни надо?
Что он пытается понять?

В покое дома не сидится –
и, подгоняемый пчелой,
удачи ищет не в столице,
всегда холодной и чужой:

он за неведомой чертою,
среди придуманных лесов,
неприручаемых чудовищ,
с природою – к лицу лицом.

На берегах озёр бездонных,
где плен русалочий – за честь,
отвешивает он поклоны
земле и точно знает – есть

ещё такое захоlustье,
от взгляда спрятанная глушь:
коль попадёшь, то не отпустит
объятьями сибирских стуж,

любовью звёзд, что не погасли,
опасною загадкой зги...
Мой друг неизмеримо счастлив
вперёд наматывать шаги.

Август

Август – друг непостоянный:
то весёлый, то грустит...
Время встреч и расставаний,
время – к берегу грести.

Подводить вдвоём итоги –
с чем придётся доживать?
Время для «экспертов» строгих,
время жизнь перешивать.

Оглянуться, встрепенуться –
больше светлого, чем тьмы.
Время – в трудности не гнуться,
время – всё, что губит, смыть.

Чувства брагой настоялись...
Пью до чёртиков, прости...
Вновь с тобой за вёсла взялись!
Не печалься, не грусти!

Февральский

*Суров февраль и март суров.
Тот и другой метелят гневно...
Василий Романенков*

Февральский я, но всей душою в март
перехожу с надеждой – стать добрее,
покинуть стен холодных каземат...
А месяц укороченный довлеет...

За то, что строки тянутся к весне,
за то, что не привык вовсю метелить...
Вот улыбнусь – сойдёт последний снег
на этой или будущей неделе...

Навязчивый, проплачется, сойдёт –
чужому вдохновенью – не помеха, –
и птица прилетит, гнездо совьёт,
и щебет отзовется в строчках эхом.

Израненный за годы, хмур и сед,
к тоске и прочим слабостям невежлив,
я счастлив буду, познавая свет,
как только что родившийся подснежник.

Фея

Золотые волосы распущены,
палочка волшебная в руках...
Фея, возврати мне, что упущено,
только простофилю не ругай.

В детстве я любил смотреть на облако,
странности выискивая в нём, –
жизнь текла от образа до образа
и казалась беспробудным сном.

Мальчик тот, богатый на фантазию,
год за годом не хотел взрослеть
и другим ровесникам показывал,
как же продолжителен рассвет!

Не построил я, быть может, тэрема,
не возвёл зажиточных хором,
да растут, красуются два дерева –
души их наполнены добром.

Две берёзки, две святые девочки, –
в каждой свет божественный горит...
Фея, всё упущенное – мелочи,
если путь мой кто-то повторит!

Есенин

*Мои мечты стремятся вдаль,
Где слышны вопли и рыдания,
Чужую разделить печаль
И муки тяжкого страдания.
Сергей Есенин*

Разве есть в том какая-то польза,
что напрасно лелеял мечту?
Это ж надо, гуляку, пропойцу
через век за святого сочтут!

Лик похабника не для медали,
дружит слог мой с цыганской струной...
Да, я слышу чужие рыдания:
они день ото дня – за стеной.

Я пытаюсь увязнуть в печали,
как простой деревенских пастух,
а стихи потихоньку дичают –
от наивной души за версту.

Может, где-нибудь в городе Энске
повстречать можно счастье на миг...
Заплутал в лабиринтах я женских,
как не знающий леса грибник.

Покровителей чёрные стаи –
откровений им в клюв не клади:
аплодируют Троцкий и Сталин,
и тревога – биением в груди.

Жернова нынче судьбы корёжат,
как бы ты высоко ни залез.
Кто-то раньше меня, кто-то позже
попадёт под кровавый замес.

Быть низвергнутым в тридцать – нелепо:
мне б ещё проскакать на коне!
Покорители звёздного неба,
много ль знаете вы обо мне?

Башни черты засечной*

Посвящается Белогорью

Край заповедный, гордый...
Гостеприимный край...
Здесь кочевали орды,
ляхи искали рай.

Здесь не желали сечи:
если с добром, ты – свой!
Башни черты Засечной –
против вражды и войн.

Если дружить – навеки,
не обнажая меч,
чтобы без крови реки
к устью могли бы течь,

чтобы в огне пожариц
не погубить леса...
Выстрелишь – не исправишь,
кончатся чудеса.

И города, и сёла
сгинут, как не росли...
С праведным Божьим словом
не пригубить росы!

Кто б в слободе Ильинской**
знал, что спустя века
грохнет тот самый выстрел –
в душу, издалика...

Поле задышит грудью,
тяжко, на весь простор,
залпами всех орудий
встретит врага в упор.

Для тьмущей-тьмы незваной
не каравай – снаряд:
залпы от сердца, залпы –
варвары пусть горят!

Гусениц страшный скрежет:
лава – за танком танк!
Так по живому режут,
смерти желают так.

Можно и в штыковую,
и на таран – бронёй
за сторону родную,
каждый солдат – роднёй!

В духе едины, в речи –
братья из разных мест.
Башни черты Засечной
вновь понесут свой крест!

И понесут знамёна
с клятвою на устах –
помнить всех поимённо,
кто покорит Рейхстаг.

Калейдоскопом минут
восемь десятков лет...
Бомбы, ракеты, мины –
это шли битвы вслед!

Город расправит плечи –
белого камня стать.
Башням черты Засечной
на смерть в бою стоять!

* - Башни засечной черты — фортификационные сооружения, входили в систему оборонительных сооружений на пограничных рубежах Русского государства в XVI–XVII веках.

** - Слобода Ильинская основана под Белгородом шляхтичем Кириллом Григорьевичем Ильинским. В 1860-х годах Ильинская Слобода была переименована в честь царствующего императора Александра II в с. Александровское. В 1880-х годах западнее села прошла Курско-Харьковско-Азовская железная дорога, была построена станция Прохоровка, названная по фамилии инженера-путейца В. И. Прохорова, ответственного за её строительство.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Святки в творчестве Ивана Бунина

Статья

Основные темы и мотивы творчества Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953) – православная духовность, Россия, её природа и судьба, христианский дух земли русской, национальный характер, загадка русской души, человек и мироздание, любовь и тайны бытия, вечные проблемы жизни и смерти, уходящие корнями в сакральный текст Священного Писания.

Христианское мировоззрение, национально-русская патриотическая позиция, развитый эстетический вкус писателя в совершенстве проявились в раннем бунинском рассказе «Антоновские яблоки» (1900). В этом опыте «путешествия в воспоминаниях», наполненном особым лирическим смыслом, складывались отличительные черты авторской манеры и литературного стиля Бунина, воплощалось его религиозно-художественное миропонимание.

В «Антоновских яблоках» отразились личные, недавно пережитые впечатления писателя от усадебной деревенской жизни в Орловской губернии. В августе 1891 года Бунин писал своей возлюбленной Вареньке Пащенко: «Вышел на крыльцо и увидал, что начинается совсем осенний день. Заря – сероватая, холодная, с лёгким туманом над первыми зелеными... Крыльцо и дорожки по двору отсырели и потемнели... В саду пахнет антоновскими яблоками... Просто не надышишься!..»

Бессюжетное полотно, будто состоящее из цветных мазков, световых пятен, фрагментов, впечатлений, имеет сюжет внутренний. Это хроника вечной природной жизни в Господе. Гораздо важнее сюжета сама неповторимая атмосфера рассказа. Она разлита в любовании красотой средней полосы России, в наслаждении немудрёной жизнью среднерусской усадьбы – «дворянского гнезда». Это особое одухотворённое пространство представлено в тончайших наблюдениях и переживаниях.

Аромат антоновских яблок становится эстетической реальностью, пронизывающей всю художественную атмосферу произведения. В первоначальной ре-

дакции рассказ имел следующее вступление: «Где-то я читал, что Шиллер любил, чтобы в его комнате лежали яблоки: улежавшись, они своим запахом возбуждали в нём творческие настроения. Не знаю, насколько справедлив этот рассказ, но вполне понимаю его: есть вещи, которые прекрасны сами по себе, но больше всего потому, что они заставляют нас сильнее чувствовать жизнь. Запахи особенно сильно действуют на нас, и между ними есть особенно здоровые и яркие: запах моря, запах леса, чернозёма весной, прелой осенней листвы, улежавшихся яблок <...> чудный запах крепких антоновских яблок, сочных и всегда холодных, пахнувших слегка мёдом, а больше всего – осенней свежестью!»

Впоследствии автор снял это вступление. Но на его незримое присутствие указывает многоочие, непривычно вынесенное в самое начало рассказа, будто это не зачин, а продолжение повествования – в непрерывном потоке воспоминаний: «...Вспоминается мне ранняя погожая осень» (1, 147). Приём умолчания, усиленный глубокой паузой, подчёркивает своеобразие показа художественного времени: «читатель входит в некий постоянно текущий, непрерывный, безначальный поток воспоминаний, и не так важно, где и когда в него войти».

Накрепко связанный с родной землёй, со своим народом, Бунин, производивший внешнее впечатление холодного чопорного дворянина-аристократа, избирает в рассказе деревенский, именно крестьянский угол зрения. Впечатления лирического героя сливаются с фольклорным календарём, в котором народная мудрость соединила наблюдения над вечно обновляющейся жизнью природы с христианскими праздниками, духовно возрождающими человека, с именами Святых – наших молитвенников и заступников перед Господом.

Знаменательно, что народный календарь наполнен добрыми знаками, счастливыми приметами. Эмоционально-оценочный контекст задаёт светлую тональность всему повествованию: «Август был <...> с дождиками в самую пору, в середине месяца, около праздника Св. Лаврентия. А “осень и зима хороши живут, когда на Лаврентия вода тиха и дождик”. Потом бабьим летом паутины много село на поля. Это тоже добрый знак» (1, 147).

Картина урожая из бытовой зарисовки вырастает в знаковый образ радости, красоты и полноты простонародного уклада русской жизни: «“Ядрёная антоновка – к весёлому году”. Деревенские дела хороши, если антоновка уродилась: значит, и хлеб уродился...» (1, 150). Всё это определяет настроение веселья, довольства, православной праздничности: «Осень – пора престольных праздников, и народ в это время прибран, доволен» (1, 150).

Идущее от сокровенных духовных и национальных глубин чувство Родины под пером писателя преображает незатейливые пейзажи в картины необыкновенно прекрасные. Сцены, нарисованные Буниным, на редкость живописны. В палитре художника разнообразные переливы красок: от нежных, прозрачных, пастельных полутонов до ослепительно ярких, сочных, насыщенных: «голубоватый дым», вода «прозрачная, ледяная», «бирюзовое небо», «коралловые рябины», «красные уборы», «целый золотой город» собранного урожая.

Ракурс изображения также многоплановый. Бытовые зарисовки, лирические раздумья сопричастны не только конкретно-историческому движению времени, вызывающему ностальгию автора по уходящей в прошлое мирной и уютной усадебной жизни. Бунин вместе с тем устремлён к Божественной, заповеданной в Евангелии «полноте времён»: «В устроение полноты времён, дабы всё небесное и земное соединить под главою Христом» (Еф. 1: 10). Писатель стремится духом проникнуть в непостижимое таинство слияния небесного и земного, горнего и дольного: «чёрное небо чертят огнистыми полосками падающие звёзды. Долго глядишь в его тёмно-синюю глубину, переполненную созвездиями, пока не поплывёт земля под ногами» (1, 149). Человека не покидает надежда на грядущее обновление жизни: «мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Пет. 3: 13).

Концовка рассказа неожиданно обрывается многоточием. Финал повествования так же открыт, как и его начало. Эта жанрово-стилистическая особенность наполняется христианской метазначительностью: ведь «у Господа один день как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Пет. 3: 8).

Элегически-светлый поток воспоминаний без начала и конца замирает на печально-весёлой ноте. Это народная песня звучит «с грустной, безнадёжной удалью»:

На сумерки буен ветер загулял, <...>
Белым снегом путь-дорогу заметал... (1, 160)

Бунин – писатель очень русский по духу – любил изображать зиму. Может быть, по той простой причине, что на Святой Руси она особенная, не похожая ни на какие другие зимы в чужих краях. В этой связи вспоминается пушкинское:

Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С её холодною красою
Любила русскую зиму.

Также и Фет подчеркнул русскость зимнего цикла своих стихотворений, назвав его «Снега», указав на отличительный признак нашей зимушки-зимы. «Мне для работы, – признавался И.С. Тургенев Эдмону де Гонкуру, – нужна зима, стужа, какая бывает у нас в России, мороз, захватывающий дыхание, когда деревья покрыты кристаллами инея...»

Зима в её русских приметах рисуется во многих бунинских рассказах. «День хороший, морозный, за ночь снег выпал, виден следок везде: все к обедне пошли» (1, 426), – пишет автор в рассказе «Иоанн Рыдалец» (1913). «Ах, в зиме было давно знакомое, всегда радовавшее зимнее чувство! Первый снег, первая метель! – восклицал писатель в рассказе «Худая трава» (1913). – <...> В белых снежных полях, в метели – глушь, дичь, а в избе уют и покой» (1, 444).

Бунин с таким мастерством умеет передать тепло и уют запертого изнутри дома, который осаждают мороз, снежные метели и сугробы, что от текста исходит отрадное тепло, как от натопленной русской печки: «Вечером <...> горели лампы, а тепло изразцовой каменки и попоны, покрывавшие пол, давали сладостный уют» (2, 280), – читаем в рассказе «Святитель» (1924). Его действие происходит «двести лет тому назад, в некий зимний день», на Святки, когда звучат «песнопения во славу Пречистого Рождества Господа нашего Иисуса Христа, Красоты нашей неизреченной» (2, 280).

Так соединяются святость и Святки, сквозь русский зимний праздничный цикл светится образ Святой Руси.

В рассказе «Святые» (1914) представлена настоящая зимняя сказочность: «светлая морозная ночь сверкала звёздами за мелкими стёклами старинных окон.<...> видно было глубокое небо в редких острых звёздах, снег, солью сверкавший под луною, длинная волнистая тень дыма <...> а дальше, за белыми лугами – высокие косяги, густо поросшие тёмным хвойным лесом, сказочно посеребрённым луной сверху» (1, 483).

Картину Святой Руси создают предания о Святых страстотерпцах. Действие рассказа «Святые» разворачивается на Святках. Бунин воспроизводит обстановку христианского, – по традиции, семейного – зимнего праздника в гостеприимной дворянской усадьбе. Однако мотив беспечного веселья, заявленный во вступлении, в дальнейшем служит лишь контрастирующим фоном, сопровождающим совсем иную атмосферу – благостной тишины, внутренней сосредоточенности, раздумий о Боге и об истинном предназначении человека.

В то время как ярко освещённый барский дом беззаботно живёт «своей жизнью, весёлой, праздничной» (1, 484), в дальней бедной комнатке, таинственно освещённой лишь лунным светом, бывший дворовый Арсенич, пришедший навестить своих прежних господ, «в какой-то радостной задумчивости» растроганно проливает слёзы о судьбе Святой мученицы Елены – «великой печальницы», Святого великомученика Вонифатия, чья память чтится зимой, на Рождественский пост, перед Святками.

Писатель выбирает необычный ракурс: жития Святых представлены и сквозь призму детского восприятия. Маленькие герои Митя и Вадя тайком пробрались в заднюю каморку, куда лишь отдалённо доносится шум праздника, чтобы послушать рассказы старого Арсенича.

Два разных мира – детство и старость – поставлены перед лицом друг друга. Дети с нескрываемым любопытством пристально разглядывают непостижимые для них признаки дряхления в облике Арсенича: «сизые старческие руки <...> жили на его сморщенной розовой шее» (1, 484–485). С простодушием, присущим юному возрасту, озвучивает Митя вывод из своих наблюдений: «Вы теперь умрёте скоро» (1, 485). Однако бесхитростная детскость в данном случае совпадает с умудрённостью старости. Арсенич принимает неизбежность своего скорого ухода из жизни настолько же мирно, насколько спокойно и дети спрашивают его об этом: «Суцья правда ваша-с. Полагаю даже нынешней зимой» (1, 485).

Смиренномудрое, кроткое отношение к смерти при всей полноте жизнелюбия свойственно народному мировосприятию, основанному на православной вере. Это одна из загадок, постоянно волновавших Бунина.

«И когда это ты умрёшь, Панкрат? Небось, тебе лет сто будет?» – задают вопрос старику в рассказе «Антоновские яблоки». В ответ он «кротко и виновато улыбается. Что ж, мол, делать, – виноват, зажился. И он, вероятно, ещё более зажился бы, если бы не объелся в Петровки луку» (1, 150). Его старуха сама купила себе на могилку большой камень, «так же как и саван, – отличный саван, с ангелами, с крестами и с молитвой, напечатанной по краям» (1, 151). Осмысленность и тщательность этих приготовлений к последнему исходу (важно, чтобы он был обставлен должным образом, по православному чину) показывают, что смерть не страшит бессмертную в своих христианских чаяниях душу. Готовясь предстать перед Богом, Который «не есть Бог мёртвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20: 38), человек из народа обретает в конце земной жизни спокойное, ясное приятие бытия, мироустройства – в полном соответствии с упованиями Нового Завета: «если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения <...> Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскресши из мёртвых, уже не умирает: смерть не имеет над ним власти» (Рим. 6: 5; 8–9).

В то же время и на пороге смерти земная жизнь, дивно устроенный Божий мир притягательны для человека. В Арсениче ещё очень сильна потенциальная энергия жизни. Со своими малолетними собеседниками он делится самым сокровенным: «кабы моя воля, прожил бы я на свете тыщу лет!

– А зачем?

– А затем-с, что всё бы жил, смотрел, на Божий свет дивился...» (1, 491–492).

Таков же старец Иванушка, ещё полный жизненных сил, в повести «Деревня» (1909–1910). Этот герой никак не хочет поддаться смерти. Аверкий в рассказе «Худая трава», своим благообразием напоминающий иконописный лик: «измождённое лицо с тонким сухим носом, жидко-голубые глаза и узкая седеющая борода» (1, 429), – смиренно и безропотно ожидает смерти, но с последней надеждой на чудо, хотя сам он уже походит на «живые мощи».

Пересечение с известным рассказом И.С. Тургенева «Живые мощи» (1874) весьма ощутимо, и это литературное влияние закономерно. Б.К. Зайцев (лично знавший Бунина, оставивший о нём очерк воспоминаний) справедливо назвал тургеневский рассказ «драгоценностью нашей литературы». Его главное достоинство – изображение способности человека в любом состоянии радоваться самоценности жизни, благословлять и принимать её в любых проявлениях. Художественное воплощение получает новозаветная заповедь радости, во имя которой люди призваны жить на земле: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Мф. 5: 12).

К восторженному удивлению перед чудом творения совершенного Божьего мира присоединяется сознание несовершенства мира человеческого – с его

«лукавым мудрствованием», спасаемого лишь подвигами Святых. Эти противоречивые переживания сливаются у Арсенича в неделимый комплекс противоположных эмоций-антиномий: радости и грусти, улыбок и слёз, торжества и печали. «Глядя на детей грустно-радостными глазами» (1, 491), он «в какой-то радостной задумчивости плакал горькими слезами» (1, 484), непрестанно рассказывая своим маленьким слушателям о подвижничестве мучениц и мучеников. В их житиях герой обрёл источник духовной силы. Восхищение подвигами Святых пробуждает в Арсениче дар слёз, приближающий его самого к идеалу праведности. Неслучайно Вадя, заслушавшись, вдруг спросил «охрипшим голоском:

– А вы будете Святой?» (1, 491).

Поистине, Бог «утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф. 11: 25).

Оценивая себя как «человека грешного», старик одновременно признаёт: «Душа у меня, правда, не нонешнего веку... Мне Господь не по заслугам великий дар дал <...> слёзный дар называется» (1, 491).

Из Нового Завета известно, что на глазах Христа часто видели слёзы. Господь плакал от жалости и сострадания к людям, об их нераскаянных грехах, ведущих к погибели: «когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нём» (Лк. 19: 41).

Согласно святоотеческому наследию, душа человеческая очищается покаянием и слезами. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Мы не будем обвинены при исходе души нашей за то, что не творили чудес, что не богословствовали, что не достигли видения, но, без сомнения, дадим ответ Богу за то, что не плакали непрестанно о грехах своих».

Дар слёз отличается амбивалентностью, соединяя в себе эмоциональные полярности: «благодатные слёзы – завершение покаяния – одновременно являются началом бесконечной радости (антиномия блаженств, возвещённых в Евангелии, – «Блаженны плачущие, якоии утешатся»).

Именно таков «слёзный дар» старика Арсенича в бунинском рассказе «Святые». Многослойное повествование содержит в подтексте мощный новозаветный пласт – основу житийной темы. Текст бунинского рассказа позволяет восстановить обширный евангельский контекст.

Так, преломление событий сквозь призму детского сознания – приём не столько стилистический, сколько содержательный. Евангельская заповедь: «Будьте как дети» – по-особенному звучит на Святках, когда празднуется Рождество Божественного Младенца. В Богомладенчестве Иисуса Христа человечеству дана новозаветная «сверх надежды надежда» («сверх надежды поверил с надеждою» – Рим. 4: 18) – на искупление, прощение и спасение в «жизни будущего века». Иисус сказал: «пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19: 14); «если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф. 17: 3); «кто примет одно такое дитя во имя Моё, тот Меня принимает» (Мф. 17: 5).

«Святые» Бунина – классический святочный рассказ (хотя автор и не пользуется этим жанровым обозначением), в котором представлены наиболее устойчивые элементы поэтики святочной словесности: зимняя календарная приуроченность, образы детей, мотивы смеха и плача, чуда, спасения, дара, христианская мораль и спасительные уроки.

Список литературы

1. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 3-х т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 1. – С. 564. *Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.*
2. Бунин И.А. Собрание сочинений. – СПб.: Знание, 1902. – С. 75.
3. Новикова Е.А. Воспоминание как форма повествования в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки» // «Поэтика» литературных гнёзд: филология, история, краеведение. – Тула, 2005. – С. 105.
4. Зайцев Б.К. Молодость – Иван Бунин // Писатели орловского края. XX век.: хрестоматия. – Орёл, 2001. – С. 414-420.
5. Зайцев Б.К. Жизнь Тургенева // Зайцев Б.К. Далёкое. – М.: Сов. писатель, 1991. – С. 247.
6. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. – М.: Центр «СЭИ», 1991. – С. 154-155.
7. Там же.

Мария ЗНОБИЩЕВА

«С Пушкиным на дружеской ноге...»

Как грамотно выстроить ассоциативные ряды

Лекция

Среди многочисленных примет впервые пробующей голос молодой поэзии, помимо всем известных роковых «крово-кофейных» метафор, обилия указательных местоимений и архаизмов, нередким явлением становятся пышные ассоциативные ряды, состоящие из фамилий известных людей.

Блок. Маяковский. Опять заскорузлый
Вечер скребётся в серые души.
А в голове Монсерат и Карузо.
Громкие звуки бессмысленно душат.

Или так:

Не Кафка, не Сартр, не Камю
И даже не какой-нибудь завалящий Кант.
Тебе не нужно моё «ай лов ю»,
Ты сам себе музыкант.

И если во втором примере, при всей его специфической оценочности, ещё можно проследить хоть и недоразвившийся, но изначально предполагавшийся логический ход, то в первом связь окружающих метафор с Блоком, Маяковским и оперными певцами совершенно стирается. Возникает ощущение, что Карузо присоединился к компании литераторов ради оригинальной рифмы «Карузо – заскорузлый». Тяжеловесное «Монсерат» как будто «перетягивает» его в «другую оперу» и делает непонятной последнюю строку: кого душат звуки, или, может быть, это их душит нечто?

Какова обычно бывает задумка начинающего автора, через запятую выписывающего фамилии знаменитостей?

– продемонстрировать эрудицию (начитанность, насмотренность), обозначить круг собственных интересов. Это помогает очень быстро определить среди читателей «своих», чтобы в дальнейшем создать микрокружок сочувствующих не столько своей поэзии, сколько сопровождающему её «вайбу»;

– передать настроение (зачем описывать мрачную ночь в декабре, если можно написать «Эдгар По» и получить готовый нужный антураж в сознании постмодернового читателя?);

– обозначить границы себя и собственного мира, наметить собственное место «в ряду великих».

За последнее мастера старой школы критикуют и бранят молодых нещадно. И поделом. «Где ты, а где Блок?» – говорят они, как правило. С другой стороны, когда ещё дерзать, как не в молодости? Дерзайте – почему нет? Только делайте это «уклюже».

Можно, таким образом, спорить об этической стороне дела, но объективный критерий эстетической уместности здесь только один – художественная оправданность.

Имя великого предшественника, на которого делается отсылка, лучше всего не ставить в ряд, а оставить отдельно, как доминанту стихотворения. Тогда легче будет выстроить логику обращения к образу, свои взаимоотношения с ним (М. Лермонтов «Нет, я не Байрон, я другой...»).

При желании воссоздать атмосферу любимого произведения лучше не прямо называть автора или заглавие, а пойти путём поиска аллюзий. Скажем, вместо прямого упоминания имени Оскара Уйальда Сергей Есенин в поэме «Чёрный человек» полноценно развивает тему дьявольского двойника, заявленную в «Портрете Дориана Грея», и завершает собственное произведение аккордом противоборства, одновременно воспроизводя и переигрывая действия уйальдовского героя:

«...Чёрный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешён, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...
...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?

Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...

В знаменитом кавказском стихотворении Анны Ахматовой имена Пушкина и Лермонтова обозначают не только высочайшие точки духовной географии автора, но и вписывают пространство Кавказа в духовный ландшафт Родины:

Здесь Пушкина изгнание началось
И Лермонтова кончилось изгнание.
Здесь горных трав легко благоухание,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары,
В тот предвечерний и жестокий час —
Сияние неутолённых глаз
Бессмертного любовника Тамары.

При этом упоминание о «любовнике Тамары» тонко, в русле канонического отношения к тому, «кого нельзя называть», намечает антиномии времени, места и внутреннего состояния героини.

Спускаясь с поэтических «многотысячников» серебряного века, обратимся к советской поэзии. Что там? Даже если в стихотворении упомянуто несколько поэтических имён, автор выбирает имена гармонирующие, составляющие общее художественное впечатление. Таково упоминание Фета и Некрасова в знаменитом стихотворении Владимира Соколова, не скрывающего внутренней связи собственного творчества с классической традицией:

Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.

Они со мной ночуют
В моём селе глухом.
Они меня врачуют
Классическим стихом.

Звучат, гоня химеры
Пустого баловства,
Прозрачные размеры,
Обычные слова.

И хорошо мне... В долах
Летит морозный пух.
Высокий лунный холод
Захватывает дух.

Из аллюзий и реминисценций сотканы и тексты наших современников. Многие из них пропитаны постиронией (дескать, «знаем, читали, смешно, что всё опять повторяется, но, вот видите, опять то же, что и всегда – куда же деваться...»). Но есть и образы прозрачно-свежие, проникнутые чувством новизны, дышащие ощущением слиянности собственной судьбы с судьбами и строчками тех, кто дышал и жил когда-то.

...Декабрьским утром чёрно-синим
Тепло домашнее покинем
И выйдем молча на мороз.
Киоск фанерный льдом зарос,
Уходит в небо пар отвесный,
Деревья бьет сырая дрожь,
И ты не дремлешь, друг прелестный,
А щеки варежкой трешь...
(Александр Кушнер)

Эти образы и аллюзии стали частью национальной сокровищницы – нашего языка, той его части, которая легко и радостно, слава богу, пока ещё считается всеми. Поэтому, уходя в подтекст, в структуру и образный строй произведений, к которым обращаемся, мы радуем своего читателя возможностью вспомнить нечто любимое вместе с нами. Этого никогда не достичь с помощью сухого перечисления фамилий, нажимающих на «нужные» кнопки, но не открывающих желанного окошка памяти.

Авторы «Тамбовского альманаха»

Аршанский Валерий Семёнович – прозаик, публицист, журналист. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза журналистов и Союза писателей России. Окончил Воронежский государственный университет, с 1967 г. живёт в Мичуринске. С 1973 г. работал в газете «Мичуринская правда», долгое время был её главным редактором. Автор книг прозы: «Дипломная практика», «Фольклорная экспедиция», «Встреча», «Откровение», «Горькая трава марор», «Бремя атланта», «Гражданский проспект» и др. Лауреат премий имени И.А. Гаврилова, имени А. К. Воронского. Почётный гражданин Тамбовской области.

Баюканский Валентин Анатольевич – писатель, журналист. Автор произведений мистического и фантастического характера. Изданы книги: «Прогулки в закоулки», «И вновь прогулки в закоулки», «Обруч Ангела», «Любимая из созвездия Козерога». Автор более 800 публикаций в российских и зарубежных СМИ. Член Союза журналистов России, Международной ассоциации писателей публицистов, председатель Липецкого правления общероссийского Союза писателей «Воинское содружество». Член Союза российских писателей. Награждён медалью «Во Славу Липецкой области».

Берсенеv Сергей Витальевич – поэт, Секретарь Союза писателей России, Первый заместитель Председателя Правления Московской областной организации Союза писателей России, заслуженный писатель Московской областной организации Союза писателей России, лауреат областных общественно-литературных премий «Золотое перо Московии», «Сердце Мещеры», «Белые крылья Непрядвы», «Солнце» имени Владимира Маяковского, имени Ярослава Смелякова, победитель общественно-литературной премии «Русь моя-2019» имени Сергея Есенина, обладатель звания и знака «Золотое перо Руси».

Горелкин Юрий Викторович – поэт. Родился в г. Рассказово Тамбовской области. По образованию педагог. Преподаватель МАОУ «Лицей № 6» и ДХШ № 1 (г. Тамбов). Публиковалась в газете «Трудовая новь» (Рассказово), в сборнике «В родном Рассказовском краю». Автор сборника «Я прочитаю вам стихи» (2025). Призер регионального поэтического конкурса «С малой Родиной я говорю». Лауреат VI Всероссийского поэтического конкурса имени Майи Румянцевой (2025). Кандидат в Литературный актив Тамбовского регионального отделения Союза писателей России.

Гришин Михаил Анатольевич – прозаик, сценарист, журналист, член Союза писателей и Союза журналистов России. Автор романов «Вкус мести», «Паутина», сборника рассказов «Дождь, самогон и коробка конфет», детских повестей-сказок из серии «Приключения Витьки Картошкина», публикаций в журналах «Подъём», «Север», «Урал», «Костёр», «Автопилот» и др. Как сценарист участвовал в нескольких телевизионных проектах, автор сценарии для сериала «Особый случай», автор сценария телефильма «Облака, испачканные пылью». Дипломант третьего Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-

популярной литературы им. А.Н. Толстого. Лауреат литературной премии имени Е.А. Боратынского.

Джурович Наталья Александровна – поэт, член Союза писателей России. Родилась в Москве, детство провела в селе 1-ая Иноковка Тамбовской области. В 2009 г. окончила филологический факультет Российского Православного университета св. Иоанна Богослова. Жила в Черногории, преподавала курс русского языка для сербов. Переводит прозу и поэзию с сербского языка на русский. Постоянный переводчик сайта <http://studenicainfo.rs/> Автор книг «Нескончаемое лето», «Крестonosная Румия/Румија крстonosна» (автор и переводчик), «Двуречие». Публиковалась в журналах: «Москва», «Наши Современники», «Гостинный дворъ», «Подъём», «Волга 21 век», «Эхо Бога», «Славянская лира». Победитель поэтического конкурса имени Майи Румянцевой, лауреат конкурса имени Григорьева.

Знобищева Мария Игоревна – поэт, прозаик, критик, член Союза писателей России. Родилась в Тамбове, окончила Институт филологии ТГУ им. Г.Р. Державина. Кандидат филологических наук. Публиковалась в журналах: «Наши современники», «Подъём», «Волга – XXI век», «Нева», «Вопросы литературы», «Крещатик», «Пересвет», в «Литературной газете», на сайте «Российский писатель» и др. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, премии им. Ю.П. Кузнецова, дипломант Международного Волошинского фестиваля, победитель V Всероссийского литературного конкурса «Преображение России» им. С. Н. Сергеева-Ценского (2025). В 2021 г. признана «Лучшим поэтом года» по версии Союза писателей России. Руководитель Центра творческого развития детей «Мир слова» при ЦДБ им. С.Я. Маршака г. Тамбова.

Кружнов Андрей Эдуардович (1962 – 2021) – прозаик, драматург, режиссёр. Член СТД и Союза писателей России Родился в Гродно. Закончил режиссёрско-театральное отделение ТФ МГИК и Литинститут им. Горького (отделение драматургии). Автор сборника пьес «От сказки до фарса», книг «Юмористические рассказы об актёрах, о любви и глупости», «Портрет моего времени», «Маленькие собаки тоже любят бога» и др. Печатался в альманахах, журналах Москвы, Тамбова, Махачкалы и Кинешмы. Монодрама «Советские Штаты Америки, или Исповедь лузера» - дипломант трёх театральных фестивалей. Лауреат литературной премии «Бумажный ранет-2014» в Москве.

Луговских Николай Иванович – автор коротких рассказов. Родился в 1954 году в Липецкой области. Окончил аспирантуру Академии государственной службы при Президенте РФ. Заслуженный экономист РФ. Кандидат экономических наук, доцент. Трудовую деятельность начал в 1977 году инженером-технологом Котовского завода им. 50-летия СССР. Возглавлял отделение Федерального казначейства по г. Котовску. Избирался главой администрации и главой города Котовска. С 2011 года председатель Контрольно-счётной палаты Тамбовской области. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2007), орденом «Дружбы» (2019), нагрудным знаком «За заслуги перед Тамбовской областью» и др. Почётный гражданин города Котовска.

Луканкина Елена Львовна – поэт, прозаик, драматург, журналист. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Родилась в Тамбове. Окончила факультет журналистики ТГУ имени Г.Р. Державина. Автор шести книг: сборников стихов «Маленькие жизни», «Искусство крика», «P.S.», «Дерево в огне», книги прозы «Полуангелы», а также романа «Когда мы стали животными». Лауреат литературно-общественной премии «Светить всегда» имени Владимира Маяковского. Лауреат литературной премии Тамбовского области имени Е.А. Боратынского. Лауреат литературной премии «Светунец» имени Вячеслава Богданова.

Мирошниченко Надежда Александровна – русская, советская писательница, член Правления Союза писателей России, прозаик, поэт, педагог. Родилась в 1943 году в Москве. Окончила Коми государственный пединститут. Преподавала в Ухтинском техническом университете. Автор 13-ти книг стихов. Стихи публиковались в журналах «Наши современник», «Молодая гвардия», «Дон», «Север», «Юность», «Подъём»; в «Литературной газете»; в альманахе «День поэзии» и др. В 1996 году за сборник «Русское сердце» (1996) удостоена Государственной премии Республики Коми им. И.А. Куратова в области литературы, а в 2012 году – Литературной премии им. Володиной. Лауреат Большой литературной премии России (2007). Народный поэт Коми (2009). Заслуженный работник культуры Российской Федерации (2010). Награждена медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» 1 и 2 степеней (2004, 2021).

Николаева Александра Николаевна – поэт, член Союза писателей России. Родилась в Тамбове, окончила ТГУ им. Г.Р. Державина. Кандидат исторических наук. Автор четырёх поэтических сборников: «Что о себе могу я рассказать», «А на душе покойней и светлей», «Осенний дневник», «Матерь жизни». Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Молодая гвардия», «Подъём», «Петровский мост», на сайте «Российский писатель». Лауреат, I Всероссийского литературного конкурса «Преображение России», литературной премии «Светунец» имени Вячеслава Богданова. Поэтический куратор студии «ШАТЁР» для молодых людей с ОВЗ при Тамбовской областной библиотеке им. А.С. Пушкина.

Новикова-Строганова Алла Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, историк литературы, член Союза писателей России. Автор четырёх монографий и свыше 500 научных и публицистических работ о творчестве классиков мировой литературы. Обладатель Золотого Диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат премий журналов: «Зарубежные записки» (2014), «Наши современник» (2018), Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н.С. Лескова (2020), премии «Российского писателя» (2021, 2022). Работы опубликованы в научно-популярных и общественно-литературных изданиях России и других стран. Член Диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям «Русская литература», «Зарубежная литература» Орловского ГУ им. И.С. Тургенева.

Струкова Марина Васильевна – писатель, публицист, краевед. Родилась в п. Романовка Саратовской области. По образованию филолог. Работала учителем и сотрудником СМИ. Публиковалась в изданиях: «Наш современник», «Москва», «Роман-газета XXI век», «Литературный Тамбов», «Тамбовская жизнь», «Подъём» и многих других. Лауреат конкурсов им. Ю. Кузнецова, им. Н. Некрасова, «Молитва», «Прекрасные порывы», «Добрая лира». Дважды лауреат журнала «Наш современник». Живёт на Тамбовщине.

Часовских Елена Владимировна – член Союза писателей России, поэт, педагог. Родилась в 1976 году в г. Рассказово Тамбовской области. В 1998 году закончила ТГУ им. Г.Р. Державина, кандидат филологических наук. Работает в школе с. Дмитриевщина Рассказовского района. Автор трёх поэтических сборников. Стихи публиковались в Тамбове, Липецке, Воронеже, Ижевске, С.-Петербурге, Москве в газетах, альманахах и сборниках. Лауреат VI Всероссийского поэтического конкурса имени Майи Румянцевой (2025). Финалист фестиваля русской речи «Русское слово» в С.-Петербурге (2012). Победитель конкурса творческих работ «Сельский учитель в большой России» в Санкт-Петербурге (2018). Организатор литературного клуба «Рассказово» (2016).

Черняк Станислав Владленович – поэт, член Союза писателей России. Родился в 1973 в г. Котовске Тамбовской области. В 1995 г. закончил ТГУ им. Г.Р. Державина. Избирался депутатом Котовского городского Совета народных депутатов. Выпустил сборники стихов: «Я вновь пишу тебе стихи» (2010), «Я выбираю свет...» (2023), «Високосные стихи для детей и взрослых» (2024), «Мои доминанты» (2025), а также книгу в жанре альтернативной истории «Мы, Николай II. Трилогия». Стихи публиковались в Тамбове, Москве, Барнауле, Белгороде, Волгограде, Липецке, Воронеже, Новокузнецке, Ростове-на-Дону в журналах, альманахах и сборниках. Лауреат всероссийских литературных конкурсов «Преображение России» (2024), «По праву памяти» (2025), «Серебряные крылья» (2025). Дипломант международного поэтического конкурса «Фонарь» (2024). Автор текста официального гимна г. Котовска Тамбовской области.

Содержание

ЭПИГРАФ

Александр Макаров. *Стихи* 3

ПРОЗА

Михаил Гришин. Призрачное кладбище. *Послевоенный детектив. Фрагмент романа*..... 4
Валерий Аршанский. Недобитые. *Повесть*. 47

ДРАМАТУРГИЯ

Андрей Кружнов. Люди хаоса. *Эпизоды из культурной жизни в 2-х действиях*. 126

ПОЭЗИЯ

Елена Часовских. Жемчужины и черепки. *Стихи* 38
Надежда Мирошниченко. Из правды жизни. *Стихи*..... 75
Елена Луканкина. Подвенечный лес. *Стихи* 90
Александра Николаева. Сердцем объять беспощадный мир. *Стихи*..... 98
Наталья Джурович. Храни меня от инородных слов. *Стихи* 106
Станислав Черняк. «Возьми мою руку...» *Любовные стихи* 112
Лауреаты и дипломанты VI Всероссийского поэтического конкурса имени Майи Румянцевой. *Стихи* 172
Сергей Берсенев. Начать бы с чистого листа. *Стихи* 196

ИСТОРИЯ

Марина Струкова. Председатель Тамбовского Губисполкома Михаил Дмитриевич Чичканов. *Из биографического исследования* 81
Валентин Баюканский. Манчжурский дневник. *Исторический очерк*..... 188

НОВЫЕ ЛИЦА

Юрий Горелкин. Игрок. *Стихи* 158
Николай Луговских. Отложенная встреча. *Рассказ*..... 166

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алла Новикова-Строганова. Святки в творчестве Ивана Бунина. *Статья*..... 203

АЗБУКА ПИСЬМА

Мария Знобищева. С Пушкиным на дружеской ноге.
Как грамотно выстроить ассоциативные ряды. *Лекция*..... 210

ГАЛЕРЕЯ

Скульптуры Виктора Острикова. Фотоработы Ольги Самородовой 120

АВТОРЫ

Авторы 30-го номера «Тамбовского альманаха» 214

Для заметок

Тамбовский альманах № 30

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

Главный редактор

Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Редакционная коллегия

Валерий АРШАНСКИЙ
Сергей БЕРЕЖНОЙ
Юрий БЕРИДЗЕ
Валентина ДОРОЖКИНА
Наталья ЖЕЛТОВА
Мария ЗНОБИЩЕВА
Геннадий ИВАНОВ
Сергей КОЧУКОВ
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА
Вячеслав ЛЮТЫЙ
Светлана ПЕШКОВА
Людмила ПРОНИНА
Станислав ЧЕРНЯК

Корректор

Александра НИКОЛАЕВА

Вёрстка

Ксения ПОПОВА

ISBN 978-5-6055457-8-1

Подписано в печать 1.03.2026
Формат 70x100 1/16
Бумага my print. Печать цифровая
гарнитура Minion Pro. Печ. л. 17.88
Тираж 200 Заказ № 14
Студия печати Ксении Поповой
г. Тамбов, ул. Курская, д. 57.
studiapechati@bk.ru
Тел.: + 7 (953) 715-48-36
+ 7 (953) 711-62-04